

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ХЕЛЬСИНКИ И НАСЛЕДИЕ ЕВРОПЫ
- ВОСЕМЬ РАКЕТ ПО ДВУМ ЦЕЛЯМ
- МНИМОЕ ПРОЗРЕНИЕ ЮРИЯ ШУХЕВИЧА
- ПРАВДИСТ-ЮМОРИСТ
- ШУМБРАЧИ, МОРДОВИЯ, СЧАСТЛИВЫЙ КРАЙ ЛАГЕРЕЙ
- ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ, СТУДЕНТОВ, МИЛИЦИИ И КГБ
- С ГОЛЫМ ПРОФИЛЕМ ЗА ПРОГРЕССОМ
- ЖАРКАЯ ЗИМА В ЮЖНОЙ АФРИКЕ
- ВЗРЫВ НА ХОЛМЕ ТРОИЦЫ
- ШЕСТОГО АВГУСТА В ХИРОСИМЕ
- КОБА И ДРУГИЕ ТОВАРИЩИ
- КРОТОСТЬ УЗНИКА ЕСТЬ УКРАШЕНИЕ ТЕМНИЦЫ
- ГДЕ ЭТА УЛИЦА, ГДЕ ЭТОТ ДОМ
- ПОМИНКИ ПО АВАНГАРДУ

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), Р.Шапиро (Иерусалим), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок (25 ам. долларов), в США, Канаде и Израиле – 35 ам. долларов, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 45 ам. долларов. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. При подписке на несколько экземпляров устанавливаются льготные условия по соглашению. Цена одного номера – 6 нем.марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 2 ам. долл.) Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
<i>М.Дейч.</i> Желание мира	12
Вести из СССР	17
Дым Отечества	24
<i>Н.Петров.</i> Прошлое — перед глазами	26
<i>Р.Бахтамов.</i> Палка об одном конце	31
<i>В.Меникер.</i> Ноль часов атомного века	42
<i>Дж.Херси.</i> Хиросима	45
Кто нанесет удар?	53
Десять лет Хельсинки	60
<i>Дж.Шульц.</i> Мы, наследники европейского духа... ..	62
<i>М.Рейман.</i> Агент в Политбюро	68
<i>И.Ефимов.</i> Процесс Цинцинната Ц. и казнь Иосифа К.	79
Улица Шеллинга, 48	87
<i>Б.Хазанов.</i> Прощание с авангардом	89
Можно ли ставить советский строй на одну доску с нацизмом? <i>Письмо</i> <i>в редакцию и ответ</i>	92

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.
 Tel. (089) 272 18 99; (089) 272 28 99; telex 5218017 unb1.
 Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).
 Postgromamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

В Южной Африке заканчивается зима. Эта зима была жаркой. Вновь трагически обострились взаимоотношения между двумя этническими группами населения, между черными и белыми. Белые, которые составляют одну шестую населения Южно-Африканской республики, обладают в этой стране всей полнотой власти. Черные — пять шестых — лишены всех политических прав. В особом и трудном положении находятся два промежуточных меньшинства — индийцы и метисы. В прошлом году правительство премьер-министра Питера Бота сделало либеральный жест, создав подобие представительных институтов для метисов и индийцев с очень ограниченными полномочиями: они могут заниматься лишь вопросами, касающимися этих меньшинств. Никакого участия в общегосударственной политике они не принимают.

Угадать истинные намерения правительства было нетрудно. По мнению многих наблюдателей, черное большинство рано или поздно возьмет верх и привлечет на свою сторону индийцев и метисов. Вот почему Бота старался предотвратить этот союз, сделав незначительную уступку промежуточным меньшинствам и сея раздор во враждебном лагере. Представители меньшинств приняли эту подачку. В ответ посыпались обвинения в предательстве со стороны черных и угрозы расправиться с изменниками, когда черное большинство встанет у руля.

С другой стороны, П. Бота испытал давление со стороны крайне правых в собственном лагере. Теперь он держится более простой, чтобы не сказать — упрощенной программы. Неважно, что бе-

лые в меньшинстве, лишь бы они были преисполнены решимости не упускать из рук бразды правления. Сила — вот единственное, на что надо полагаться. Применяется ли она там где надо или там где не надо — вопрос второстепенный, не говоря уже о том, что те круги за рубежом, которые порицают режим апартеида, сами в конце концов готовы с ним смириться, понимая стратегическую важность этого региона и роль ЮАР как бастиона против "красных".

Однако правительство понимало необходимость улучшить репутацию южноафриканского государства. Что мог предложить Бота? Ничего или почти ничего, за исключением разве что реформы брачного законодательства, — речь идет о том, чтобы разрешить, наконец, смешанные браки в стране. Что же касается политики, то его проект, одобрения которого он добился в минувшем году, никаких существенных перемен не принес. Не видно ни малейшего прогресса в решении главной проблемы Южной Африки, где враждебные друг другу расовые общины — врагами их сделала долгая история — вынуждены как-то сосуществовать и сотрудничать. Что дало "участие" индийцев и метисов в некоторых общественных делах? Да ничего. Наоборот, ожесточение черных еще более накалилось. Новый рецидив произошел в июле. Агитация и усиливающееся брожение в негритянских кварталах, жестокие ответные меры полиции, где к тому же нижние чины — черные: служба в полиции для них — способ не скатиться на дно. Соответственно им и поручают самую черную работу. Похороны жертв полицейского террора выливаются

в манифестации. В конце концов правительство вводит чрезвычайное положение, тысячи людей арестованы без каких-либо юридических формальностей по обвинению или подозрению в антиправительственной агитации. Все это принимает такие масштабы, что демократические страны выражают свое неудовольствие, а в ряде случаев прибегают к санкциям против ЮАР.

Снова встает все тот же вопрос: как отстоять моральные принципы в международном сообществе? В нашем мире не так уж много государств, достойных почетного приза за добродетельное поведение. Промышленные державы не хотят, да в сущности и не могут бойкотировать все страны с тираническими режимами. И все же наступает момент, когда чаша терпения переполняется. Установить точные критерии дозволенного и недозванного трудно. К Советскому Союзу, например, международные санкции были применены, когда советская армия вторглась в Афганистан. В свое время так называемая нормализация положения в Чехословакии после Пражской весны вызвала многочисленные протесты, но редко кто решился порвать с СССР.

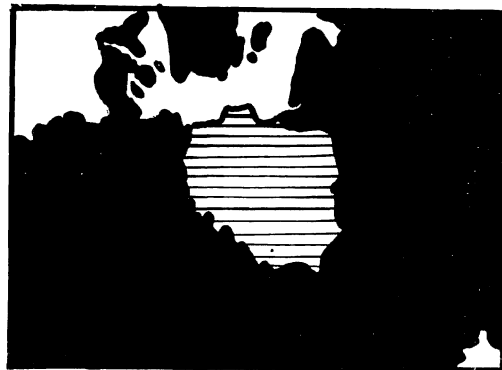
Случай с Чехословакией поучителен в том смысле, что правители в Москве ухитрились провести "нормализацию" постепенно. Это в значительной мере помогло им избежать международных санкций. Результаты известны. Но как раз лето 1985 года неожиданно, за какие-нибудь несколько дней, снова переместило Чехословакию чуть ли не в центр внимания Запада.

Много лет этой страной никто не интересовался. Здесь незачем напоминать о том, что от знаменитой весны ничего не осталось, после того как в стране навел "порядок" Густав Гусак, человек, который, между прочим, в сталинские времена находился в заключении по обвинению в словацком национализме. В 1969 г., когда Гусак пришел к власти, многие в Чехословакии еще надеялись, что как человек умный и интеллигентный он сумеет без шума, понемногу добиться демократизации страны. Как известно, этого не произошло. Чехословакия вернулась в общем и целом к тому, что было до шестьдесят восьмого года. Ее руководители, в отличие от венгерских коллег, не пытаются сделать из своей страны то, что журналисты называют "наименее неудобным баракком социалистического лагеря".

Но вот теперь оказывается, что тишь и гладь — отнюдь не знак того, что чехи и словаки смири-

лись с существующим положением. Седьмого июля в Чехословакии праздновалось, вслед за другими славянскими странами, 1100-летие одного из создателей славянской письменности св. Кирилла. Предполагалось, что на торжества в Словакию прибудет папа римский. Однако папе, как, впрочем, и большинству представителей зарубежных церквей, дали понять, что визит нежелателен. Вместе с тем правительство в Праге не смогло воспрепятствовать тому, чтобы из Рима прибыл и председательствовал на торжественной церемонии государственный секретарь Ватикана кардинал Казаролли. Пришлось скрепя сердце смириться с тем, что на торжества собралось 150 тысяч паломников. Со времени событий 1968—69 гг. страна не видела такого скопления народа, не говоря уже о том, что партия всегда старалась свести на нет влияние церкви в стране. По прибытии в Чехословакию мونسиньор Казаролли выразил желание побеседовать с представителями режима о преследованиях церкви и священников в Чехословакии. Беседа состоялась, но партия не отступила от своего намерения покончить с активностью церкви в стране, активностью, ярким выражением которой были празднества в Словакии. ●

Г. Ферон

ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

Первого июля, в соответствии с предварительными объявленными планами правительства, были повышены цены на мясо и мясные продукты, в среднем на 10% — не слишком много по польским масштабам. Это повышение — часть третьего этапа общего повышения цен на продовольствие, намеченного на нынешний год.

Напомним, что вначале власти намеревались провести эту операцию в один прием. Тогда руководство подпольной "Солидарности" и Лех Валенса пригрозили всеобщей забастовкой. Забастовка была отменена, когда власти объявили об отсрочке намеченной меры. Однако уже несколькими днями позже было объявлено о частичном немедленном повышении цен и о планах дальнейшего поэтапного повышения цен на мясо в июле. В мае Временная координационная комиссия "Солидарности" (ВКК) призвала провести 1 июля часовую всеобщую стачку. В конце июня в специальном воззвании призыв ВКК поддержали некоторые из известных "легальных" деятелей "Солидарности" – Мариан Юрчик, Хенрик Вуец, Юзеф Пиньор и др. Поддержал его также и Лех Валенса.

Как и при прежних повышениях цен, власти ответили мобилизацией сил охраны порядка в некоторых районах страны и вокруг ключевых предприятий. Началась также кампания запугивания на самих предприятиях, которую проводили администрация, парторганизации и служба безопасности. Рабочие не вняли призыву к всеобщей забастовке, вероятно, потому, что не были уверены в том, что она окажется действенной. Впрочем, очень многие коллективы нашли иной, более эффективный способ нейтрализации последствий повышения цен – тихое, но согласованное повседневное давление на руководство предприятий с целью повышения заработной платы. В результате такого давления власти ныне практически не контролируют роста зарплаты, которая повышается значительно быстрее, чем выпуск продукции. Рост зарплаты значительно опережает также и плановые показатели.

Хотя всеобщей зарастовки и не произошло, состоялись забастовки на многих важных предприятиях. На гданьских верфях в часовой стачке участвовало около 80% рабочих. Бастовала значительная часть рабочих варшавского металлургического завода, машиностроительный комбинат "Урсус", завод цветных телевизоров "Польколор", радиозавод "Гавар". Забастовки прошли также на машиностроительном заводе им.Цегельского в Познани, вагонном заводе "Пафават" во Вроцлаве и на других заводах и фабриках по всей территории страны.

*

В июле состоялось последнее заседание сейма нынешнего, крайне затянувшегося созыва. Сейм был избран еще в 70-е гг., и его полномочия были продлены сразу же после введения военного положения. Теперь власти пришли к выводу, что "нормализация" настолько продвинулась, что можно провести новые выборы. Они назначены на октябрь.

Перед закрытием сейм утвердил изменения в законодательстве о высшей школе и о профсоюзках. Законодательство о высшей школе было утверждено сеймом в 1982 г., уже после введения военного положения, и хотя оно было значительно менее либеральным, чем проект, выдвинутый в период "Солидарности", все же содержало многие элементы этого проекта и допускало значительную автономию как для профессуры, так и для студентов, в особенности в области кадровой политики. В итоге в руководстве вузов и в студенческом самоуправлении оказалось немного людей, покорных партийному аппарату. Зато туда попали многие, пользующиеся доверием академических кругов, и это несмотря на то, что министр высшего образования устранил большинство ректоров, избранных до декабря 1981 г. В вузах до сего дня осталось немного тех, кто активно поддерживал "Солидарность", во многом сохранилась атмосфера свободы научных исследований, преподавания и академической жизни в целом.

Для властей, рассматривающих высшую школу как инструмент индоктринации, такое положение было неприемлемо. Был подготовлен проект изменений, который был призван практически ликвидировать самоуправление научных работников и студентов и ввести диктатуру ректоров в вузах, а министра – в отношении ректоров. Новый закон восстанавливает "руководящую роль" партии в кадровой политике, а представительство студентов отдает в руки так называемых молодежных организаций, охватывающих всего 5% общего числа студентов.

Проект изменений законодательства о вузах был опубликован уже несколько месяцев назад. Его встретили с неодобрением и профессора, и студенты. Против него выступил Главный совет по высшему образованию – совещательный орган при министерстве, избираемый из представителей общественности, а также сенаты большинства вузов и органы студенческого самоуправления. В мае–июне во многих высших учебных

заведениях прошли шумные студенческие сходки — организованные, разумеется, без согласия властей — с требованиями не изменять существующий закон. Многие профессора выступили в печати с выражением сомнения в целесообразности проекта. Однако несмотря на протесты всей академической общественности власти направили проект на утверждение в сейм.

Сейм утвердил также изменения в законе о профессиональных союзах. Из закона исключена, в частности, статья о возможности существования на одном предприятии нескольких профорганизаций. Прочие перемены состоят в приближении польской модели профсоюзов к традиционному образцу, принятому в коммунистических странах. Так, профсоюзам возвращена их "производственная функция", то есть роль погоныя рабочих, та роль, которой скомпрометировали себя прежние профсоюзы. Главный смысл изменения закона состоял в том, чтобы "раз и навсегда" избавиться от кошмара профсоюзного плюрализма: отмененная статья давала законные основания требовать восстановления "Солидарности" и могла быть использована "антисоциалистическими силами".

*

Выборы в сейм в октябре пройдут по новому избирательному закону, утвержденному несколько месяцев назад после довольно оживленной дискуссии в официальной печати. В ходе дискуссии выявилась разница позиций между прогрессистами и консерваторами в правительственном лагере. Весьма немногочисленные прогрессисты — в основном интеллигенция, связанная с Патриотическим движением национального обновления (ПДНО — тип "Народного фронта") предлагали проекты, которые придали бы выборам несколько более либеральный характер. Например, предлагалось ввести выдвигание нескольких кандидатов на одно место, публиковать списки кандидатов в алфавитном порядке, а не в порядке партийной иерархии. Предлагалось даже допустить к выборам какое-то количество умеренных членов оппозиции и создать в сейме род оппозиционной фракции под скрытым надзором епископата. Ни одно из этих предложений не было принято. Это очередное поражение тех членов ПДНО, которые решили сотрудничать с властями через посредство этой орга-

низации не из симпатии к коммунизму, а из убеждения, что таким путем можно спасти максимум завоеваний августа 1980 г. Поражение в битве за избирательный закон может углубить кризис ПДНО, который все больше уподобляется якобы межпартийным "народным фронтам" других коммунистических стран.

Отсутствие существенных изменений закона о выборах предопределило отношение оппозиции к выборам. В середине июля состоялось заседание ВКК, призвавшее общественность к бойкоту выборов и к организации (как это имело место во время недавних выборов в местные советы) общественного контроля за ходом голосования. Идея бойкота получила уже одобрение всех главных групп оппозиции и подпольной печати. Объявлены конкурсы на соответствующие плакаты и лозунги, специальные группы готовятся к распространению листовок. Предложено создать Общественный комитет бойкота, который будет собирать данные о ходе кампании по всей стране. В ближайшие месяцы вопрос о выборах будет важнейшим фронтом политической борьбы в Польше.

*

Около года назад в стране зародилось независимое подпольное телевидение. Все больше людей имеют видеомагнитофоны и видеокамеры, привозимые с Запада, получают их и подпольные группы. Уже возник независимый кинопрокат, организуемый в частных квартирах. На просмотры приглашают друзей и знакомых. Создается сеть распространения видеокассет и рынок их купли-продажи, подобно тому, как это сделано для подпольных изданий. Появляются специализированные независимые организации, производящие видеокассеты. Первая такая организация — "Видеонова", телевизионный отдел Независимой издательской конторы "Нова", основанной восемь лет назад Мирославом Хоецким, который ныне живет в эмиграции в Париже. Первая кассета "Видеоновы" — фильм Рышарда Бугайского "Допрос", запрещенный цензурой. Вот отрывок из беседы сотрудника новой фирмы с журналистом из еженедельника "Тыгодник Мазовше":

— Что хочет предложить "Видеонова" обладателям видеомагнитофонов?

— Прежде всего, польские фильмы, которые

задержаны цензурой, — художественные и документальные. Возможно, что на одной кассете будут помещать и художественный и документальный фильм.

— Не кажется ли вам, что ваша деятельность предназначена лишь для элиты?

— Я верю, что со временем видеокассеты будут конкурировать с телевидением и кино. Это наше важное оружие в борьбе за независимую культуру. Наша задача — сломать еще одну монополию властей. Видео отлично объединяет людей. Съемки фильма, распространение, добывание снаряжения, наконец, просмотр, — все это делается коллективно...

В Париже также создана независимая организация "Видеоконтакт", имеющая целью развитие независимого телевидения в Польше. Она помогает в доставке необходимого оборудования, которое невозможно получить в стране, но прежде всего — готовит программы.

Возникновение независимого телевидения имеет также большое значение для многих людей творческого труда, которые не могут или не желают сотрудничать с властями. Благодаря ему актеры, художники и работники кино получают еще одну возможность общения с публикой. ●

В. Кучинский

ПЯТИЛЕТКА НА ПЕСКЕ

Экзотическое королевство Саудовская Аравия — одна из последних абсолютных теократических монархий мира. На ее территории находятся не только мусульманские святыни — Мекка и Медина, но и мировые центры нефтедобычи. Саудовская Аравия — основной источник денежных средств, на который существуют многие арабские и иные мусульманские страны. На эти день-

ги Ирак еще держится против иранской армии, Йемен как-то латает свой развалившийся бюджет, Сирия платит за советские ракеты, Сомали и Египет укрепляют свою оборону против алчных соседей — Ливии и Эфиопии. Разумеется, саудовское умеренное прозападное правительство поддерживает и многочисленные проекты экономического и социального развития стран Третьего мира.

Новый год будет также и первым годом нового, четвертого пятилетнего плана Саудовской Аравии. Как и прежние саудовские пятилетки, она поражает многомиллиардными суммами, которые направляются на строительство предприятий, дорог, учреждений обслуживания, на армию и на внешнюю экономическую помощь. Однако, как и ранее, точные данные о планах и их выполнении не публикуются. Впрочем, в этой стране многие данные не так просто и добыть: нет даже точной оценки численности населения, которое, как предполагают, еще не достигло 10 млн. (перешьсь никогда не проводилась).

Уже сейчас поступают сообщения о том, что выполнение планов будет проходить с серьезными затруднениями. После бурных дебатов на последней сессии Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), закончившейся 29 июля, тяжелые времена для Саудовской Аравии стали распространенной темой разговоров. Однако до кризиса, а тем более до краха еще далеко. Королевство обладает валютными резервами примерно в 130 млрд. долларов, а разведанных запасов нефти могло бы хватить даже при рекордной добыче, достигнутой в 1981 г., еще лет на пятьдесят. За последние 10–12 лет стало привычным полагать, что эта страна может позволить себе любую роскошь. О ее жизни судили по многочисленным (почти три тысячи чел.) членам королевской семьи и по сотне-другой иных скоробогачей. Саудовские миллионеры покупали большие участки земли в центре Лондона и Парижа, приобретали роскошные лайнеры, радиостанции, курорты, банки и фирмы (например, пятую часть акций фирмы Фиат). После начала Войны судного дня между арабами и Израилем в октябре 1973 г. цены на нефть подскочили вчетверо, в 1979–80 гг. — еще втрое. Теперь уже даже и забыли о доступных ценах 1973 г., хотя и они были втрое выше, чем в 1968 г. Так, менее чем за 13 лет, к началу 1981 г. нефтяные цены выросли почти в сорок раз и достигли примерно

250 долларов за тонну. Добавим, что цены на сотни видов нефти и нефтепродуктов привязаны к одному эталону, а именно – к саудовской тяжелой нефти. На свободном рынке этот вид горючего стал главным источником энергии и химического сырья.

Саудовская Аравия желает поддержать ОПЕК, который иногда считают воплощением арабской солидарности. Она идет на большие жертвы, например, добровольно согласившись сократить вдвое свою квоту на добычу нефти, установленную картелем. Сегодня страна добывает меньше нефти, чем Англия на Северном море (125 против английских 127 млн. тонн в год). Но и это не помогает. Неарабские члены ОПЕК – Венесуэла, Нигерия, Индонезия, Габон добывают больше нефти, чем это допускают картельные соглашения, чтобы поддержать свои бюджеты. Ливия на политической арене постоянно атакует Саудовскую Аравию. Между двумя членами Организации – Ираном и Ираком уже четыре года длится война, кровавая и безнадежная, в которой Саудовская Аравия держит сторону Ирака.

Важный источник политического влияния и денежных доходов монархии – мусульманское паломничество ("хадж") к местам, связанным с деятельностью пророка Мухаммеда – Мекке и Медине. Раньше сюда прибывало до трех с половиной миллионов паломников, теперь – не более двух миллионов. Причина – общее обострение положения в мусульманском мире, а главное – постоянные инциденты, сопровождающиеся человеческими жертвами. Их провоцируют фанатичные экстремисты, нередко вдохновляемые режимом Хомейни в Иране.

В такой обстановке пятилетний план, предусматривающий расходы на национальную экономику и внешнюю помощь в сумме примерно 280 млрд. долларов, выглядит весьма впечатляюще. Возникает лишь вопрос о финансировании. В нынешнем году доходы страны от экспорта нефти составили 40 млрд. долларов. Это огромная сумма, но она почти втрое меньше доходов рекордного 1981 г. Правда, отличные прибыли начали поступать на капиталы, вложенные в эпоху бума в западные ценные бумаги. По оценке они дают саудовской казне еще 25 млрд. долларов в год. Чтобы финансировать план, придется изымать эти вклады, что крайне невыгодно, да и не всегда возможно: они связаны сроками, иногда длительными. Уже для осуществле-

ния прежних проектов правительство в начале года изъяло из западных банков примерно пятую часть саудовских краткосрочных вкладов, что вызвало тревогу в финансовых центрах мира.

Другой путь – без шума отложить на полку некоторые особо амбициозные проекты. Это делается, но тоже сопряжено с потерями. Так, свертывание уже начатого крупного строительства нефтеперегонного завода даст, вместо прибыли около миллиарда долларов потерь. Еще одна возможность – привлечь для развития национальной экономики частных саудовский капитал. Но это не так легко.

В аэропортах растут очереди иностранных граждан, покидающих Саудовскую Аравию. В период процветания число иностранцев (в основном, выходцев из других арабских стран, а также палестинцев, корейцев, пакистанцев и других) достигло трех миллионов – примерно трети населения страны. Сейчас решено провести хирургическую операцию, и в короткие сроки довести число ежегодно выезжающих иммигрантов до 300 тыс. человек. Но смогут ли коренные жители, на многие виды труда привыкшие смотреть свысока, заменить терпеливых иммигрантов?

Ни на Западе, ни в умеренных кругах самих арабских государств не хотят ни политического ни экономического краха Саудовской Аравии. Она – фактор стабильности на Ближнем Востоке. Наметившиеся осложнения еще далеки от того, чтобы привести к серьезной дестабилизации страны. Важно, чтобы экстремисты извне и недалёковидные деятели внутри королевства не довели дело до обострения. ●

КУРДИСТАН: ВОССТАНИЕ В ТЕНИ ВОЙНЫ

В тени беспроблемной войны между Ираном и Ираком возобновилось восстание курдов против иракского режима Саддама Хусейна. Сыновья покойного лидера курдского национального движения Мустафы Барзани возглавили новый этап вековой борьбы этого древнего народа. Цель повстанцев скромна – если не независимость, то хотя бы пристойное существование курдов в рамках автономии.

Этот ираноязычный народ упоминается как воинственный и свободолубивый еще у Ксенофонта. Горы Загрос, да и весь Курдистан пред-

ставляют собой довольно изолированный анклав, захватывающий территории современных Турции, Ирака и Ирана. Однако, курдам никогда еще не удалось построить в этом анклаве свое собственное национальное целое. Тем не менее, курды – кочевники не были источником конфликтов в этом взрывоопасном районе мира. Серьезных столкновений между интересами окружающих народов и жителей Курдистана никогда не возникало.

Положение начало меняться, когда после Первой мировой войны были четко определены границы между ближневосточными странами. Договор, заключенный в Севре в 1920 г., предписывал иракскому правительству, на территории которого сосредоточилось большое и компактное курдское меньшинство, предоставить Курдистану автономию. Однако статьи Севрского договора в отношении курдов никогда не были выполнены. Запутанность этнографической картины на Ближнем Востоке везде работала против курдов. В Иране они были "чуждым элементом" как сунниты, в арабских странах – как ираноязычный народ, резко отличный по культуре и психологии от арабов.

В Турции их успешно натравливали на армян (в геноциде этого народа именно курдские части турецкой армии приняли самое активное участие). Получив земли многих уничтоженных ими армян, курды оказались во враждебном армянском окружении на пограничьи Ирана, Турции и СССР.

Особенно трудно сложилась судьба этого народа в Ираке. Здесь к национальным проблемам примешались и экономические. Разработанные в 20–30-е гг. богатые нефтяные месторождения Мосула и Киркука расположены в Курдистане. Иностраные нефтяные компании, багдадское правительство и арабское большинство вовсе не помышляли делить свои доходы с местным населением. Курды не раз восставали, и их восстания подавлялись с нарастающей жестокостью.

В конце Второй мировой войны часть курдских повстанцев укрылась на территории СССР. Здесь они были разоружены и интернированы, а Барзани некоторое время работал на черных работах в одном из пограничных колхозов. Затем им разрешили вернуться на родину.

Особенно затяжной характер приняла война в Курдистане после свержения правительства Касема в Ираке в 1958 г. Вплоть до 1970 г. иракские

части, несравненно лучше вооруженные, чем курды, не могли продвинуться в Курдистане ни на шаг, и, в основном, ограничивались не всегда успешной защитой нефтепромыслов. В 1970 г. забрезжила некоторая надежда: иракское правительство предложило проект поэтапного (за 4 года) введения автономии. Курды сочли это недостаточным, но перемирие, тем не менее, было заключено, и курдские представители получили места в центральных органах власти Ирака.

Однако права курдов продолжали ущемляться, центральное правительство своих обещаний не выполняло. В 1974 г. восстание вспыхнуло с новой силой. Шах Ирана, уже тогда находившийся в резком конфликте с Ираком, оказал курдам щедрую помощь, и восстание стало развиваться успешнее, чем когда-либо ранее. Но уже в 1975 г. соседи как-то договорились, и курды снова были оставлены на произвол судьбы. Им пришлось капитулировать и багдадские власти не упустили случая обставить капитуляцию множеством унижений. Самым унижительным для гордых воинов оказалось то, что за сданное ими оружие им было заплачено медной монетой. И курды только ждали своего часа.

Этот час пробил с победой Хомейни в Иране и с началом войны в Персидском заливе. Курдские бойцы "Пеш мерга" (Партии свободы) с иранским оружием вновь на тропе войны. ●

Муж и жена – бойцы "Пеш мерга"

КИТАЙ: ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОТЕПЛЕНИЕ

В Пекине опубликовано сообщение о том, что правительство намерено в ближайшее время сократить 5-миллионную китайскую армию на один миллион человек. Общий курс внешней политики — примирение с Америкой и Японией. Китай резко сократил вмешательство в экономические и военные дела стран Третьего мира. Вопрос о Гонконге решен, по крайней мере на бумаге: в 1997 г. остров будет включен в состав Китая, но сможет еще в течение 50 лет сохранять свой "особый статус" — политический и экономический. Начаты переговоры о возвращении Китайской Народной Республике Аомыня — старинного португальского владения Макао. В том, что Китай добьется желаемого, не приходится сомневаться: крошечная колония давно стала обузой для Португалии. Что же касается Китайской Республики на острове Тайвань, она загнана, говоря шахматным языком, в глухую защиту и практически нейтрализована в качестве военного и политического противника КНР.

Больше всего беспокоят китайцев "братья по разуму" — Северная Корея и Советский Союз. Что происходит к югу от пятидесятикилометровой советско-китайской границы, никто не знает; ясно, по крайней мере, что со времени смерти Мао советские пограничники чувствуют себя много спокойней. Но на самой советской стороне особых перемен, по-видимому, не произошло. На китайской границе (включая границу Монголии и КНР), как и прежде, дислоцировано 50 советских дивизий, стоят наготове тысячи танков и самолетов, а главное — к северу от границы размещено 140 ракет СС-20, каждая из ко-

торых снабжена тремя ядерными боеголовками. В Советском Союзе не забыли о том, что во время военных столкновений на границе пятнадцать лет назад китайцы захватили в первый день боев территорию площадью в 24 тысячи кв. километров: инцидент показал, что советская граница не подготовлена к отпору.

Переговоры о нормализации отношений между двумя странами идут или, вернее, тлеют, не обещая в близком будущем существенных достижений. Китайская сторона выдвигает три условия: СССР должен уйти из Афганистана, перестать помогать вьетнамцам в оккупированной Камбодже и, наконец, сократить военные контингенты на китайско-советской границе. Согласиться с этими предложениями Советский Союз не готов.

В советской пропаганде Китай перемещен на противоположный фланг: раньше там был левый уклон, теперь — "правый". Либерализация экономики и, в частности, сельского хозяйства (мы писали о ней в № 12 журнала за прошлый год), естественно, не может вызвать восторга у советских руководителей. О многом советские газеты вообще молчат. Об успехах расконвоированного китайского крестьянства читатель и слушатель радио в СССР не слышал ни слова. В лекциях же "на международные темы" пропагандисты, если и признают эти успехи, то изображают их как временные и случайные: что еще им остается сказать? ●

Витрина универмага
в Пекине

ПРОБЛЕМЫ УГАНДЫ – ПРОБЛЕМЫ ВСЕЙ АФРИКИ

Переворот, совершенный в Уганде 27 июля, и вторичное изгнание из страны президента Милтона Оботе двумя генералами – Тито Окело и Базилио Окело (не состоящими в родстве), – был 72-м переворотом в истории континента периода независимости, начавшейся в 1957 г. с провозглашением Республики Гана. За 28 лет были убиты 13 правителей африканских стран, и 12 крупных военных столкновений между вновь освободившимися государствами потрясли огромные территории к югу от Сахары. Голод, болезни, жестокие боины косили людей этого богатейшего района, наделенного, казалось бы, всем необходимым для нормальной жизни

Деля между собой Африку, колониальные империи не заботились об этнических, социальных и экономических проблемах покоряемых племен. Племена объединялись в одно владение или разъединялись в соответствии с игрой сил вне Африки. Так произошло и с Угандой. Под властью британской короны крупное племя баганда было объединено с небольшими бесписьменными и младопописьменными народами ланги, ачولي, басога и другими. Племена небольшой страны (территория 236 тыс. кв. км, население – около 14 млн. чел.) делятся по языку на три резко отличных группы – банту, нилоты и суданская группа.

В созданном в 1890 г. по англо-германскому соглашению протекторате Уганда сохранялась видимость автономии: британские власти сделали своим квислингом правителя Баганды (носившего титул кабака) и через него успешно правили страной без серьезного сопротивления

местных жителей. Насколько они пренебрегали местными интересами, свидетельствует их предложение Теодору Герцлю создать в Уганде национальный очаг еврейского народа – вместо Палестины, находившейся тогда под властью Турции. Трудно сказать, что произошло бы, если бы Герцлю удалось защитить "проект Уганда" на сионистском конгрессе 1900 г. от яростных возражений делегатов из России.

Провозглашение независимости страны в феврале 1962 г. привело к первым тяжелым кризисам в ее истории. Начались сепаратистские выступления баганда, требовавших автономии от центрального правительства Милтона Оботе и назначения кабака на пост президента. Возникла массовая эмиграция в Англию наиболее квалифицированной местной рабочей силы – индийцев и негритянской интеллигенции. Именно угандийская эмиграция положила начало расовой проблеме в Великобритании.

Эмиграция была бегством. Правители племени баганда, полагаясь на экономическое преобладание племени и его многочисленность, добились для племени привилегии – освобождения от военной службы. Другие племена захватили руководящие посты в армии. Офицеры стали рассматривать армию как совокупность племенных отрядов, вооруженных для защиты собственных интересов и направленных против баганда. С помощью подразделений племени ланги М. Оботе отменил автономию баганда, изгнал кабака с поста президента, а затем и из страны, и вскоре превратил страну в охотничьи угодья для ланги. Страна, ввергнутая в хаос, стала легкой добычей для Иди Амина – командира крошечных национальных ВВС, совершившего переворот.

О восьми годах правления этого клинического безумца, ныне живущего в Саудовской Аравии, существует целая литература. Это время останется в человеческой истории как эпоха диких расправ, жертвой которых пало, по самым скромным оценкам, 300 тыс. жителей Уганды (в пересчете на масштабы советского населения это соответствует 6 миллионам). Падение Иди Амина было лишь вопросом времени (несколько затянувшегося), и в 1979 г. Милтон Оботе во главе с силами повстанцев возвратился из Танзании в столицу страны Кампалу. Повторение истории можно было бы назвать скучным, если бы не еще сто тысяч жертв, на этот раз – режима Оботе.

Увы, начало новой власти, установившейся сейчас в результате повторного свержения Оботе, гоже малоутешительно. Армия ознаменовала переворот грабежами и насилием, а диктор путчистов сначала назвал главной целью переворота "поиски исчезнувших живых и мертвых офицеров племени ачоли". После 20-минутного перерыва было внесено исправления, касающиеся офицеров и других племен, но первый текст оставил горький осадок...

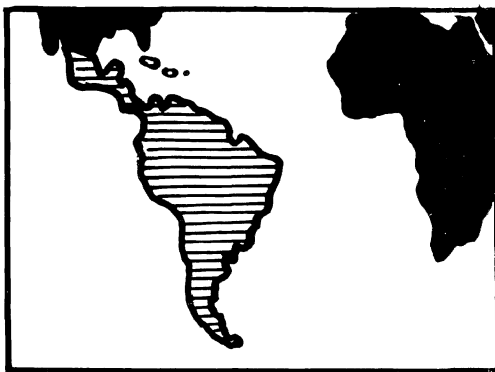
Положение в Уганде остается неясным. Один из лидеров переворота уже посетил президента соседней Танзании Джулиуса Ньерере в поисках соглашения, а также с мягким, но настойчивым требованием о выдаче укрывшегося в Танзании М. Оботе. Высказывается также предположение, что оба Окело – лишь марионетки в руках вице-президента Муванги. Это единственный член правительства Оботе, который и не подумал скрыться, а теперь получил пост премьер-министра.

Но кое-что все же обнадеживает. Предприняты шаги к примирению с повстанцами из племени баганда, несколько лет воевавшими с правительством Кампалы. Им предложены места в правительстве и возвращение многих прав племени. Правда, баганда требуют не менее половины министерских постов, но есть надежда, что здравый смысл и тяга к компромиссу возобладают. Ободряет и тот факт, что министром в новом правительстве назначен П. Сомогерере – известный защитник гражданских прав, проявивший немалое бесстрашие при всех прежних режимах. Принимаются меры к освобождению политзаключенных и к розыскам виновников зверств.

Пример Уганды – благодатного края, ставшего символом нищеты и геноцида, указывает, в чем состоит главная задача руководителей Черного континента. Эта задача – в формировании наций из разрозненных племен, в строительстве национальных рынков и хозяйства, в приобретении знаний и опыта в политике и экономике, в отказе от диктаторских методов руководства. Через 25 лет независимости уже нельзя демагогически списывать неудачи на колониальное прошлое и работорговлю: колониальный период во многовековой истории Африки занимает менее ста лет, а арабские и голландские работорговцы не были хозяевами Африки – они лишь паразитировали на древней местной традиции торговли

людьми. Пример негритянского населения США, Европы, Бразилии и Вест-Индии показывает, что, несмотря на все превратности судьбы, эти народы могут добиться многого.

К сожалению, многие из африканских лидеров обнаруживают дремучее невежество, некомпетентность в ведении дел, тягу к показухе и дикую жестокость. Все это прикрывается псевдонаучными концепциями особого пути развития, африканского социализма, негритюда и т. п., нередко привносимыми извне, но одинаково разделяемыми неграмотным капралом (президент Либерии С. К. Доу) и утонченным поэтом, членом Французской академии (бывший президент Сенегала Л. С. Сенгор). Последствия ошибок африканских руководителей непредсказуемы. Уже сейчас отмечают, что печальный опыт Зимбабве, где свержение правления белого меньшинства далеко не привело к улучшению положения, служит серьезным предостережением борцам за справедливость в Южной Африке и их многочисленным сторонникам в демократическом мире. ●

МИСКИТО ВОЗВРАЩАЮТСЯ ДОМОЙ

29 мая президент Никарагуа Даниель Ортега торжественно объявил, что индейцам мискито будет разрешено вернуться на земли, которые они считают священными. Спустя два месяца началась осторожная, постепенная их репатриация.

Трагедия мискито началась 4 года назад, в конце 1981 г., когда среди племени индейцев мискито, проживавших в лесах по берегам реки Кокони вдоль атлантического побережья, начались волнения и восстания. Индейцы полагали, что новые сандинистские законы нарушают традиционный

уклад их жизни. Сандинистская хунта решила прекратить протесты простым и, как ей казалось, эффективным путем: выселить все 35 тысяч членов племени с родных земель. 10 тысяч было помещено в специальные "центры", которые вождь индейцев Бруклин Ривера назвал "лагерями этноцида". Остальные были рассеяны по всей территории страны, многие бежали в Гондурас.

Части сандинистской армии были направлены, чтобы разрушить более 50 деревень и поселков мискито: хунта не хотела, чтобы индейские повстанцы, укрывшиеся в лесах, могли использовать их как свои базы. Некоторые поселки, например, Васпам были сожжены дотла.

Трагедия индейцев мискито привлекла внимание мирового общественного мнения. Многие государственные деятели, общественные организации неоднократно выступали с протестами, пытались оказать давление на сандинистское правительство, чтобы оно отказалось от своей политики этноцида.

И правительство было вынуждено отступить. Сейчас оно официально признает, что "не поняло мискито и плохо с ними обращалось". Разрешив индейцам вернуться домой, оно удовлетворило одно из главных требований повстанцев-мискито. Главное, но не все. Повстанцы продолжают борьбу, добиваясь невмешательства правительства в традиционный уклад жизни. Возвращение индейцев на свои места – определенный риск для правительства. Повстанцы теперь получают возможность получать помощь от населения.

Есть надежды, что будут сделаны и другие примирительные шаги. В частности, обсуждается вопрос о предоставлении мискито и другим индейцам атлантического побережья (сумо и рама) автономии. Представитель правительства сообщил, что план предоставления автономии находится в процессе подготовки.

А пока – переселение началось. Частные гуманитарные организации в Англии, Франции, Швеции и Бельгии выразили готовность оказать помощь индейцам в устройстве на своих старых местах. ●

НА ОЧЕРЕДИ КОСТА-РИКА?

Коммунистическая партия Коста-Рики создала воинское соединение, целью которого в настоящее время является борьба с антисандинистскими повстанцами в Никарагуа, а в дальнейшем, возможно, военные действия и в самой Коста-Рике.

Компартия Коста-Рики – небольшая крайне левая партия – находится в тесных отношениях с Кубой и сандинистами. Она куда более радикальна, чем партия Народный авангард Коста-Рики, официально поддерживающая "братские" связи с СССР. Компартия надеется, получив боевой опыт в борьбе с антисандинистами, использовать его и для военного вмешательства в положение в самой Коста-Рике, "если политические обстоятельства позволят".

В настоящее время созданное костариканскими коммунистами воинское соединение – не более, чем школа партизанской борьбы. Построено оно по типу бригады и ожидается, что вскоре достигнет 1000 человек. Сколько сейчас в нем бойцов – неизвестно.

Близ Манагуа (в Никарагуа) находится тренировочный лагерь, в котором костариканцы проходят военную подготовку под руководством своих собственных и сандинистских инструкторов. Обучаются военному делу костариканские коммунисты и на Кубе.

Созданная компартией Коста-Рики бригада размещена вдоль никарагуанской границы. Она выполняет две функции. Небольшие группы действуют против антисандинистских повстанцев, руководимых Эденом Пасторой, совершая тревожащие операции. Более важная задача – создание совместно с сандинистами "пограничной службы" на границе между двумя странами, обеспечивающей безопасную транспортировку оружия и припасов через границу.

Костариканцы – не первые, кого сандинисты используют в борьбе против своих политических противников. Гондурасские повстанцы, обученные на Кубе, с 1983 г. принимают участие в борьбе против антисандинистов. ●

ЖЕЛАНИЕ МИРА

Хочешь мира – готовься к войне

В течение нескольких месяцев, предшествовавших девятому мая нынешнего года, на экранах наших телевизоров с утра до вечера горело, стреляло и оглушительно взрывалось.

Это мы готовились к празднованию 40-летия окончания Второй мировой войны.

Подобную войну – не по числу жертв, конечно, – Россия уже знала: войну 1812 года. По-видимому, победа над Наполеоном была тогда для моих соотечественников не менее значительной, чем победа над Гитлером – для нас. Во всяком случае, памятников о той войне сохранилось немало. И Манеж, и Александровский сад должны напоминать о победе над Наполеоном. Но не нам. Для нас Манеж – это просто Центральный выставочный зал, а на месте взорванного Храма Христа Спасителя, воздвигнутого в честь освобождения России от французского нашествия, мы теперь купаемся в открытом бассейне "Москва".

Почему так – сказать трудно. Может быть, потому, что победа над Наполеоном вышла нам боком; отчизна наша оказалась зараженной опасным микробом якобинства. Воздух же свободной Европы для русского дыхания явно не подходил. Да и все эти памятники: какие-то они слишком мирные. Ни апокалиптического меча, занесенного неизвестно над кем, ни мощной длани, сжимающей ППШ, здесь не увидишь.

Правда, была еще одна война. Первая мировая. И хотя унесла она множество русских жизней, наши упоминания о ней и не слишком частые, и не так чтобы уж очень гневные. Конечно, с одной стороны – "захватническая" она, и "империалистическая", и всю немощь "прогнившего царского режима" показавшая. А с другой стороны – не будь ее, не было бы, скорее всего, и Великого Октября. И уж чего точно не было бы, так это "первого Декрета Советской Власти, Декрета о Мире". Так что, с этой самой другой стороны, Первая мировая, которую вообще-то мы проиграли, сильно помогла нашему "победоносному шествию".

Диалектика!

Зато последняя война оказалась для нашего искусства с литературой, для всего пропагандистского аппарата поистине неиссякаемой золотой жилой. Я вот часто думаю: ну, не случись она – не родился Гитлер, а родился, так "пакт Молотова–Риббентропа" оказался ему выгоднее "плана Барбаросса", или еще что, – о чем писали бы теперь наши многочисленные писатели и ставили фильмы и спектакли не менее многочисленные режиссеры? Подумать страшно – скольких талантов мы бы не досчитались! Впрочем, не будь этой войны, ее безусловно выдумала бы наша пропаганда.

Но выдумывать не понадобилось. Война, к несчастью, была – неимоверно жестокая и долгая. Старшее поколение моих соотечественников достойно выдержало это страшное испытание – несмотря на СМЕРШ, Особые отделы и заградотряды. И память наша бодрствует. Я говорю не об израненной памяти бывших фронтовиков: они, может, и рады бы забыть хоть ненадолго, но не могут. Да и не дают им забыть, они теперь делятся боевым опытом с подрастающим поколением.

Несколько лет назад, теплым летним вечером, за моим окном раздался истошный крик: "Война-а-а!" Пока до меня дошло, что это просто детская игра, я успел покрыться холодным липким потом и долго еще слышал гулкие удары своего сердца.

А ведь родился я в 45-ом, и о войне знаю лишь из книг и телепередач. Им-то я и обязан своей реакцией. Ибо закончившаяся 40 лет назад война продолжается. День за днем на экранах наших телевизоров взрываются бомбы, свистят пули и поднимаются в бесконечную атаку ведомые политруком бойцы. Ежедневно многие часы телевизионного времени отданы войне. При том, что с развлечениями у нас не густо, и главное из них — телевизор.

Память ли нашу подстегивают? Или дух наш, по замыслу Агитпропа, должен постоянно пребывать в состоянии мобилизации? Ведь "если завтра война, если завтра в поход" — так ли уж важно, что в магазинах пусто, жилья не предвидится, а по стоимости детских вещей мы давно уже перешпюнули все западные страны, вместе взятые?

И конца этому военному положению не видно. Наоборот: с каждой очередной "юбилейной датой" мы становимся все более военизированными. Давно уже никого не удивляют военные патрули на улицах наших городов. Патрули эти занимаются не только проверкой документов у военнослужащих; в последнее время они частенько останавливают и нас. И мы не видим в этом ничего странного: время такое. Война не война, но что-то вроде этого. Телевизор когда ни включи — обязательно стреляют...

Погодите-погодите. Мы же самые миролюбивые и самые невоинственные. Мы же только одного хотим: *мира!* Недавно вон в телевизионной передаче одна дама — педагог, между прочим! — так и сказала: "Наши войска несут мир народам других стран!"

Оригинальная мысль, не правда ли? Впрочем, по нашему телевидению еще и не такое доведется увидеть и услышать.

Недавно, к примеру, в преддверии 40-летия Победы, показали нам совсем уж необыкновенную передачу. "Дети на войне" называется. По аналогии с героем фантастического романа братьев Стругацких (герой этот, попав с Земли далекого будущего на некую планету, не понимает термина "детская преступность" и спрашивает, не о преступлениях ли против детей идет речь) я тоже сначала предположил, что авторы передачи расскажут мне о самых страшных последствиях войны — об искалеченном ею детстве. Но нет. На протяжении почти двух часов телевидение призывало восхищаться "самыми юными участниками войны" — пятнадцатилетними, двенадцатилетними и даже десятилетними детьми.

Трудно сказать, с чего началось это наше умиление "священной детской ненавистью к врагу". Скорее всего, с незабвенного "Сына полка" — повести, вышедшей в год окончания войны. Автор ее, Валентин Катаев, за сей опус был удостоен высочайшего расположения, именуемого тогда Сталинской премией. И хотя воды с тех пор утекло немало, и даже названия кое-какие поменялись (вместо Сталинграда — Волгоград, а премия эта теперь и вовсе безликая, "Государственная"), однако "Сын полка" все так же, как и в годы моей юности, входит в школьную программу. Потому, вероятно, что представления наши за минувшие 40 лет существенно не изменились. Мы смотрим на телеэкран и даже не понимаем, насколько это чудовишно — дети и оружие. И никакая война, пусть самая освободительная, самая "справедливая", не может оправдать это чудовищное сочетание. Мне вспоминаются известные кадры нацистской хроники: Гитлер обходит строй вооруженных фаустпатронами подростков, которыми "тысячелетний рейх" в последние свои недели пытался заткнуть брешь на фронтах. Мне довелось посмотреть большое количество хроникальных лент, запечатлевших фюрера, но лишь в этой лице Гитлера было похоже на человеческое. В нем проглядывалось даже что-то вроде раскаяния. Быть может, глядя на этих детей, большинству из которых предстояло погибнуть, впервые с начала войны он пожалел о том, что затеял.

Конечно, в своей жалости фюрер был избирателен: дети "неарийских" рас вряд ли могли рассчитывать на его снисхождение. Ну, хоть своих пожалел. На смерть-то все равно обречен, но пожалел.

А мы — как раз наоборот: мы к чужим слабость проявить горазды. Бронзовый солдат, что в Берлине установлен, немецкого ребенка к себе прижимает.

Что чужих жалеет — это хорошо, слов нет. Вот только своих детей нам почему-то совсем не жаль.

А впрочем — какие тут дети, когда мир под угрозой? "Ради мира на Земле" мы ведь на все пойдем. Ежели что, так и завоюем его, мир этот самый. И никакие жертвы нас не остановят.

А раз так, то и готовиться к этому завоеванию нужно загодя. А главное — детишек готовить. Мы-то уж ладно, мы свое навоевали; теперь их черед. А мы поможем: воспитаем в духе ненависти ко всему не нашему (потому как — что не наше, то, безусловно, против мира и, соответственно, за войну) и поделимся боевым опытом, коего набралось у нас с избытком.

И в этом архиважном деле — соответствующем воспитании подрастающего поколения и передаче ему опыта войны за мир — главную роль играет наше телевидение.

Многие, слишком многие его передачи могли бы подтвердить справедливость этих слов. Ну, вот, например, одна из них: еженедельный тележурнал "Служу Советскому Союзу!"

Вновь на экране — оглушительные разрывы снарядов, рев танковых двигателей и непереносимое "Ура!" атакующей пехоты. Нет, это, слава Богу, не война. Это лишь ее имитация: очередные маневры "в условиях, приближенных к боевым". Звучит с экрана дикторский текст: "Наследники солдат-победителей учатся побеждать".

А далее телезритель узнает, что "наследники" по всем статьям достойны своих предков и даже перешили этих последних. Ибо Н-ская часть вышла победительницей не только в маневрах, но и в социалистическом соревновании.

Тут, конечно, хорошо бы спросить: в чем же соревнуются советские войны? Не в умении ли убивать? Неужто это умение так уж необходимо для достижения коммунистических идеалов? И какова же тогда цена этим идеалам?

Словом, спросить бы хорошо. Да только — кто ж спросит? Мы же не спросим...

Но если вдруг и возник бы у нас вопрос — для чего оно нужно, это умение? — то ответ уже заготовлен: для того, — говорит нам диктор, — "чтобы оберегать мир на планете Земля".

Убедительные слова. Но еще более убеждает фон, на котором они звучат. А звучат они под танковый грохот и разрывы снарядов.

Однако не подумайте, будто все усиливающаяся милитаризация советского общества вызвана нашими амбициями или, хуже того, имперскими замашками. Упаси Бог! Просто Америка эта чертова покоя нам не дает, никак мы за ней не поспеем. В чем другом — по мясу там, или по молоку — мы давно уж ее догнали и даже объехали. Да и во всем прочем мы всех опередили: и паровоз первые сделали, и самолет, а в балете с хоккеем нам до сих пор равных нету. А вот в этом деле, в военном, — все никак. То ли скромные мы чересчур, то ли мирные очень, а только эту пальму первенства мы почему-то в Америке очень даже охотно уступаем. Но ничего: в который уже раз ремень на штанах затянем потуже — и догоним, не сомневайтесь. Не скоро, конечно. Скоро-то нам невыгодно, наше стремление к миру на длительный срок задумано. А иначе — чем спадающие штаны объяснять будем? Зато потом — все, как обещано: молочные реки с кисельными берегами. А пока — извините: "все для мира, все для победы!"

И детей своих мы в том же духе воспитываем. Следующая страница тележурнала "Служу Советскому Союзу!" как раз им и посвящена. Впрочем, это уже не совсем дети, а "допризывники".

Показывают нам "индикаторный класс радиотехнической школы ДОСААФ". В нем изучают основы радиолокации. При входе в класс преподавателя звучит команда: "Встать! Смирно!". Четко, по-уставному рапортует дежурный. Потом нам представляют одного из учеников. Год рождения — 1967-й. Учился в техникуме, готовился стать поваром. Бросил техникум и поступил в школу ДОСААФ. "А мне в военкомате правильно сказали, — объясняет он. — Поваром ты всегда станешь. А тут — военная специальность, дефицитная... Ну, я и пошел".

Пожалуй, в этом следует усмотреть символ: одна из самых мирных профессий без тени сомнения меняется на военную. Таковы плоды нашего воспитания.

Начинается оно с детского сада и школьной скамьи. Отроческий возраст необыкновенно восприимчив ко всякого рода пропаганде, особенно к военной: ценность человеческой жизни еще недоступна ему. Этим обстоятельством пользуется наше телевидение. Пользуется весьма умело и часто, а уж в таком журнале, как "Служу Советскому Союзу!", тема "передачи боевого опыта" молодому поколению и вовсе обязательна. Не обошлось без нее и в этом номере. В нем рассказывается о том, как ветераны-гвардейцы 83-й дивизии шефствуют над "юнармейцами" одной из московских школ. Судя по результатам, "передача опыта" проходит успешно: во всесоюзной военной игре "Орленок" подшефные заняли второе место. Займут и первое, будьте уверены! Вон какую "юнармейку" показывают: лет 12 всего, еще в пионерском галстуке, а уже с автоматом в руках. С такими детишками мы что хошь завоюем. Мир тоже.

В заключение журнала — немножко культуры. Весьма специфической, конечно. То "краснознаменный ансамбль" покажут, то "отличника боевой и политической подготовки", который, потея от напряжения, терзает перед камерой баян или балалайку. На сей раз поведали нам о Третьем всеармейском смотре военных кинофильмов. А тем из нас, несведущим, кто даже не подозревал о существовании столь представительного форума отечественного киноискусства, диктор пояснил: мол, "кинематограф в военной форме" чрезвычайно важен для всего советского народа, поскольку им, этим кинематографом, создаются учебные фильмы, фильмы-биографии и прочие кинокартины, имеющие первостепенное значение для нашего искусства. После чего нам показывали отрывок из фильма с выразительным названием "Угроза Европе — угроза миру".

Ну, откуда угроза — это понятно: из Америки угроза. И чтобы противостоять ей, — объясняет диктор, — "СССР вынужден принять ответные меры, но на более высоком уровне".

"Более высокий уровень" выглядит, надо сказать, весьма внушительно. В данном случае это современный противолодочный корабль. Впрочем, о его современности и прочих достоинствах мне судить трудно, не специалист я. Но смотрится это чудо военной техники очень красиво: все здесь крутится, раздвигается и вращается. Прямо дух захватывает — до того величественное зрелище!

А вот и боевую тревогу объявили. Учебную, разумеется. Ну, все равно: шас мы им врежем... "В квадрате — две учебные цели, — продолжает диктор. — Теперь вступает в действие противовоздушная ракетная защита, имеющаяся на корабле".

И действительно: еще быстрее что-то крутится и раздвигается, откуда-то из корабельных недр появляются ракеты и с оглушительным ревом срываются со своих гнезд. Я едва успеваю сосчитать, что выпущено их восемь.

Восемь ракет по двум целям! Уровень и впрямь высокий, ничего не скажешь. Если и американцы такие же меткие, то уж чем-чем, а металлоломом наша планета обеспечена надолго. Было бы только кому им пользоваться. А то, может, после борьбы за мир один металлолом и останется.

В заключении диктор не преминул напомнить о том, что сегодняшнее поколение советских воинов воодушевляет победа, которую в завершившейся 40 лет назад войне "одержали наши вооруженные силы и общественный строй".

Россия одерживала победы *вопреки* своему общественному строю. А Советский Союз — *благодаря!*

Диалектика, опять та же.

Телевизионный журнал "Служу Советскому Союзу!" выходит на экраны по-военному регулярно: каждое воскресенье. Что-то вроде развлекательной программы в выходной день. В понедельник передача неназойливо повторяется. Но не подумайте, будто военная тематика ею ограничивается. В течение недели наше телевидение предлагает зрителям художественные и документальные фильмы, посвященные минувшей войне и "ратному подвигу советских солдат в мирное время", вечера военных песен и встреч ветеранов с молодежью, "Клуб фронтовых друзей" и воспоминания участников Парада Победы 1945 года, репортажи с выставки военных художников и со Спартакиады дружественных армий... Всего не перечислишь. И экраны наших телевизоров давно уже не "голубые", а скорее кроваво-красные. И это не краска стыда или смущения. Это цвет крови и вожделения.

Так сильно мы желаем мира.

Июнь 1985 г., Москва

МИР – ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Сообщения о том, что маршал Огарков возвращен на высшие военные посты, напомнили о его роли в разработке новой концепции организации и размещения советской армии. С середины 70-х гг. и до настоящего времени проводятся глубокие изменения военной структуры в СССР, связанные с переходом от принципа фронтов и военных округов, сохранявшего некую видимость оборонного характера советской военной доктрины, к принципу театров военных действий (ТВД), отражающему открыто агрессивный глобальный характер внешней политики СССР. В течение 40 лет, прошедших после окончания второй мировой войны, советской армии так и не довелось повоевать за правое дело. Десятки тысяч советских солдат и офицеров погибли за эти годы в Корее и Венгрии, в Сирии и Чехословакии, в Гане и Индонезии, в Польше и Афганистане...

В настоящее время территория СССР и всего мира разделена на 5 театров военных действий:

Северо-западный: Баренцево море и Северная Европа.

Западный: Восточная и Западная Европа.

Южный: Центральная Азия, Ближний Восток, Индия.

Дальневосточный: территории к востоку от Урала, включая Китай и Японию.

Европейская часть СССР называется зоной стратегического резерва. Она включает Московский, Уральский и Волжский военные округа и не включена в ТВД (видимо, полагают, что война, если она, не дай Бог, разразится, обойдет стороной Европейскую часть СССР). Крупнейший Дальневосточный театр военных действий

ВЕСТИ ИЗ СССР

включает в себя Среднеазиатский, Сибирский и Забайкальский военные округа, а также Группу советских войск в Монголии. Этот ТВД в основном развернут против Китая, Японии и тихоокеанских сил США.

Некогда прославленная авиация дальнего действия, находившаяся под непосредственным управлением замминистра обороны и командующего ВВС, расформирована и распределена по всем ТВД под названием Воздушной армии Верховного главнокомандования (ВА ВГК). Пять других воздушных армий приданы следующим ТВД:

4-я ВА (штаб – в Виннице) – Юго-западный ТВД,

24-я ВА (штаб – в Легнице, Польша) – Западный ТВД,

30-я ВА (штаб – в Иркутске) – Дальневосточный ТВД,

36-я ВА (штаб – в Москве) – зона стратегического резерва,

46-я ВА (штаб – в Смоленске) – зона стратегического резерва и поддержка Западного ТВД.

Две другие воздушные армии стратегического резерва находятся под непосредственным управлением штаба ВГК.

В 1981 г. были реорганизованы войска ПВО. Пять периферийных округов ПВО поставлены в подчинение командующих военными округами. В Дальневосточном ТВД прежние округа ПВО – Туркестанский, Сибирский и Дальневосточный – переданы в соответствующие военные округа. У них имеются соединения истребителей-перехватчиков, ракеты класса "земля-воздух" типа САМ, а также зенитная артиллерия.

Собственно авиационные силы военных округов основаны на авиации первого эшелона, но они включают также и истребители-перехватчики, до 1981 г. принадлежавшие ПВО.

12-я тактическая воздушная армия Дальневосточного ТВД обслуживает все военные округа "театра". Кроме того, военные округа имеют свои тактические авиационные подразделения. Так, Забайкальский военный округ имеет боевые соединения, базирующиеся на Монголию, авиация Сибирского военного округа включает в сферу своего действия Среднеазиатский округ. Ряд военных округов, например, Северокавказский, Уральский и Волжский не имеют собственных ВВС.

Посмотрим, что представляют собой военно-воздушные силы ТВД на примере Дальневосточного театра военных действий. Это — самый большой из всех ТВД. Именно его ВВС привлекли недавно печальную известность и недобрую славу в связи с расстрелом корейского авиалайнера в 1983 г.

Авиация

30-я воздушная армия, приданная этому "театру", имеет 230—250 самолетов, в том числе бомбардировщики ТУ-16 и ТУ-22, истребители-бомбардировщики СУ-24 (выведенные, впрочем, из состава авиации первого эшелона), а также истребители-перехватчики МИГ-23 и разведывательная авиация. Дальневосточный военный округ имеет 800—900 самолетов, Забайкальский и Группа сил в Монголии — по 500—600 самолетов, Сибирский и Среднеазиатский округ — 250—300 самолетов и Тихоокеанский флот — 350—360 самолетов. Всего в Дальневосточном ТВД 2200—2400 самолетов.

Кроме того, к Дальневосточному ТВД приписаны 500 вертолетов, из них к Дальневосточному военному округу — 200 и к Тихоокеанскому флоту — 100. Таким образом, Дальневосточный округ обладает в общей сложности 1200—1300 боевыми машинами, явно развернутыми против китайских ВВС. Численность последних — 800—1000 машин, они объединены в 10 авиадивизий Шэньянского (Мукденского) военного округа. В Западном Китае, в Ланьчжоуском и Урумчийском военных округах, дислоцированы лишь одна авиадивизия и два авиаполка, имеющие вместе 60—80 самолетов, так что советская армия, разместившая со своей стороны границы "только" 250—300 самолетов, сохраняет тройное превосходство над китайцами в районах Сибирского и Среднеазиатского округов.

В 30-й воздушной армии, как и в других подобных ей армиях, отменено деление на авиакорпуса. Она состоит из дивизии бомбардировщиков ТУ-22 (40 машин), расквартированной на Буре, дивизии из 30—40 бомбардировщиков М-4 на реке Делое, бомбардировочных дивизий из 40—50 ТУ-95 (в Украинке), 25—30 ТУ-22 (в Завитинске) и 130—140 самолетов ТУ-16 (в Спасске-Дальнем и Уссурийске). В нее входят также три полка из 120 самолетов СУ-24, размещенные на реке Нгеюеве на Камчатке. Еще три полка СУ-24 недавно были дислоцированы на Байкале с целью нанесения возможного удара по китайским стратегическим объектам.

Штаб авиации Тихоокеанского флота, насчитывающей примерно 300 машин первого эшелона, расположен в Советской Гавани. Здесь же находятся полки, состоящие из бомбардировщиков ТУ-22М (30—35 самолетов) и разведывательных самолетов ТУ-22 (10—15 машин), ТУ-142 (20 машин) и ТУ-142Б (10 самолетов), а также полк ТУ-16 (15—20 самолетов). На южнокамчатской базе размещены полки бомбардировщиков ТУ-16 (60—70 самолетов), истребителей-бомбардировщиков М-12 (батальон из 10 машин) и ИЛ-38 (15—20 единиц). На Камчатке и на Курильских островах расположено также около 100 вертолетов КА-25 и МИ-14.

Морская авиация имеет также не менее двух батальонов бомбардировщиков-истребителей ЯК-36 с вертикальным взлетом и посадкой (24 самолета), и два полка вертолетов КА-25 (60 машин), базирующихся на вертолетоносцы "Минск" и "Новороссийск", класса "Киев". В районах Советской Гавани и Комсомольска-на-Амуре расквартированы также 100—130 транспортных самолетов. Каждая дивизия морской авиации состоит из 2—3 полков, каждый полк — из двух батальонов. Подразделения воздушной поддержки придаются морской пехоте.

Фронтальная авиация (ударные силы) Дальневосточного ТВД организована следующим образом.

Среднеазиатский и Сибирский (со штабом в Иркутске) военные округа имеют две ударных авиадивизии, включающие 200—230 самолетов МИГ-21, 25—30 МИГ-25 и 6—8 ЯК-28П.

Забайкальский округ (со штабом в Чите) и Группа войск в Монголии имеют дивизию истребителей-бомбардировщиков, две дивизии бомбардировщиков, 3—5 полков истребителей-

перехватчиков и полк разведки. На их вооружении состоят 100–130 МИГ-21, по 40–50 МИГ-23 и 25, 120–130 СУ-7, СУ-17 и СУ-22, 40–50 СУ-24, 6–10 ЯК-28П и 30–40 самолетов тактической разведки.

ВВС в Монголии базируются в основном на Налайху, около Улан-Батора, и на Сумбе. В случае войны они могут быть увеличены вдвое.

Дальневосточный военный округ со штабом в Хабаровске имеет в своем распоряжении две дивизии истребителей-бомбардировщиков, 4 дивизии бомбардировочной авиации, 10–12 полков истребителей-перехватчиков, 2–3 полка разведки. Их вооружение: 120–180 МИГ-23, 100–120 МИГ-25, 50–75 МИГ-27, 75–100 СУ-7, СУ-17 и СУ-20, 40 ЯК-28П, 70–80 СУ-24, 120–180 СУ-15 и 70–80 разведывательных самолетов.

От семи до девяти полков истребителей-перехватчиков размещены на побережье Охотского моря, на Сахалине, Курильских островах и на Камчатке. Шесть дивизий истребителей-бомбардировщиков обеспечивают поддержку трех объединенных ударных наземных армий (12–15 дивизий). Обычно в советской армии две авиадивизии прикрывают две наземных армии и одна-две дивизии перехватчиков дают воздушное прикрытие бомбардировщикам. ВВС Дальневосточного военного округа дано предпочтение перед другими частями того же ТВД. В каждой дивизии один полк постоянно находится в боевой готовности.

Аэродромы

Всего Дальневосточный ТВД имеет не менее 400 аэродромов различного класса, в том числе 140 – в Дальневосточном военном округе. Однако лишь два из них относятся к высшему классу, то есть имеют взлетно-посадочную полосу длиной свыше 2500 м. Оба они находятся в районе Хабаровска. Большая часть аэродромов (62 из 140) сосредоточены в районе Владивостока, по 20 аэродромов находятся в районах Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре и на Сахалине. Почти половина аэродромов (66 из 140) относится к низшему классу (длина полосы менее 1800 м).

На каждом аэродроме может быть размещен батальон из 9–12 машин или полк из 20–40 самолетов, однако в экстренных обстоятельствах на всех 140 аэродромах можно сконцентрировать 3–4 тысячи машин.

Авиадесантные дивизии и бригады специального назначения

К Дальневосточному ТВД приписана 6-я гвардейская авиадесантная дивизия (Белогорск), ударная бригада (Биробиджан) а также бригады в Магадачи (Дальневосточный округ) и Могоче (Забайкальский военный округ). Переброской этих частей занимается военно-транспортная авиация (самолеты и вертолеты), а также гражданские самолеты системы Аэрофлота. По меньшей мере один вертолетный полк, приспособленный для переброски десантников, придан Дальневосточному ТВД. Вертолетный флот в целом проходит сейчас реорганизацию, цель которой – понизить уровни подчинения частей.

На Дальневосточном ТВД имеется, по-видимому, пять бригад специального назначения ("спецназ"), по одному на каждый военный округ и на Тихоокеанский флот.

Ракеты

Кроме ракет SS-20 на границе с Китаем размещены и другие ракеты класса "земля-земля" среднего и ближнего радиуса действия. Всего насчитывается 180 ракет типа FROG-7, 100 типа SCUD и 50 ракет SS-12 (названия приводятся в кодовых обозначениях, принятых НАТО). Количество новых ракет класса SS-21, 22 и 23 неизвестно.

Каждая наземная дивизия имеет 4 ракеты типа FROG-7, так что 180 таких ракет достаточно для оснащения 45 дивизий. Ракеты дальнего радиуса действия SS-22 и SS-23 – из прибрежных областей СССР могут достигнуть Японии.

Поступили сообщения, что ракеты типа SA-10 уже размещены на Дальневосточном ТВД в дополнение к ранее размещенным SA-5 (радиус действия 300 км). Последние расположены в основном вдоль китайской границы, к югу от сибирской магистрали, между Нерчинском и Хабаровском.

Зачем, против кого направлена вся эта военная мощь, наращиваемая с каждым днем? Советские руководители хорошо знают, что "китайская угроза" быстро уходит в прошлое. Не секрет для них и то, что США, а тем более Япония не имеют против нашей страны никаких агрессивных замыслов. Дело, очевидно, не в обороне.

“ПРОЗРЕНИЕ”

Судьба Юрия Шухевича была во многом предопределена судьбой его отца. Сын “врага народа”, он имел лишь один единственный шанс избежать мести со стороны советских властей: предать своего отца. Этого Юрий Шухевич не мог сделать и не сделал.

Отец Юрия — генерал Роман Шухевич, главнокомандующий Украинской повстанческой армией (УПА), глава исполнительного комитета Организации украинских националистов (ОУН) на Украине. Человек этот, отдавший всю свою жизнь делу независимости Украины, еще при жизни стал легендарным. Он погиб как солдат в 1950 г., во время столкновения с советским карательным отрядом: УПА в то время еще продолжала отчаянное, но уже безнадежное сопротивление.

В момент гибели отца Юрий Шухевич уже находился в заключении. Еще в 1944 г. Юрия, которому было тогда 10 лет, отправили вместе с матерью в ссылку в Сибирь. В августе 1948 г. его арестовали — тоже вместе с матерью. Обоим было предъявлено обвинение по знаменитой 58-й статье УК. Юрий получил тогда 10 лет.

В 1950 г. Юрий впервые после долгого перерыва увидел отца: 16-летнего парня привезли из тюрьмы во Львов и показали тело убитого, Юрий запомнил это на всю жизнь.

В апреле 1956 г. Шухевича досрочно освободили, — наступил кратковременный хрущевский ренессанс, который для Юрия оказался особенно кратким. Генеральный прокурор СССР Руденко лично опротестовал освобождение Шухевича и осенью того же года его взяли вновь — досиживать срок во Владимирской тюрьме.

Незадолго до освобождения в камере Владимирской тюрьмы Шухевича посетил приехавший с Украины майор КГБ Гальский-Дмитрук. Он потребовал от Юрия публично осудить своего отца и деятельность ОУН-УПА. Юрий отказался — и в день ожидавшегося освобождения был арестован вновь. На основании лжесвидетельств двух сокамерников-уголовников его приговорили еще к 10 годам.

По освобождении в 1968 г. Юрий Шухевич по-

селся на Северном Кавказе, в Нальчике — въезд на Украину был ему воспрещен. На свободе он провел лишь 3,5 года. Успел жениться, завести двух детей.

В марте 1972 г. его опять арестовали за “антисоветскую агитацию и пропаганду”, — он писал мемуары о 20 годах, проведенных им в лагерях и тюрьмах. На этот раз приговор: 10 лет лагерей особого (“полосатого”, каторжного) режима и 5 лет ссылки. Но не успел Юрий покинуть Нальчикский следственный изолятор, уехать в лагерь, как был арестован уже в четвертый раз: у него в камере нашли записки с продолжением мемуаров. Опять десять лет лагеря, но теперь их отсчитывали уже от даты нового ареста, то есть с 1973 г.

Все эти годы не прекращалось давление на Юрия, — отречение сына от своего знаменитого отца, как ожидалось, должно было стать большим успехом советской пропаганды. Юрий остался тверд.

Юрий Шухевич отбывал свой последний срок сначала во Владимирской, а затем в Чистопольской тюрьме, куда были переведены все заключенные. 31 год заключения не прошел для него даром: забранные частыми жалюзи окна, сквозь которые едва пробивается свет, непосильная работа, требующая сильного напряжения зрения, скудное безвитаминозное питание сделали свое дело, Юрий Шухевич практически ослеп. Лечение — если тюремную медицину можно назвать лечением — успеха не принесло.

Инвалида, почти лишенного возможности различать свет от тьмы, направили в ссылку в Томскую область, в инвалидный интернат “Лесная чаща”. Кончился 31 год заключения, потекли 5 лет ссылки.

И вот, когда за плечами остались 2 года ссылки, — произошло неожиданное: Юрий Шухевич “исправился”! Газета “Вісті с України”, издающаяся в СССР, но там не продающаяся (ее адресат — зарубежные украинцы) в июльском номере за 1985 г. опубликовала статью “Прозрение” — о Юрии Шухевиче.

Нет, речь не шла об успешной глазной операции: Юрий Шухевич, оказывается, прозрел политически. Он прислал, как утверждает редакция, “собственноручное” письмо, в котором “заявляет о своем окончательном разрыве с украинским национализмом и осуждает любую нацио-

налистическую деятельность, где и кем бы она ни велась". Сбылась мечта майора Гальского-Дмитрука!

Удивляло одно: "отречение" Шухевича было написано тонким ровным почерком, с аккуратными вставками слов. Странный почерк для слепого... В распоряжении нашего журнала имеются письма Юрия Шухевича, написанные им из

ссылки около года назад — ломаные прыгающие строчки, выведенные рукой человека, пишущего наощупь. Несхожесть почерков бросалась в глаза даже неспециалисту.

Однако первого впечатления недостаточно для ответственных выводов. Редакция "Страны и мира" пригласила графолога и специалиста по психологии почерка Катерину Штульман-Куртин

ТАКИЕ РЕЧКИ ЛЕГКО. НЕ ПИШУ ТАКИХ ДОВ ПИШУ БО КАКО ЧТО К ОЖЕ
 СТАТУСА, ЗНАЮ, ЧТО СКАН ОСВЕЩЕНО ТАКЕ СИМТЛ
 БУДЕ МОЖЕ НЕ ЧТО. АЖ КРИ ВАС ТИ К ЧУЩО НАКАЖ, БО
 ДИ ПОМОЖИ М. ПО РЕШИЛИ СКАЖЕ ДВА ЧАСА!
 НА ЧАСТИ БУДУ ЗАКОНУ ДИТИ. ОСАЛОП ДИТИ БО КОЛО
 ПОСТАЮ ЧТО ДИТИ

Д. Керст — украинско-бразильский, сын украинского учителя, сам буржуазно-националистический журналист из Украины (СХН) Роман Шухевич, записки при своей эмиграции в Бразилию с украинскими националистами, осужденный буржуазными властями за участие в восстании Шухевича.

Мой разговор с националистом закончился тем, как обычно в подобных случаях: переключением на другую тему, а именно на тему украинского национализма, на которую он перешел, когда я начал говорить о деятельности Шухевича. Шухевич — националистический деятель и сражался против советской власти, а не за украинскую независимость. Выводы украинского народа должны исходить из идеи национализма.

сделать заключение об идентичности почерков "письма в редакцию" и оригинала письма Шухевича. Нельзя было исключить, конечно, и такой возможности, что Юрию была сделана успешная глазная операция в качестве "платы" за покаяние. Психологи из КГБ могли надеяться использовать трагедию слепого человека, чтобы вынудить его к тому, чего не могли добиться тремя десятилетиями тюрьмы. Тогда название статьи – "Прозрение" – приобретало бы зловещий двоякий смысл.

Редакция поэтому поставила перед графологом вопрос: могла ли глазная операция – если она была – настолько изменить почерк, чтобы он сделался неузнаваемым.

Эксперту был представлен оригинал письма (образец А) и несколько копий газетного факсимиле (образцы 1, 2, 3, 4). Заключение эксперта приводится ниже.

Катарина Штульман-Кортин,
эксперт-графолог и специалист
по психологии почерка

Мюнхен, Менцингер-штрассе 113

**Протокол графологической
экспертизы**

З а к л ю ч е н и е

Перед экспертом поставлен вопрос, идентичен ли почерк оригинала, обозначенный литерой А, с образцами почерка 1, 2, 3 и 4.

Даже если предположить, что автор почерка А в истекший промежуток времени (незадолго до того, как он полностью ослеп), перенес глазную операцию и она дала самый блестящий результат, – состояние его зрения едва ли могло за столь короткое время улучшиться до такой степени, чтобы его почерк сумел обрести такую же компактность, как имеется в образце, представленном для сравнения. Для этого почерк А слишком резко нарушен.

В противоположность чрезмерной subtilности почерка А, почерк, представленный для сравнения, выражает полноту жизненных сил и значительную способность наслаждаться жизнью. Однако независимо от этой разницы графический характер обоих почерков существенно различен. Принимая во внимание, в частности, резкое отличие в формообразовании многих букв почерка А по сравнению с почерком, представленным на экспертизу, можно с вероятностью, близкой к стопроцентной, исключить идентичность авторов обоих почерков.

Нет, не прозрел Юрий Шухевич – к сожалению, не прозрел физически, к счастью, не "прозрел" духовно.

А если бы даже и "прозрел"? Какая жалкая это была бы победа, вырванная тремя десятилетиями тюрьмы! ●

МОЛОДЕЖНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ В МОСКВЕ

С конца июля в Москве введено чрезвычайное положение. О нем не объявлено, но те, кому надо, знают. Все шоссе дороги, ведущие к городу, перекрыты; милиция проверяет пропуска. Прекращена продажа билетов на поезда и самолеты в Москву. Резко ограничено международное воздушное сообщение со столицей СССР. В город стянуты войска, карательные учреждения удвоили бдительность, на улицах несет службу целый легион молодых людей в штатском. Их легко узнать: спортивные куртки цвета беж, небесно-голубые брюки, лица, по которым как будто прошлись утюгом.

В Москве происходит XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Всемирную молодежь представляют 30 тысяч гостей почти из всех стран мира. Это активисты просоветских молодежных союзов за рубежом, партийно-молодежные функционеры из стран Восточного блока, герильерос из Центральной Америки, афганские военнослужащие армии Бабрака Кармалы. Но есть и другая публика: деятели левых христианских организаций Западной Германии, странного вида личности из Голландии и скандинавских стран – "альтернативники" и гомосексуалисты, наконец, молодые итальянские еврокоммунисты. Их бы не стоило пускать (а еще лучше было бы устроить всемирный фестиваль вообще без иностранцев), но ничего не поделаешь, и на них с особым вниманием устремлены взоры надзирающего начальства. В аэропорту Шереметьево идет старательный досмотр, изымаются "подрывные материалы": Библия на русском языке, роман Орвелла "1984", майки с надписью: "Американцы, руки прочь от Никарагуа, Советы – вон из Афганистана". Так называемые места встреч для делегаций из западных стран окружены рядами милиции и войск КГБ, в зале тоже сидят рядами примечательные своей бросающейся в глаза неприметностью дамы и господа. Переводчики, не полагаясь на предварительный контроль, переводят избранные места из речей ораторов – то, что "не противоречит".

Корреспондент журнала "Шпигель" рассказывает о выступлении поп-певца Удо Линденберга, представителя "хаотического" стиля. Линденберг прибыл в Москву протестовать средствами своего искусства против американского империализма, европейского капитализма, а также всего, что придет в голову. Перед концертом артист был задержан на Красной площади: товарищи в голубых брюках попросили его убрать с лацкана куртки значок с подозрительным девизом "Хаос". Билеты на концерт в Парке культуры имени Горького распределялись по учреждениям среди доверенных людей. Другое мероприятие – выступление югославского поп- или гоп-ансамбля – было попросту пресечено из-за чрезвычайного энтузиазма публики. Здесь же в Парке культуры голландские поборники однополый любви выступили с горячим протестом против дискриминации. Их пришлось без долгих разговоров изолировать.

На фестиваль прибыла делегация молодых коммунистов из Израиля и одновременно – делегация Организации освобождения Палестины; приехали марокканцы и приехали посланцы Фронта Полисаро. Новая проблема. Вместо того, чтобы хором прославлять заслуги Советского Союза в борьбе за мир, началось выяснение отношений, и делегатов пришлось запереть в гостинице. Гость из далекой Венесуэлы, член парламента и деятель леворадикальной партии "Движение к социализму" Карлос Табланте прилетел в столицу первого в мире социалистического государства, чтобы обратиться к советской молодежи. Он намеревался призвать своих братьев по классу и соратников в борьбе за социализм прекратить войну в Афганистане и освободить академика Сахарова. "Товарищи, настоящее – это борьба, будущее за нами. Мы – люди завтрашнего дня!" Так заканчивался текст его речи, который теперь хранится в архиве московской милиции. Нечего и говорить о том, что человеку завтрашнего дня не дали даже откашляться перед тем, как начать речь.

Можно было бы упомянуть о множестве подобных – смешных и печальных – эпизодов полицейского фестиваля; вот еще один. В день открытия празднеств на стадионе имени Ленина, на большом световом табло, где перечислялись страны и делегации, появилось государство, которое пока еще нигде не зарегистрировано, – Западный Берлин. Кучка подданных этого государства несла национальный флаг с медведем, сшитый для них в Москве специально для этого парада.

Фестивали молодежи и студентов, в свое время внесшие солидный вклад в холодную войну, проводятся с 1947 года. Вначале они устраивались каждые два года. Последний фестиваль происходил почти десять лет назад, и казалось, что идея оставлена навсегда. Нынешний, двенадцатый по счету фестиваль, неожиданно организованный в Москве, почти не привлек внимания на Западе: предприятие очевидным образом изжило себя. Трудно представить себе разумных людей, которых оно могло бы ввести в заблуждение. Даже советской пропаганде фестиваль пошел скорее во вред, чем на пользу, а денег ухлопана уйма. Как согласовать это с призывами нового генерального секретаря к экономии, борьбе со всяческой показухой, здравомыслию и трезвости? ●

The Economist

The truth in Russia

SIR—The review of Mr Nicolas Lampert's "Whistleblowing in the Soviet Union" (May 11th) attracted my attention because I'm in charge of the newspaper satire department of Pravda. So, as distinct from Mr Lampert and the author of your review, I know about the situation with regard to "criticism from below" in the Soviet Union, not from hearsay, but from experience.

couple of years ago, I calculated that 246 of their "heroes" had been committed for trial and sentence to an aggregate term of 1,123 years in prison.

ILYA SHATUNOVSKY
Moscow Pravda

УЗНАЙ, КТО ПРАВ,

КТО ВИНОВАТ, — ДА ОБОИХ И НАКАЖИ

На этот раз дымом Отечества потянуло из Лондона. Популярный еженедельник "Economist" поместил в одном из июльских номеров письмо Ильи Шатуновского, заведующего отделом сатиры и юмора газеты "Правда". Речь идет о напечатанном в журнале обзоре книги американского социолога К. Ламперта "Свисток судьи", где исследуется неприятный вопрос: существует ли в Советском Союзе свобода критики?

Автор книги отвечает на него отрицательно. Он ссылается, в частности, на имеющийся в его распоряжении материал — несколько тысяч критических писем, направленных читателями Москвы, Ленинграда, Киева и т. д. в редакции советских газет. Что стало с этими "сигналами", как их называют в СССР, и с их авторами? В одном случае из десяти должностные лица, чьи злоупотребления разоблачались в письмах, понесли наказание. Но не только они. Половина авторов писем была тоже наказана — чтоб не повядно было клепать на советскую власть. То, что критические письма из редакций, куда они были посланы, поступают в другое ведомство, — факт, в общем, известный.

Заметим, что независимо от того, можно или нельзя критиковать порядки в СССР, — самый вопрос о свободе критики на страницах советской печати поставлен быть не может. Такого вопроса вообще в природе не существует. Так же, как недопустимо задавать вопрос, есть ли в СССР цензура, можно ли в этой стране выпускать независимую газету, можно или нельзя собирать информацию о судьбе людей, критикующих в той или иной форме режим, и т. д.

Но журнал "Economist", как и огромное большинство зарубежных изданий, в Советском Союзе не распространяется, его там заведомо никто не прочтет. Так почему бы и не потолковать в западном журнале на скользкую тему? И вот оказывается, что заведующий отделом "Правды" о зажиме критики никогда и не слышал. Никакого такого зажима нет. Он просто возмущен тем, что на Западе свобода критических высказываний в СССР ставится под сомнение. Его аргументация не лишена профессионального юмора. В самом деле, только за последние несколько лет в "Правде" было раскритиковано 246 человек, среди них даже один министр! Цифра, что и говорить, внушительная. А, между прочим, сколько вообще начальства в СССР? Начальства — то есть номенклатурных работников — в СССР не так уж много, но и не так уж мало: два процента работающего населения. Это будет что-то около двух миллионов. На питание и обслуживание этих двух процентов приходится 12 процентов оборота советской торговли; это те два процента, которые владеют персональными дачами, получают особые оклады, отдыхают в лучших санаториях, пользуются привилегированной системой обслуживания и другими плодами социалистической революции. Из всех этих двух миллионов крупнейшая газета страны осмелилась за несколько лет зацепить всего лишь 246 персон.

Отдадим должное товарищу Шатуновскому: он действительно большой юморист. ●

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОБДИНЯЙТЕСЬ!

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ 56-й

1985 г.

ШУМБРАЧИ, МОРДОВИЯ, ШУМБРАТ!

Это означает: "День добрый, здравствуй!". Так названо одно из стихотворений народного поэта Мордовии Александра Мартынова, опубликованное в юбилейной подборке "Литгазеты" от 10 июля 1985 г. Газета отмечает 500-летие "добровольного вхождения мордовского народа в состав России". В юбилейной статье, естественно, всячески восхваляются успехи народного хозяйства Мордовии и расцвет национальной культуры.

Ну, о "добровольности" говорить не будем. Известно, что к России все присоединяются "добровольно". Очередь Мордовии наступила после взятия Казани Иваном Грозным. Вернемся в сегодняшний день.

Юбилейная статья умалчивает о главной отрасли мордовской "промышленности", которой эта республика вошла в историю: о промышленности лагерной. На территории Мордовии находился и располагается по сей день, один из наиболее крупных лагерных комплексов страны: знаменитый Дубравлаг, ныне обозначенный скромно — учреждение ЖХ-385. В промзонах лагерей изготавливается значительная часть полуфабрикатов (а иногда и готовой продукции) для тех самых мордовских промышленных предприятий, о которых с такой гордостью пишет ЛГ: так, в лагере особого режима в Сосновке изготавливаются хрустальные подвески для люстр, выпускаемых саранской "Светотехникой", в Барашеве заняты металлообработкой, а уж деревообрабатывающая промышленность — самое "популярное" в лагерях производство...

Но главная отрасль местного народного хозяйства — это обслуживание самих лагерей: надзиратели и конвоиры, "вольнонаемные" мастера промзон и работники канцелярий — при каждом лагере вырос целый поселок, который на этом лагере кормится. Иногда в одном лагере поколение за поко-

лением работает целая семья. И, конечно, всегда есть приток свежих сил. Вот и сын народного поэта, написавшего юбилейное "Шумбрачи", занят более важным делом, чем отец: он — один из уполномоченных КГБ при Дубравлаге. Случаются у населения и неожиданные приработки: за поимку бежавшего заключенного выплачивается большая премия, и об этом в мордовских селах известно хорошо.

Многие географические пункты Мордовии вошли уже в историю страны: Рузаевка — пересыльная тюрьма; Потьма — главный железнодорожный вокзал Дубравлага, Явас — его столица с главной улицей Дзержинского. Железнодорожная ветка от Потьмы до Явас и далее на север — "собственность учр. ЖХ-385" — известна всему Союзу, да и, пожалуй, всему миру. Именно по ней едет на дрезине Мустафа — герой первого советского звукового фильма режиссера Н. Экка "Путевка в жизнь".

В хрущевское время Дубравлаг выделился среди многих лагерных комплексов тем, что в нем были сосредоточены все политзаключенные. В 1972 г. большинство их были перебросены в Пермскую область. Сейчас в Мордовии осталось лишь два небольших политических лагеря — мужской и женский — в пос. Барашево. Зато сеть обычных — "производственных" — лагерей не сокращается, если не растет. На нашей карте лагеря обозначены звездочками.

Национальная культура Мордовии... Даже ЛГ кроме ансамбля песни и танца да графоманских стихов не смогла ничего предъявить. Под натиском Старшего брата исчезает даже язык. Принадлежащий к угро-финской семье, он странным образом становится все более и более похожим на русский. На лагерных заборах надписи на двух языках: "*Запретная зона — Запретный зонась*". Понятно, что слово "зона" принес с собой Старший брат, но неужели в мордовском языке нет своего слова, означающего "запрет"?

В общем, шумбрачи, Мордовия, шумбрат! ●

Николай ПЕТРОВ (Вена)

ПРОШЛОЕ — ПЕРЕД ГЛАЗАМИ

Из записок рабочего

Я родился и вырос в России, где у меня было очень мало светлых дней. В тридцать седьмом году я был арестован и осужден Особым совещанием НКВД СССР. Как троцкист и враг народа я семнадцать лет провел за Полярным кругом в Воркутлаге среди бандитов, убийц, насильников и уголовной шпаны. Попал я туда молодым двадцатипятилетним парнем, а вернулся уже поседевшим стариком. Меня реабилитировали; оказалось, что никаким врагом народа я не был. За все, что я перенес, за вычеркнутые из жизни годы я получил от гуманного государства компенсацию в размере 600 рублей. В новых деньгах — 60. На них нельзя было приобрести даже пару обуви и дешевый костюм.

Как квалифицированный рабочий-фрезеровщик я много лет проработал на крупных машиностроительных заводах — в Одессе, в Сталинграде, Челябинске, Свердловске, Москве, Киеве. Это дало мне возможность достаточно близко познакомиться с жизнью простых людей в нашей стране. Я был членом КПСС и много выступал в советской прессе. Четырнадцать лет назад я оказался волею судьбы на Западе. И все эти годы я по-

---

Фрагменты из рукописи "Записки троцкиста" в литературной обработке редакции. Мы не сочли возможным опустить авторские оценки исторического прошлого нашей страны, считая их неотъемлемой принадлежностью самой этой истории.

прежнему — старая привычка — регулярно читаю советскую прессу, где все так же, изо дня в день, в самых мрачных красках расписывается жизнь людей труда в странах капитализма. Тон всей этой музыке, разумеется, задают центральные газеты. "Мир капитала — мир бесправия!" В этом мире люди "живут без крова и надежд", "параллельно с обнищанием бедняков идет процесс обогащения кучки богачей", "миллионы голодных людей обречены стоять в очередях за благотворительной похлебкой". А в это время продукты питания сваливают в огромные кучи и уничтожают. Молоко цистернами выливают в канализацию. Зерно миллионами тонн высыпает в море... Чем больше экономических трудностей переживает страна "развитого социализма", тем больше таких причитаний в советской печати. О том, как живется людям по ту сторону барьера на самом деле, о необыкновенно высокой культуре труда рабочего в развитых странах Европы и Америки, о традиционной гуманности народов этих стран, между прочим, приютивших у себя Ленина, Троцкого и многих других, кто в условиях полной свободы готовился возглавить революцию в России, о том, что задолго до Октябрьской революции в России рабочий класс на Западе завоевал себе право на восьмичасовой рабочий день, наконец, о том, что советские граждане ежегодно потребляют миллионы тонн хлеба, выращенного трудом американских фермеров, — обо всем этом газеты помалкивают.

Но я-то живу здесь, что же я увидел в мире, которым "правит капитал"? Каким оказалось на деле это доселе неведомое мне общество, где "продажные профсоюзные боссы и социал-соглашатели, верные слуги капитала, продают интересы трудящихся"? Читатель поверит мне, что все цитаты, которые я привожу, — подлинные. Это советский стиль и советский образ мыслей. Так вот: сорок шесть лет тяжелого труда в стране моего рождения и десять лет работы на машиностроительном заводе в Вене — срок достаточный для того, чтобы сравнить и сопоставить. Никто не вправе упрекнуть меня в незнании жизни трудящихся там и здесь.

Сказать, что все здесь выглядит в розовом свете, я бы, конечно, не решился. Но я своими глазами вижу, чего добилось рабочее движение на Западе — и что получили рабочие в СССР. Для меня, убежденного социалиста, считающего, что и капитализм, при всех его достижениях, все-таки остается строем, который эксплуатирует труд наемных рабочих, — для меня этот строй далеко не предел желаний. Но мы живем в мире, где из нескольких зол приходится выбирать меньшее. Какую же форму капитализма следует считать более отталкивающей и циничной, нещадно попирающей права людей труда: систему, существующую в свободных демократических странах Запада, где мощные, хорошо организованные и независимые профсоюзы зорко стоят на страже интересов трудящихся, оберегают их материальное благополучие и социальные завоевания, — или утвердившуюся в Советском Союзе систему государственного капитализма, где ненавистная форсированная сдельщина выматывает жилы и душу рабочего человека, где за одну только мысль о забастовке рабочего могут стереть с лица земли, а состоящие на службе у партии и государства липовые профсоюзы превратились в команду понукателей, усердно помогающих выжимать соки из рабочих?

В Австрии я получил подданство, пенсию и хорошую квартиру. Не хочу умалчивать о том, что, как и в некоторых других западных странах, здесь есть дискриминация иностраных рабочих. Тем не менее я при первой же получке, впервые в жизни реально ощутил, что получил за свой труд честное вознаграждение. Работая здесь, я имею возможность хорошо питаться, прилично одеться, провести отпуск в Италии, кое-что положить на книжку в банк. В СССР мне это и во сне не снилось. Размер моей трудовой пенсии в Австрии, где я проработал пока всего лишь десять лет, позволяет мне тем не менее приобрести в три раза больше продуктов питания и одежды, чем в СССР, на пенсию, которую я получал бы, где проработал 46 лет.

Больше всего, пожалуй, мне пришлось по душе спокойная обстановка на работе. Здесь никто не грызется друг с другом, нет этой вечной нервозности с нормировщиком и мастером; здесь ты можешь быть уверен в том, что рабочий день не будет омрачен интригами и недоразумениями. Отработав свои семь часов сорок пять минут, я в оставшиеся четверть часа привожу в порядок рабочее место, принимаю душ в прекрасно оборудованной заводской бане — не знаю, есть ли такая даже в Кремле? — и иду себе спокойно домой. Видели бы мои товарищи там, в стране "победившего социализма", как мы тут стонем под игом капитала.

Авторы статей в советских газетах правы, когда они пишут о том, что сегодняшний советский рабочий не похож на дореволюционного русского рабочего. Куда уж там. Его заставили забыть о своей рабочей гордости, вышибли из него дух протеста и превратили его в раба. Чтобы выполнить непосильные нормы выработки, сдельщик, если он еще не разучился работать, вынужден ежедневно "прихватывать", начинать свой рабочий день в цеху до заводского гудка и оставаться еще 2—3 часа после смены. Низкий заработок заставляет людей жертвовать своим отдыхом в выходные дни. Восьмичасовой рабочий день существует только на бумаге.

На Западе этого не допустил бы ни один профсоюз. В СССР нас заставляли зубрить "Коммунистический манифест". Забыли только добавить, что времена, когда Маркс и Энгельс его писали, давным-давно ушли в прошлое. Сегодня рабочий класс благодаря своей организованности способен диктовать предпринимателям свои условия, а не наоборот. Ничего похожего нет и не может быть в Советском Союзе, никакой солидарности трудящихся, никакой возможности отстаивать свои интересы. И недаром во время опроса на заводе "Фиат", где, между прочим авторитет итальянской компартии достаточно высок и хорошо чувствуется влияние коммунистических идей, — четыре пятых рабочих и служащих заявили, что они не считают социалистическим строй, который существует в СССР.

Человек не властен забыть прошлое. Меня спрашивают: "Лагерь еще снится?"

Что ж, я мог бы сослаться на "Правду" — главный орган ЦК КПСС. Там то и дело твердят, что вооружать советский народ знанием исторической правды является главной и основной задачей советских писателей, журналистов и всей советской прессы. Остроумные ребята, ничего не скажешь. В Австрии мне случается бывать на территории бывшего гитлеровского концлагеря Маутхаузен. Он известен во всем мире, чего, кажется, нельзя сказать о нашем Воркутлаге. Однако по сравнению с грандиозной площадью, которую занимал наш лагерь, по сравнению с территорией, на которой раскинулись Колымлаг, Печорлаг, Унжлаг, Карлаг и сколько их еще там было, жуткий концентрационный лагерь Маутхаузен выглядит небольшим лагпунктом. В одном нашем лагере таких ОЛПов — отдельных лагерных пунктов — были десятки. Может быть, кому-то кажется, что сталинские лагеря по сравнению с нацистскими были домами отдыха? Могу свидетельствовать: хрен редьки не слаще.

Вот я держу в руках "Правду": репортаж из столицы Печорского угольного бассейна Воркуты. "Заполярная кочегарка страны получила звание города в грозную пору Великой Отечественной войны... Тогда здесь насчитывалось всего пять тысяч жителей..." Интересно, кто же эти пять тысяч? А это был обслуживающий персонал нашего лагеря. Отбросим жен и детей, останется две тысячи: из них полторы тысячи — стрелки и надзиратели, остальные — лагерное начальство. "Небольшой отряд шахтеров, работая в труднейших условиях, непрерывным потоком отправлял стране коксуемый уголь... Первые заполярные шахты Воркуты только начинали набирать силу, когда настал грозный 1941 год. И был совершен невиданный подвиг: в считанные месяцы среди

непроходимых болот и вечной мерзлоты были проложены сотни километров стальных путей, связавших Печорский угольный бассейн с центром страны.”

Вот так никогда не спускавшийся в шахту, одетый в форму НКВД отряд карателей превращается в ”небольшой отряд шахтеров”. И кто поверит рассказам о том, что на Крайнем Севере, в пургу и пятидесятиградусные морозы, ”в считанные месяцы” было уложено 1500 километров стальных путей? Даже в теперешних условиях, при современной технике такую дорогу за несколько месяцев не построишь. А ведь техника, которая находилась в распоряжении заключенных, строивших Печорскую железную дорогу от Котласа до Воркуты, была в общем такая же, как у крепостных сто лет назад, когда они прокладывали первую железную дорогу между Москвой и Петербургом: ”одноколесный автомобиль”, кирка и лопата. На всей огромной стройке не было ни одного экскаватора. Все вручную, все своим горбом. Походный лагерь смерти ”Печорлаг” строил трассу несколько лет. Под каждой шпалой этой дороги лежат мертвые. Еще в 1938 году, следуя пешком этапом на Воркуту, мы проехали небольшое расстояние в телячьих вагонах по новой ширококолейной железной дороге: это был участок от Княж-погоста до станции Ропча...

Начальником походного лагеря был полковник Барабанов. Он вообще был одним из первых начальников Воркутлага и принимал весьма активное участие в массовых расстрелах ”троцкистов” на Воркуте. Как-то уже после смерти Сталина я увидел в газетах хвалебный некролог этого палача. Как многие другие, он дожил свою жизнь в почете, на хороших хлебах; никто и не подумал о том, чтобы покарать его.

В издающейся двухмиллионным тиражом советской газете ”Голос Родины” можно прочесть следующее:

”Помните, люди! Дахау: погубило 66 тысяч человек, Заксенхаузен — 100 тысяч, Бухенвальд — 56 тысяч, Штуттоф — 65 тысяч, Освенцим — 4 миллиона... Всего — 11 миллионов человек. Это не должно повториться”.

Так как это дело рук не своих, а чужих извергов, об этом можно и нужно писать. Страшные цифры нужно помнить и не забывать, чтобы такое больше никогда не случилось. Но разве за колючей проволокой в Колымлаге, Инталлаге, Ухтлаге, Севжелдорлаге, Устьвымлаге, Ижмалаге, Тайшетлаге, Норильсклаге — снова, снова эти названия звучат в мозгу, и всех не перечесать, — разве там истреблено меньше людей?

Эти заметки я хотел назвать — ”Записки троцкиста”. В 1927 году, в самый разгар внутривластной борьбы, мне было 16 лет. Едва ли я мог считаться настоящим троцкистом. Но не стоит пытаться на старости лет обманывать других и самого себя. Да, изо всех когда-либо в жизни искренне любимых и уважаемых людей Лев Давыдович Троцкий был для меня самый любимый.

Я потерял родителей в возрасте трех лет. В голодном 1921 году судьба беспризорника привела меня в Киев, где меня, оборванного и истощенного, подобрали на улице и поместили в детский дом. Мы никогда не ели досыта хлеба, но было ясно, кто в этом виноват: буржуи, капиталисты, кровопийцы. Воспитателями в детдоме были демобилизованные командиры Красной Армии. Имя Троцкого, создателя Красной Армии, честнейшего революционера и самого близкого соратника Ильича, они произносили с благоговением. Неудивительно, что и я проникся этим культом. В детдомовской столовой на самом видном месте висел портрет Троцкого работы известного художника Дени. Троцкий был изображен во весь рост, красной краской на белом фоне. Высокий лоб, ясные глаза за стеклышками пенсне, небольшие пушистые усы, борода клином. Умное и энергичное лицо. Одетый в длинную красноармейскую шинель, в буденновке с пятиконечной звездой, он не стоял на месте, но словно весь был в движении. Вокруг не-

го бушевал смерч, это был ветер революции. Имя Троцкого на портрете не было обозначено. Зачем? Народ и так знал, кто это. Вместо имени стояла надпись: "Гроза мировой буржуазии!" Сколько воды утекло с тех пор...

В 15 лет я стал учеником на заводе. Человек моей биографии не мог не сочувствовать Революции, не разделять ее идеалов, не любить ее вождей. Уважение к Льву Троцкому, выдающемуся деятелю международного рабочего движения, человеку высокого интеллекта, мученику и жертве Сталина, я сохранил и поныне.

Об истинных взаимоотношениях между Лениным, Троцким и Сталиным я узнал в тюрьме и особенно в лагере, когда очутился среди "врагов народа". С одним из видных деятелей оппозиции, бывшим главным редактором газеты "Ленинградская правда" Георгием Ивановичем Сафаровым я находился в Воркутлаге на ОЛПе Адзэва. Сафаров был близким другом Троцкого, Зиновьева и других. В то время мы оба работали возчиками и жили за зоной на конном дворе в одной землянке. Сафаров возил воду из реки Уса в палатки и на кухню. Небольшого роста, в очках, одет в грязные арестантские лохмотья, с самодельным кнутом в руках, которым он, впрочем, никогда не пользовался, подпоясанный веревкой. Таким он мне запомнился.

В августе 1938 года Сафарова перевели в закрытую зону, и вскоре стало известно, что ему предстоит отправиться этапом в Москву. Сам Сафаров, да и все мы прекрасно понимали, что этот этап — последний в его жизни. Я проводил его до пристани. Заключение комендант ОЛПа бандит Базаров передал конвоирам его формуляр и сказал, не скрывая злорадства: "Ну, теперь тебе хана!" — "Ты каркай на свою могилу, а не на чужую..." — угрюмо ответил Сафаров. Пароход протяжно загудел. Сафаров протянул мне руку и произнес: "Прощай, товарищ Петров, не поминай лихом". Мы обнялись, и больше я его не видел.

Спустя сорок с лишним лет мне попала на глаза статейка в газете "Известия" от 5 февраля 1980 г. — хвалебный отзыв на книгу "Молнии бьют по вершинам" печально известного, к тому времени уже покойного Всеволода Кочетова. Сюжет романа — "борьба стойких ленинцев за ленинскую партию". Об этих ленинцах в рецензии говорилось так: "Они борются против Троцкого, Зиновьева и его подголосков — Бакаева, Евдокимова, Сафарова". Что знал этот Кочетов о моем расстрелянном товарище? Что он мог понять в истории революции?

Конечно, мое отношение к Л.Д.Троцкому — отношение, которого не мог изменить страшный опыт моей жизни, — не вызовет сочувствия здесь, среди русской эмиграции. Еще опасней было бы высказывать такие настроения там, в СССР. Я знаю, что имя Троцкого ненавистно и там и здесь. С этим я согласиться не могу.

Одни лгут сознательно, другие готовы с легкостью дать себя обмануть. Здесь, в изгнании, рождается новая версия политической истории страны, я бы сказал — новая легенда. При оценке деятельности двух основоположников нового политического строя в России — Ленина и Троцкого — нельзя ставить их (как это делается сейчас сплошь и рядом) на одну доску со Сталиным. Нельзя считать Сталина всего лишь "продолжателем" дела Ленина — ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Я бы хотел напомнить тем, кто сейчас старается очернить Льва Троцкого, фразу из статьи, которую газета "Унита" посвятила 100-летию со дня его рождения:

— История — не кремовый торт, из которого каждый может себе выкроить лакомый кусок в зависимости от нужд данного момента.

Но это уже особая тема...

Комментирцет Р. Бахтатов

ПАЛКА

ОБ ОДНОМ КОНЦЕ

I.

Ухватившись за которое. — Звенья длинной цепи. — Не мудрено и ошибиться. — Ломать — не строить. — Что человечество дало технике? — Никто не демонстрировал солидарности с Эдисоном. — Исключение из правила. — Хрущев с улыбкой и без.

Прошу прощения у читателя, но сегодня я вынужден привести еще одну цитату из доклада М. Горбачева от 24 апреля — доклада, вроде бы вспаханного и перепаханного в прошлый раз. *”В качестве главного стратегического рычага интенсификации народного хозяйства, использования накопленного потенциала партия выдвигает на первый план кардинальное ускорение научно-технического прогресса”*, — сказал генеральный секретарь.

Итак, найдена точка опоры, то главное звено, ухватившись за которое можно, по глубокому замечанию покойного товарища Ленина, вытянуть всю цепь. Напомним: длинную и очень тяжелую цепь, ибо составлена она из таких звеньев, как бездарное управление и устаревшее оборудование, на удивление скверное качество продукции и бесхозяйственность, низкая производительность труда и многое другое, о чем мы уже говорили.

Нет смысла спорить, то ли звено выбрано (при таком количестве звеньев не мудрено и ошибиться), допустим, что тут как раз все в порядке. Но тогда возникает целый ряд вопросов. Неужто партия, опирающаяся на самую передовую теорию, до сих пор не вспоминала об этом важнейшем звене? А если вспоминала и пыталась тянуть, то почему не вытянула? И если так, то где гарантия, что нынешняя попытка будет удачней?

Такой гарантии, увы, нет. Дело даже не в том, что большинство тех, кто призван тянуть и толкать воз прогресса, предпочло бы не слышать самого этого слова. Гораздо важнее другое: политическая экономика, сформированная для удовлетворения потребностей и амбиций правящей касты, объективно не приспособлена к научно-техническому прогрессу.

Ниже я постараюсь это доказать. Пока же сошлюсь на мнение такого авторитета, как академик А.Г. Аганбегян. Разумеется, как советский ученый он убежден, что изменить положение можно. Для этого надо всего лишь *”сломать ведомственные, организационные, плановые, финансовые, психологические и другие перегородки между наукой и производством”*.

Боже, какая ломка нам предстоит! Жаль, что акад. Аганбегян не уточнил, как это сделать. Но ничего, ломать — не строить...

Техника дала человечеству многое; в мире, где мы живем, вторая природа все больше вытесняет первую. Не станем спорить о том, хорошо это или плохо, — ясно, во всяком случае, что техника развивается не по предписаниям нравственности. Мир, надо думать, мог бы существовать и без колеса, телевизора и атомной бомбы. Но это был бы другой мир, и в нем жили бы другие люди.

Труднее ответить на вопрос, что дало человечество технике. Нет, не те чудачки, которые ее создают, а остальные, человечество.

Конечно, всегда находились люди, у которых, говоря словами Ивана Петровича Павлова, был аномально развит рефлекс на новое, кто испытывал жгучее желание задавать вопросы природе или делать что-то не так, как повелось от века. Когда-то одного желания было достаточно. Человек сам, своими руками, насаживал колесо на ось или мастерил телескоп. Дальше срабатывал рефлекс обезьяничанья. Проходило всего несколько веков, и телега с колесами становилась общим достоянием человечества.

Однако мир усложнялся. В нем все дробилось: сферы деятельности, профессиональные навыки, интересы. Тот, кто изобретает телескоп теперь, далеко не всегда может сделать его сам: у него нет ни средств, ни материалов, ни навыков. А те, у кого все это есть, не занимаются изобретательством: у них свои цели, свои профессиональные интересы.

Как же реагирует на подобную ситуацию человечество? Почти никак. Истории известно немного случаев, когда проблемы техники вызвали общественную реакцию. Луддисты воевали с машинами, английские фермеры боролись с паровозом Стефенсона, католики требовали прекращения опытов по выращиванию детей в пробирке, "люди доброй воли" выступали против строительства атомных электростанций.

Но и тут бросаются в глаза два обстоятельства. Во-первых, в таких случаях действовали не общечеловеческие, а групповые или даже личные мотивы: страх потерять работу, боязнь шума и прочее. Во-вторых, это всегда была реакция "против".

Примеров противоположного рода история (по крайней мере, история техники), кажется, не знает. Никто не демонстрировал своей солидарности с Эдисоном, не требовал скорейшего внедрения самолета братьев Райт, не устраивал манифестаций в защиту Дизеля или Маркони. И не оттого, что никто из них не нуждался в поддержке. Многие (например, тот же Дизель) очень даже нуждались. Однако общество молчало. Причем дело не только в том, что люди не могли оценить будущую роль авиации, пенициллина или электричества. Как ни парадоксально, но проблемы развития техники лежат вне сферы повседневных человеческих интересов. Предполагается, что механизм прогресса работает сам по себе, автоматически.

И все-таки одно исключение из правила известно: машина для отливки труб. Судьба этого, правда, не слишком значительного изобретения вызвала такой общественный резонанс, что пришлось вызывать конную милицию. Впрочем, этот впечатляющий эпизод относится не к истории техники, а к истории литературы. Читатель, вероятно, догадался, что речь идет о машине, описанной в романе В. Дудинцева "Не хлебом единым".

Тут нужны пояснения. Когда автора спросили, как возник у него замысел романа, Дудинцев вспомнил первые дни войны. Скорчившись на дне окопа, он думал о том, почему в небе летают не наши, а немецкие самолеты, почему атакуют немецкие танки, а защищаемся мы не пушками, а бутылками с зажигательной смесью.

Опыт такого рода имели, понятно, не все читатели книги. Но какой-то опыт был у каждого. Опыт сравнения советских грузовиков со студебеккером. Покупка мелких зеленых яблок в "центре селекции" Мичуринске. Работа на станках образца 1892 г. Бездорожье. Отсутствие простейших машин для мытья посуды...

Любопытно, что роман задел за живое даже Хрущева. Как-то на одной из встреч с людьми искусства он отечески пожурил писателей за то, что они пишут скучно: надо колоть себя булавкой, а то — уснешь. "А Дудинцев?" — спросили из зала. Хрущев мгновенно перестал улыбаться и пробормотал, что нет, Дудинцева он читал без булавок.

II.

О чем не догадывалась реакция? – Ленинский декрет. – Толчка не получилось. – Тонкости юриспруденции. – Контрреволюция! Саботаж! – Вся техническая Европа и Америка с интересом следит за опытами. – Есть в этом что-то символическое.

Ленин, несомненно, был человек образованный: классиков марксизма читал в оригинале. Был он знаком и с известными воспоминаниями Вильгельма Либкнехта о встречах с Марксом. При описании одной из первых встреч Либкнехт не может скрыть удивления. Он ждал, что Маркс заговорит о классовой борьбе, об оружии и баррикадах. Так оно поначалу и было. "Маркс издевался над победоносной реакцией в Европе, которая воображает, что революция завершена, и не догадывается..."

Но о чем не догадывалась реакция? Оказывается, о том, что "естествознание подготавливает новую революцию". И Маркс с необычайным воодушевлением принялся рассказывать о модели электрической машины, ведущей железнодорожный состав. Игрушка была выставлена в витрине какого-то магазина. "Теперь задача решена, – объявил Маркс. – И последствия этого факта не поддаются учету. Необходимым следствием экономической революции будет революция политическая, так как вторая является лишь выражением первой".

В этой формуле Ленин смело поменял местами причину и следствие. Главная задача революции – удержать власть. Остальное придет само собой, ибо социализм откроет неограниченный простор развитию производительных сил.

И вот новая власть решительно берется за переустройство мира, за декретами общего характера (о мире, о земле) следуют декреты практические – о рабочем контроле, о национализации предприятий. На фоне этих исторических перемен почти незамеченным проходит декрет об изобретениях, принятый в июне 1919 г. и тоже подписанный Лениным. Декрет отменяет патент и связанную с ним буржуазную систему правоотношений и вводит новую, социалистическую. Изобретения объявляются достоянием государства и поступают в общее пользование учреждений и граждан.

Ну, граждане от этого мало что выиграли: после национализации предприятий изобретения, даже "бесхозные", утратили значительную часть своей привлекательности. Зато перед социалистическими предприятиями открылись поразительные возможности. Они получили право использовать – без разрешения автора и бесплатно – любые изобретения: прошлые, настоящие и будущие. Можно себе представить, какой это должно было дать толчок развитию производительных сил!

Странно, но толчка не получилось. То ли виной тому были война и разруха, то ли новые хозяева заводов и фабрик не сразу разобрались в тонкостях юриспруденции. Факт, однако, что предоставленные им права они почему-то не использовали. Очевидно, их следовало вразумить.

С обычной для него энергией Ильич берется за дело. Поразительно, сколько внимания он уделяет изобретениям в эти труднейшие для власти годы. Сначала он пишет просто записки: "Рекомендую..." "По-моему, заслуживает..." "Необходимо обратить внимание..." Скоро, однако, тон его становится жестким, прямо-таки угрожающим: "Обязываю", "Требую", "Немедленно доложить", а дальше уже истерика: "Саботаж... Контрреволюция... Арестовать..."

Станным образом и это не помогает. Человек, одним жестом отправляющий в бой или на расстрел тысячи людей, не может добиться изготовления простой машины.

Из многих примеров такого рода возьмем один, как будто счастливый. 20 декабря 1921 г. в газете "Известия" была опубликована статья А. Белякова "Новые пути оживления железнодорожного транспорта", посвященная достоинствам локомотива. Ленин

прочел статью 21-го. И сразу же продиктовал письма редактору "Известий" и автору статьи с просьбой сообщить дополнительные данные. Через несколько часов последовал звонок из Горок в столицу: Ленин хочет знать мнение Госплана, ВСНХ и наркомата путей сообщения. Уже 24 декабря Ленин интересуется, нет ли ответа на его вопросы, и диктует записку одному из ответственных сотрудников: "Я посылаю три запроса... Прошу немедленно проверить, следить, не допускать промедления и извещать меня по телефону о ходе дела".

Конечно, ответ он в конце концов получил. Больше того (случай в практике изобретательства тех лет уникальный), тепловоз был построен и успешно прошел испытания. Тогдашний нарком пути Рудзутак пишет в приказе: "Вся техническая Европа и Америка с интересом следит за опытами... В этом вопросе мы идем впереди других стран".

Но пройдет всего несколько лет, и тепловозы будут объявлены затеей пагубной и зловередной, их уничтожат, превратят в лом. Единственное, чего сможет добиться изобретатель, — сохранения для музея первого образца. На табличке надпись: "Тепловоз Я.М.Гаккеля, в память В.И.Ленина". Вместо тепловоза — память; есть в этом, как сейчас любят говорить, что-то символическое.

III.

Когда вожди единомышленны. — Просто поразительно. — Главное, это руководство. — Художественной ценности не имеет. — Самое узкое место социализма. — Ищут давно и не могут найти. — Эпоха, в которую мы живем. — Много или мало? — Горестная статистика.

Пожалуй, нет другой проблемы, в подходе к которой советские вожди были бы так единомышленны. Все они горячо ратовали за научно-технический прогресс; все жаловались, что именно в этой области, где дела, по законам марксистской философии, должны идти особенно хорошо, они идут особенно плохо.

Нельзя сказать, что для устранения этого нелепого парадокса ничего не делалось. Напротив. Почти каждый год принимались постановления (последнее — в августе 1983 г.). Создавались, ликвидировались и вновь учреждались комитеты по науке и технике и по делам изобретений. Печатались бесчисленные статьи в газетах. А воз ни с места. Просто поразительно, как партия и правительство сумели, затратив такое количество дефицитной бумаги, добиться столь ничтожных результатов!

Впрочем, одного, бесспорно, им удалось достичь — создать всеобъемлющую систему руководства. На всех предприятиях, даже небольших, действуют БРИЗы, бюро рационализации и изобретательства. Над ними — отделы в трестах, объединениях, главках, министерствах. Вершину пирамиды составляет Государственный комитет Совета министров СССР по делам изобретений и открытий с приданными ему организациями: институтом патентной экспертизы и патентной информации, центром патентных услуг, патентной библиотекой и проч. Наконец, существует еще и ВОИР, Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов, в котором миллионы членов.

Как всякая бюрократическая машина, эта система медлительна, неповоротлива, работает со сбоями. Но в принципе она не лишена достоинств. Изобретатель может получить патентную и юридическую консультацию, ему помогут в оформлении документов, он вправе оспаривать решение комитета по его заявке и т. д. И хотя работа института патентной экспертизы (ВНИИГПЭ) вызывает нарекания, свою функцию система, в общем, выполняет: рано или поздно изобретатель становится счастливым обладателем документа, удостоверяющего авторство.

Неудивительно, что в сфере "чистого" изобретательства Советский Союз добился определенных успехов. Только с 1969 по 1974 гг. число заявок на изобретения возросло

с 95 до 143 тысяч; за те же пять лет было зарегистрировано столько изобретений, сколько за все предыдущие годы советской власти. По этому показателю СССР входит в первую пятерку стран, а по числу заявок, поступающих от собственных граждан, занимает второе место в мире.

Но изобретение — не картина художника, собственной имманентной ценности оно не имеет. Заложенный в нем потенциал проявляется лишь тогда, когда изобретение овеществляется, начинает работать в производстве. Здесь-то, на скрещении дорог, и обнаруживается самое, может быть, узкое место социализма — его неспособность к прогрессу. Вот что говорил, к примеру, Л. Брежнев: "Если проанализировать все звенья сложной цепи, соединяющей науку с производством, то нетрудно видеть, что наиболее слабыми являются звенья, связанные с практической реализацией достижений науки, с их внедрением в массовое производство".

Это естественно. Чтобы рассмотреть заявку на изобретение и выдать свидетельство, достаточно иметь специалистов, бумагу и типографию. Чтобы внедрить изобретение, нужно нечто несравненно большее: стимулы. Именно то, что почти семьдесят лет ищут (и никак не могут найти) советские руководители — от Ленина до Горбачева.

Обратимся к фактам. Известно (советская печать пишет об этом много и охотно), что мы живем в эпоху научно-технической революции, когда наука, по выражению Маркса, становится непосредственной производительной силой. В этих условиях особенно большое значение приобретают темпы развития производства, сроки внедрения в жизнь новых научных и технических идей.

В интересной книге Е. Артемьева и Л. Кравца "Изобретения, уровень техники, управление" (М., 1977) приводится список крупных изобретений, которые осваивались много лет: иглофрезерование, производство шлакоситала, противообледенительная система, хинонный способ производства перекиси водорода, оборудование для механизации выемки угля, горизонтально-расточные станки, зубострогальные автоматы, литьевые машины...

"Много лет" — понятие не очень определенное. Видимо, это надо понимать так, что сроки внедрения перечисленных изобретений были заметно выше средних. А каковы средние сроки? По официальным данным, 8–12 лет. Для крупных же технологических процессов — 10, 20, а иногда и больше.

По первому впечатлению, это долго. Но в таких серьезных вещах опасно доверять впечатлениям, нужны сравнительные данные. Они существуют: в США внедрение транзистора длилось пять лет, интегральных схем — три года...

Однако даже эти цифры не дают представления о действительном положении дел. "Средние сроки" относятся, естественно, к изобретениям, которые так или иначе внедряются. Но ведь есть, наверное, и такие, что не внедряются? Вот статистика: в СССР внедряется в производство примерно треть всех зарегистрированных изобретений. Надо полагать, оставшиеся две трети — мелочи, не заслуживающие серьезного внимания? О нет, как раз наоборот.

"Целый ряд министерств и ведомств, — констатируют Е. Артемьев и Л. Кравец, — не проявляют должного интереса к изобретениям, обеспечивающим высокие технико-экономические показатели. При составлении плана на 1975 г., например, они приняли к исполнению только 10 процентов рекомендаций Государственного комитета Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий... Среди них новый способ нахождения месторождений полезных ископаемых, позволяющий в 9 раз сократить объем работ по глубинному бурению; технология производства непьющей фосфоритной муки и сложных смесей на ее основе, сокращающая непроизводительные потери удобрений на 30–40 процентов; технология производства нового промывочного масла для автомобильных двигателей, обеспечивающая сотни миллионов рублей дополнительной экономии, и др."

Может быть, с тех пор положение изменилось? Но вот факты, взятые из советской печати последних лет. Госкомитет по науке и технике уже третью пятилетку утверждает программу создания и внедрения солнечных, геотермальных и ветровых установок... Пять лет Госстандарт собирается начать разработку устройств для контроля характеристик лазерного излучения. О серийном их производстве пока что не может быть и речи... Свыше 20 лет пробивают армянские ученые работы по использованию перлита в качестве теплоизоляционного, звукопоглощающего и фильтрующего материала...

Но даже в тех случаях, когда изобретение считается внедренным, его использование носит сугубо формальный характер. "Обследования, проведенные Институтом экономики АН СССР, показали, что 85 процентов внедренных новшеств реализуется на одном-двух предприятиях, а на пяти и более — только около двух процентов. Около 70% разработок завершается изготовлением опытных образцов". (*Правда*, 16 июля 1984 г.)

Вторая важнейшая характеристика изобретательской деятельности — экономический эффект. Если в 1966 г. средний уровень экономии от использования одного изобретения составлял 80,7 тыс. руб., то в 1973 — 30,5 тыс. (снижение в 2,6 раза) и продолжал падать.

Однако возьмем за основу эту последнюю опубликованную цифру. За 1984 г. в Советском Союзе, по данным ЦСУ, было внедрено 24 тысячи изобретений. Это значит, что общий экономический эффект от использования изобретений в СССР составил 720 миллионов рублей в год. Много это или мало?

В "Правде" за 17 февраля 1985 г. была напечатана небольшая заметка "Где же пленка?" Из заметки следует, что использование только одного, не слишком впечатляющего, да и к тому же устаревшего изобретения — полипропиленовой пленки для электрических конденсаторов — позволило бы получить 2 миллиарда рублей в год. К этой прямой экономии следует прибавить экономию косвенную: пленка обещает избежать потерь электроэнергии, равнозначных тому, что дают семь таких электростанций, как гигантская Саяно-Шушенская...

Газета не делает выводов. И напрасно. По меньшей мере один вывод напрашивается. Ликвидировать всю громоздкую систему советского изобретательства и освободившиеся средства (людей, технику, материалы) бросить на освоение пленки, этого нового космоса. Кто же не знает, что социализм — именно та стартовая площадка, с которой человечество начало свой путь к звездам?

IV.

Теория естественного отбора применительно к технике. — За него это делают люди. — Тройной барьер. — По системе кнута и пряника. — Самый отъявленный консерватор и ретроград. — Безымянный гений. — Нужный закон, в нужное время и в нужном месте.

Закономерности развития техники изучены на удивление слабо. Видимо, тут, как и в живой природе, действуют две основные тенденции. С одной стороны, тенденция к сохранению "видов", доказавших свою устойчивость, с другой — тенденция к их изменению и утверждению новых. Обе тенденции важны: ослабление "генного" аппарата, обеспечивающего преемственность, привело бы к разрушению производства — системы, которая нас кормит, поит и одевает; отсутствие "мутаций" — к застою, стагнации.

Это реальное противоречие и определяет трудности внедрения. Основная цель производства — выпуск максимального количества стандартных изделий с минимальными затратами времени, труда и средств. Уже по одному этому производство должно быть консервативным: любые перемены (в технике, технологии, виде изделий) мешают ему

выполнять свои основные функции. Поэтому, с точки зрения производства, изобретения — штука вредная и противоестественная.

Разумеется, само производство не может сопротивляться переменам. За него это делают люди, воспитанные на привычном способе производства, на определенных орудиях труда. Историки приводят примеры поразительного консерватизма ученых: Герц не верил в практическую пользу обнаруженных им радиоволн, Эйнштейн отрицал возможность создания атомной бомбы, Рентген считал X-лучи открытием сугубо теоретическим... Однако у людей, связанных с производством, случаи такой слепоты — не исключение, а правило. И это понятно: они живут в мире, где менять предстоит не идеи, а нечто более грубое и зримое — машины, инструмент, материалы.

Все новое — именно потому, что оно новое, — несет в себе риск. И чем смелее и оригинальнее идея, тем, естественно, риск выше. Ученый, поверивший в ошибочную идею, рискует разве что именем. Владелец предприятия, согласившийся осуществить сомнительную идею, рискует большим: предпринятием, судьбой дела, капиталом.

Что же собой представляет механизм внедрения, способный преодолевать этот тройной барьер — и не за миллионы лет, а за годы? Построен он по нехитрой схеме кнута и пряника. Очень хлесткого кнута и очень сладкого пряника. Называется этот механизм патентом.

Формально патент — всего лишь бумага, удостоверяющая авторство на изобретение. Но за этой бумагой — правоотношение. Правоотношение же, как и палка, всегда имеет два конца: праву одного соответствует обязанность другого. Патент предоставляет его владельцу исключительное право на использование изобретения и одновременно запрещает это остальным. Иначе говоря, с момента появления у человека этого права у всех других возникает обязанность воздерживаться от действий, которые могли бы прямо или косвенно нарушить права патентовладельца.

Патент выдается на определенный срок, обычно 15–20 лет. В течение всего этого времени владелец патента имеет чрезвычайно важные преимущества. Он может стать единственным производителем определенной продукции (скажем, швейных машин "Зингер" или автомобилей "Форд"), может установить на своем предприятии новые, высокопроизводительные станки, может использовать новую, более эффективную технологию. На практике у владельца патента есть разные возможности: продать патент, уступить часть своих прав, предоставив кому-то лицензию, наконец, создать на основе изобретения собственное производство, как сделали в свое время Эдисон, Белл, Маркони, Форд...

Не станем утверждать, что все тут легко и просто. История знает имена изобретателей, которые отдали внедрению многие годы жизни, знает и неудачников, которым так и не удалось добиться осуществления своей идеи.

И все-таки подобные случаи не слишком типичны: уж очень сильна заложенная в патенте идея кнута и пряника. Тому, кто получит (или приобретет) патент, он обещает монопольное положение на рынке и, значит, сверхприбыль; тот же, кто патент упустит, рискует слишком многим. Поэтому самый отъявленный консерватор и ретроград не раз и не два подумает, прежде чем отказаться от предложения. Но отказ одного, двух или даже десяти консерваторов ничего не решает, ибо рынок практически безграничен: купить патент или вложить деньги в реализацию изобретения может каждый. Когда Наполеон отверг идею Фултона, пароход построили американцы.

Мы не знаем имени человека, который изобрел патент — механизм, несомненно, гениальный. Ибо его автору удалось найти юридическую формулу, отражающую самую природу свободного рынка и его главных пружин: торговли, личной заинтересованности, конкуренции.

Первый закон о патентах был принят в Англии в 1623 г. И это как раз тот случай, когда был принят нужный закон, в нужное время и в нужном месте. В иных условиях (скажем, в России начала XVII века) он ничего бы не дал; напротив, в Англии он оказался чрезвычайно действенным. Известен, кажется, всего один случай, когда западная страна пыталась от патента отказаться. В 1869 г. патентное законодательство в Нидерландах было отменено, но последствия отмены оказались катастрофическими, и в 1910 г. его восстановили.

V.

Иллюстрация на заданную тему. – Новые, подлинно социалистические. – Кому принадлежит право на щенка? – Палка об одном конце. – Взгляд из подвала. – Кто и в чем заинтересован? – Без обратной связи. – Структуры более надежные. – Изгнанный через дверь, лезет в окно. – Экономика на манер утюга.

Советские изобретательские законы напоминают иллюстрацию на заданную тему или даже математический график: зависимость права от политики выглядит как простая функция. В 1919 г. патентная система была отменена (эпоха военного коммунизма), в 1924 – восстановлена (НЭП), наконец, начиная с 1931 г., закон допускает две формы "защиты прав изобретателя" – патентную и авторскую, однако признание патента носит формальный характер. За год в СССР выдается всего несколько патентов.

Тем интереснее разобраться в том, что представляет собой его заменитель – авторское свидетельство. Перед нами, безусловно, нечто значительное: в этом документе зафиксированы новые, подлинно социалистические отношения между личностью и государством.

Все буржуазные законы о патентах, начиная с английского 1623 г. (патент "выдается действительному и первому изобретателю новых производств"), исходят из того, что право на изобретение принадлежит его автору, который может распоряжаться им по собственному усмотрению. Советский закон порывает с этой индивидуалистической линией: право использования изобретения, на которое выдано авторское свидетельство, принадлежит государству. При этом в юридической литературе специально подчеркивается, что право это не переходит от изобретателя к государству, "не передается ему..., а возникает в силу закона в лице государства и принадлежит только государству".

Последовательно, не правда ли? И в самом деле, нелепо было бы утверждать, например, что собака, у которой родились щенки, передает свое право на них хозяину. Ясно, что это право принадлежит хозяину изначально и вытекает из его права собственности на собаку.

Но это лишь одна сторона дела. Другая, не менее важная, – характер вытекающих отсюда правоотношений. Если право на использование изобретения принадлежит государству, то на кого же возлагается соответствующая обязанность? На предприятия и организации? Нет, они, как и государство, имеют право использовать изобретение. На изобретателя? Он бы, конечно, рад, но от него это не зависит. Тогда... И тут обнаруживается поразительное явление: перед нами палка об одном конце – система отношений, в которых есть право, но нет обязанности.

Чтобы представить себе, что это значит, возьмем другой случай, тоже из практики. Советская конституция представляет гражданам бесчисленное множество прав, в том числе право на жилище. Люди, десятилетиями живущие в подвалах, на собственном опыте знают, чего стоит такое право без обязанности.

Может показаться, что в изобретательстве положение лучше. Ведь Советский Союз, как, пожалуй, ни одна другая страна, заинтересован в использовании изобретений. И

право у него есть, и средств несравненно больше, чем у частного лица или фирмы. В чем же тогда дело?

Дело в том, что понятие "государство заинтересовано" — *фикция*. Советское государство, которое во многих других обстоятельствах выступает как нечто весьма конкретное и осязаемое, в данном случае есть абстракция. Чтобы разобраться в смысле происходящего, надо эту абстракцию расшифровать, понять, кто в Советском Союзе и в чем именно заинтересован.

Конечно, в использовании изобретения заинтересован его автор, но как раз от него (если он не министр и не директор предприятия) почти ничего не зависит. Права требовать у него нет, он лишь обязан, в случае надобности, "оказать содействие". Тем же, от кого это зависит, использование изобретения не сулит ничего, кроме хлопот и неприятностей. Положение советского руководителя определяется чем угодно: связями, умением брать и давать взятки, выполнением неких условных показателей, именуемых планом. Но никак не прибылью (ее просто спишут в доход государства) и не техническим уровнем предприятия.

Внедрение изобретения — процесс трудоемкий и сложный, связанный с риском, с дополнительными расходами, с выполнением новых, не рутинных обязанностей. Какой руководитель станет вваливать на себя это бремя и зачем: только для того, чтобы предприятию увеличили план?

Еще ошутимее отсутствие другого фактора — конкуренции. Советское предприятие может быть оснащено оборудованием столетней давности, может выпускать изделия, которые никому не нужны, или даже фабриковать заведомый брак. Директору это ничем не грозит. Умный директор до последней возможности будет сопротивляться новшеству, с усмешкой поглядывая на чудака-соседа, который мучается, что-то там внедряя. На самый крайний случай (если сверху уж очень нажмут) всегда легче взять готовую, отработанную соседом технологию: слава Богу, исключительного права в СССР нет — ни за использование изобретения, ни за заимствование чужой технологии здесь не платят.

Наконец, последнее. Свободную экономику нельзя себе представить без обратной связи с потребителем, без игры спроса и предложения. Десятки причин (хотя бы каприз моды) могут заставить предприятие отказаться от выпуска добротных, хорошо освоенных изделий и перейти к новым. Отсюда состояние постоянной готовности к переменам: наличие опытных цехов, резервных мощностей, свободных капиталов, банковских связей. Отсюда — и опыт таких перестроек, включающий готовность людей к изменению специальности, к освоению новой профессии.

В Советском Союзе обратная связь сведена к нулю. Советский потребитель ничего не может требовать: при недостатке самого необходимого он вынужден брать то, что "дают". Но даже если он чего-то не берет (шюхих телевизоров, мгновенно выходящих из строя холодильников, хромых столов), это никого не волнует: выполняя план, предприятие спокойно продолжает работать "на склад". Ни опытные цеха, ни резервные мощности ему не нужны. Более того, они вредны, ибо вызывают соблазн увеличить план. Поэтому в тех редких случаях, когда советское руководство решает внедрить или освоить что-то из мирной продукции — посудомойку или джинсы, оно встречает упорное сопротивление на всех уровнях. И министерства, и предприятия с редким единодушием отказываются от чести быть первооткрывателем.

Думаю, сказанного достаточно, чтобы составить себе представление об отношении социалистической надстройки к социалистическому базису и к его самому подвижному, революционному элементу — орудиям и средствам производства. Даже то немногое, что советские руководители могли бы сделать, они не делают. Видимо, есть у них дела поважнее. Правда, теоретик Маркс утверждал, что социалистические производственные отношения должны опираться на соответствующие им производительные силы. Однако

опыт свидетельствует, что опираться следует на структуры более надежные — армию, КГБ, суды, милицию. Вот о них-то практики социализма не забывали никогда...

Удивительно другое. Несмотря на протезы, инвалид бегаёт. Несмотря на существующую систему, какая-то часть изобретений все-таки внедряется, а в некоторых областях (прежде всего, в военной промышленности) Советский Союз добивается реальных успехов. Чем это объяснить?

Главная причина, видимо, в том, что капиталистический рыночный механизм, вопреки заклинаниям идеологов, продолжает действовать и при социализме. Разумеется, механизм этот деформирован, и его действие порой проявляется в причудливых формах. Но сути дела это не меняет. Капитализм, торжественно изгнанный из социалистического рая через дверь, лезет в окно.

Советские исследователи с гордостью отмечают, что изобретательство в СССР все больше становится делом коллективным: если в 1946 г. на 1000 изобретений приходилось 1348 авторов, то в 1970 — 3136. Любопытно, однако, что в числе авторов крупных (и главное — внедренных) изобретений почти непременно оказываются руководящие работники министерств, ведомств и предприятий, от которых внедрение зависит. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть списки работ, представляемых на соискание Государственных или Ленинских премий.

Дело не в деньгах: при большом числе "авторов" финансовая сторона премии теряет значение. Но на уровне министров, начальников управлений и директоров крупных предприятий на первый план выступают иные соображения. Звание лауреата обеспечивает дополнительный шанс в борьбе за следующую ступеньку должностной лестницы — этого важнейшего в СССР источника и критерия благ. Так трансформируется при социализме капиталистический фактор личной заинтересованности, а в какой-то мере и фактор конкуренции. Конкуренции особого рода — за место ближе к солнцу.

В условиях хронического дефицита и государственной собственности на орудия труда конкурентная борьба между товарами или предприятиями внутри страны, естественно, лишена смысла. Более того, любой советский руководитель знает, что "проигравшая сторона" (предприятие, выпускающее устаревшую продукцию) обычно оказывается в выигрыше — ему легче выполнять план. Есть, однако, сфера, где конкуренция существует на самом деле: это внешний рынок.

В некоторых случаях (при продаже машин и лицензий на изобретения) с этим приходится считаться. Отсюда необходимость внедрять какие-то изобретения даже вопреки желанию; иначе лицензию просто не купят.

В других случаях (военная промышленность и связанные с ней отрасли) конкурентная борьба со странами Запада составляет предмет личной заинтересованности советских руководителей самого высокого ранга. От успеха борьбы зависит, по их мнению, прочность системы, а значит, и их собственная судьба. Известно, например, что Сталин, отнюдь не страдавший избытком доброты, нередко освобождал из заключения авторов крупных, преимущественно "оборонных" изобретений.

Мы уже говорили, что в советской экономике обратная связь практически отсутствует, что рядовой потребитель никак не влияет на формирование рынка. Иначе обстоит дело в случаях, когда в роли потребителя выступает армия. Армия не только интересуется определенного рода изобретениями (это хорошо показано в романе "Не хлебом единым"), но и определяет направление изобретательских и конструкторских работ. И если прочие отрасли, связанные планом, нехваткой средств, оборудования и людей, боятся нового как огня, то военная промышленность может позволить себе и риск, и непредвиденные расходы — средств у нее хватает. Это различие чутко уловил один известный советский журналист. Экономика тоталитарного государства, заметил он, строится по закону утюга: острый нос впереди — военная промышленность, широкая часть сзади — остальные отрасли...

Понятно, возможны и счастливые случайности. Бывает, что изобретение попадает "в струю": без него предприятие или министерство не может выполнить план. Бывает и так, что изобретение настолько очевидно и легко осуществимо, что руководитель согласен допустить его на свое предприятие. Наконец, встречаются руководители, которые вопреки собственным интересам готовы идти на риск и трудности ради нового: ведь действительно не хлебом единым жив человек.

И однако это скорее исключения, чем правило. Можно назвать десятки крупных изобретений (радиолокация, иглофрезерование, хиноновый способ производства перекиси водорода, ультразвуковая локация и т.д. и т.п.), которые были сделаны в Советском Союзе, а затем "вернулись" туда для внедрения после того, как получили широкое признание на Западе.

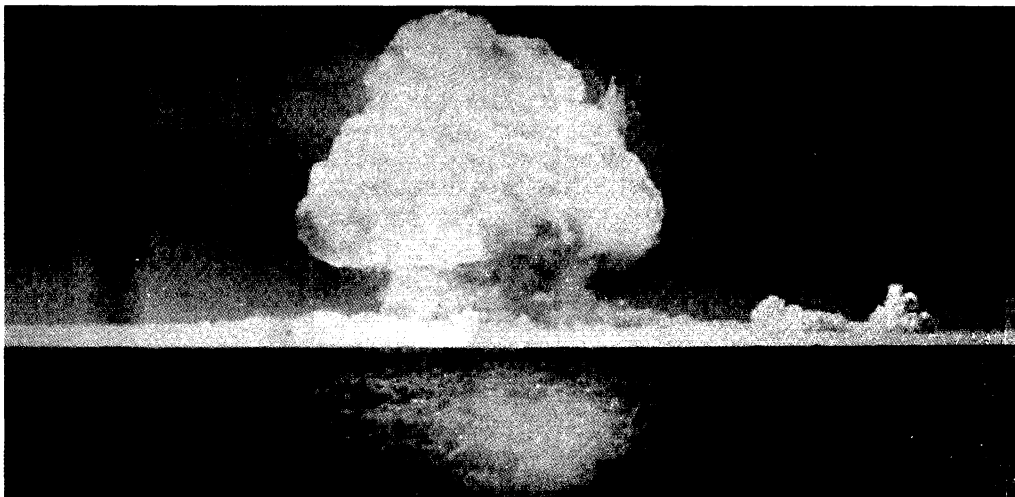
В советском изобретательском праве есть такое понятие — рационализаторское предложение. К этой категории относятся небольшие технические усовершенствования, меры по улучшению организации труда и производства, использование на данном предприятии технических решений, давно применяемых в другой стране, отрасли или на предприятии. Ясно, что между уровнем производства и числом рационализаторских предложений существует четкая связь. А именно: чем выше уровень производства, тем менее оно поддается рационализации.

Но в Советском Союзе придают значение не столько смыслу, сколько показателям. Поэтому там охотно публикуют эффектные данные о числе рационализаторских предложений. Причем сведения об изобретениях и рацпредложениях обычно суммируются. Еще бы: миллионы изобретений-рацпредложений — наглядное свидетельство преимуществ советского строя, обеспечившего невиданный взлет изобретательской мысли.

К этим данным стоит присмотреться. В 1984 г. внедрено 24 тысячи изобретений и 4 миллиона рацпредложений. В 1975 г. (более новых данных нет) экономический эффект от использования изобретений составил 650 миллионов рублей, рацпредложений — свыше 4,3 миллиарда. Сопоставление этих двух чисел дает наглядное представление об уровне и характере развития советской экономики: *латание дыр* обеспечивает неизмеримо больший эффект, чем технический прогресс. Этим, пожалуй, все сказано. ●

Л. Брежнев и Дж. Форд
Хельсинки, 1975 г.

НОЛЬ ЧАСОВ АТОМНОГО ВЕКА

Сорок лет назад в трех разных точках Земли прогремели взрывы неслыханной мощи. Человечество волею собственного интеллекта, упорства, влекомое страхом, а может быть, и тайным инстинктом смерти, добровольно зачислило себя в список угрожаемых биологических видов. Начался атомный век. Говорят, что немалую роль в этом сыграл случай. Что было бы, если бы Отто Ган не написал в Париж своей сотруднице Лизе Майтнер об открытии следов бария в образчике урана, подвергнутом бомбардировке нейтронами? А Эйнштейн, узнав о письме, не сообщил бы Рузвельту о том, что Германия стоит накануне чудовищного открытия — управляемого ядерного распада? Но нельзя объяснить случайностью то, что в мире испокон веков соседствуют злодейство и честность. Злодеянием, хотя и мелким на общем фоне гитлеровских преступлений, было изгнание еврейки Лизы Майтнер из Германии. Честность была органическим свойством Гана: он не мог не известить товарища по многолетней работе об итогах совместных исследований. В конечном счете атомный взрыв был итогом развития человеческой мысли со времен Демокрита и Эпикура, а непосредственной причиной того, что внутриатомная энергия была раньше всего использована для того, чтобы начинить ею сверхбомбу, стала самая страшная война в истории человечества.

Восемь месяцев прошло между письмом Эйнштейна и приказом Рузвельта о создании специального Управления оборонных исследований. Творцу первой электронно-вычислительной машины Ваневару Бушу и генералу Лесли Гроувзу удалось сколотить против гитлеровской угрозы (предполагали — как потом выяснилось, ошибочно, — что над ядерным оружием для рейха работают Ган и Гейзенберг) лучший научный коллектив нашего века во главе с Робертом Оппенгеймером. В "инженерном округе Манхэттен" (кодовое название проекта) работали Нильс Бор, Энрико Ферми, Ганс Бете, Эдвард Теллер, Роберт Вильсон, Лео Силард, Гленн Сиборг, Виктор Вайскопф, Джон фон Нейман, Ричард Фейнман, Эрнест Лоуренс и многие другие американцы, англичане и беженцы из Германии и оккупированной Европы, христиане, евреи, агностики, деисты, атеисты, будущие борцы за мир и будущие ястребы холодной войны.

В нечеловеческой гонке эта элита разума не только опередила обе тоталитарные диктатуры (немецкая группа физиков вообще зашла в тупик, а советские исследователи

высокого класса — П.Капица, И.Курчатов. В.Ландау, И.Тамм, Ю.Харитон — работали в золотой клетке), но и добилась высоких попутных достижений: были созданы ядерный реактор и циклотрон. Понадобились годы, чтобы накопить необходимое количество материалов для трех бомб. Тем временем война в Европе закончилась, и целью стала Япония.

Первая бомба взорвалась в США на пустынном холме Троицы, неподалеку от центра атомных исследований в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико. Ферми предлагал пари, что взрыв уничтожит весь штат, высказывались опасения, что возникнет цепная реакция в атмосфере и распространится по всей земле. Другие, напротив, предсказывали, что сила детонации не превысит пяти тысяч, может быть даже одной тысячи тонн тротила. Лишь на основании тщательных расчетов Бете, исключивших риск возникновения мирового пожара в атмосфере, Оппенгеймер дал согласие на испытательный взрыв. Сила взрыва превысила бризантную мощь 20 тыс. тонн тротила, пустыню озарил свет "ярче тысячи солнц", десятикилометровый грибовидный столб впервые встал над миром. Позднее с места испытаний был привезен в музей Лос-Аламоса не известный геологам зеленовато-прозрачный минерал; его назвали "тринитит".

Решение бомбардировать Японию никогда не перестанет вызывать критику. Для антисциентистов всего мира Хиросима — символ злодейства, совершенного благодаря науке. Многочисленные сторонники мира, люди разных убеждений, левые политические группы всевозможных толков, а также нацеленная против Америки советская пропаганда утверждают, что приказ, отданный президентом Трумэном, был подказан чисто политическими соображениями, военной необходимости в нем не было. С другой стороны, можно указать на тяжелейшие потери американцев в боях на Гвадалканале и на Иводзиме, против втрое меньшего японского гарнизона, на законодательный запрет императорской армии капитулировать, — только сильнейший шок мог заставить ее сложить оружие, — можно было бы сослаться на сотни тысяч, если не миллионы жертв, которых потребовала бы высадка на Японские острова, можно с определенностью сказать, что не будь бомбы, война затянулась бы самое малое еще на год. В этом решении, очевидно, сыграло роль и желание отомстить за Перл-Харбор, за позор капитуляции Сингапура и Манилы, за жестокое обращение с пленными солдатами союзников, за бесчеловечный режим оккупации половины Китая и всей Юго-Восточной Азии, где погибло почти 30 миллионов человек.

Меньше чем через месяц после эксперимента в штате Нью-Мексико, 6 и 9 августа 1945 года, две бомбы были сброшены на Хиросиму и Нагасаки, 130 тысяч жителей умерли мгновенной смертью, свыше 80 тысяч был ранено, десятки тысяч получили различные дозы губительного излучения. Десятого августа микадо изменил формулу запрета на капитуляцию, а 14 августа объявил, что Япония сдается, несмотря на вооруженную попытку группы высших офицеров воспрепятствовать капитуляции. Война продолжалась лишь в Маньчжурии, где советские войска лихорадочно спешили на встречу китайским коммунистическим силам, чтобы успеть занять плацдарм в Северной Корее.

Немногие представляли себе, каким будет мир после августа 1945 г. Будущий пацифист и противник водородной бомбы, научный директор "проекта Манхэттен" Роберт Оппенгеймер распевал гимны из Ригведы, глядя на столб огня над холмом Тринити (Оппенгеймер был выдающимся санскритологом). Между прочим, он же выступил против намерения американского командования предупредить Японию о страшных последствиях продолжения войны. Кто мог предвидеть, что спустя сорок лет в мире будет накоплено 50 тысяч единиц ядерного оружия, кто предсказал бы кубинский кризис, катастрофы в Белогорске и на Трехмильном острове в США, гибель урожая в Норвегии, вызванную ядерными испытаниями в СССР? Чья кошмарная фантазия могла бы вообразить бесчисленные "закрытые зоны", где куется смерть, — от Новой Земли до знаменитого озера Лобнор на советско-китайской границе, от Кашмира до пустыни Негев?

Но верно и то, что немало сделано для предотвращения нового голокауста. Созданы устройства многократной блокировки, "горячие" линии связи и красные телефоны, подписаны соглашения, договоры, пакты, ведется тайная разведка и открытое наблюдение. Тысячи метров пленки и миллионы часов радио- и телепередач посвящены трагедии атомной катастрофы; созданы впечатляющие фильмы о грядущем Апокалипсисе; появилась даже теория о том, что после ядерной войны наступит новый ледниковый период. Но устранена ли опасность? Самый радужный оптимизм не решился бы это утверждать.

Четыре главных причины делают реальным риск катастрофы: накопившийся ядерный арсенал, — исключить возможность даже случайного применения этой техники становится все труднее; накопление обычного оружия, в особенности в СССР, Китае, в руках у других агрессивных режимов; совершенствование средств доставки оружия; наконец, кризис международного доверия, постоянно поддерживаемый вероломными или иррациональными действиями главным образом Советского Союза и его прямых и косвенных союзников, его экспансионизмом, стремлением диктовать свою волю Европе и страхом перед Америкой.

Продолжающееся, почти ничем не сдерживаемое производство и накопление средств массового уничтожения, а также дислокация этих средств — самый большой вопрос времени. Мы приводим ниже — для сведения соотечественников — краткую сводку *нарушений* международных обязательств, совершенных в 1961—1985 гг. правительством СССР и касающихся оружия массового уничтожения (включая биологическое и химическое оружие). Сводка составлена по данным отчета, который был представлен Комитетом советников по стратегическим вопросам при министерстве обороны США ("Bulletin of Atomic Scientists", 1985, 2).

1961—1962	Нарушение моратория, объявленного самим Советским Союзом. Возобновление ядерных испытаний в атмосфере.
1962	Нарушение обязательства не размещать наступательное оружие на острове Куба. Доставка ракет и бомбардировщиков на Кубу. Кубинский кризис.
1965—1985	Многочисленное нарушение договора 1963 г. о частичном ограничении ядерных испытаний. Выброс в атмосферу радиоактивных отходов, распространяющихся за пределы СССР.
1970—1974	Нарушение обязательства не размещать наступательное оружие на Кубе. Размещение на Кубе ядерных подводных лодок.
1972—1985	Нарушение конвенции о запрещении биологического оружия (1972). Продолжается производство, накопление, передача биологического оружия, а также его использование.
1975—1982	Нарушение Женевского протокола (1925). Передача химического и токсического оружия Вьетнаму. Использование боевых отравляющих веществ в Афганистане.
1976—1985	Нарушение конвенции Монте (1936). Советские авианосцы проходят через проливы Босфор и Дарданеллы.
1981—1983	Нарушение Заключительного акта совещания в Хельсинки (1975). Не сообщается о военных маневрах.
1981—1982	Нарушение конвенции 1981 г. — использование мин-ловушек против гражданского населения в Афганистане.
1982—1983	Нарушение моратория на размещение ракет типа СС-20.
1972—1985	Нарушение промежуточного соглашения ОСВ (1972). Размещение межконтинентальных стратегических ракет типа СС-17 и СС-19.
1975	Нарушение договора 1972 г. о противоракетных ракетах (ППР). Размещение передвижных радаров с целью перехвата ППР.
1976—1977	Нарушение договора ОСВ-I. Превышение лимита установок для запуска ракет ближнего радиуса действия без демонтажа прежних установок.
1979—1985	Нарушение договора ОСВ-II. Размещение межконтинентальных ракет типа СС-16.
1983	Нарушение договора ОСВ-II. Испытания межконтинентальных ракет типа СС-25.
1981—1985	Нарушение договора о ППР: установка радаров в районе Красноярска.

Джон ХЕРСИ (США)

ХИРОСИМА

В мае 1946 года американский журнал "New Yorker" направил известного писателя и журналиста Джона Херси в Хиросиму с заданием взять интервью у группы людей, переживших атомный взрыв. Херси пробыл в Японии месяц, опрашивая очевидцев и жертв катастрофы и не прибегая к помощи оккупационных властей. 31 августа 1946 г. репортажи Херси были опубликованы, — впервые за время существования журнала одному материалу был посвящен целый номер.

Репортажи Херси стали выдающимся событием в истории американской журналистики и поныне считаются классическими. Номер "New Yorker", где они были опубликованы, разошелся за несколько часов. Сам Альберт Эйнштейн заказал для раздачи друзьям и знакомым тысячу экземпляров. Около полусотни крупных газет получили разрешение на перепечатку, сокращенный вариант репортажей передавался по радио. Гонорары от всех этих публикаций Джон Херси передал в Американский Красный Крест.

К этому времени об атомной бомбе были напечатаны уже тысячи страниц. Однако Херси был первым, кто написал не о научном триумфе физиков, не о сложной технике, не о том, как делали бомбу, а о том, что бомба сделала, — через восприятие тех, кто стал ее жертвами.

Джон Херси родился в 1914 г., в литературу вступил романом "Колокол в Адао" (1944 г.) — об американской военной администрации в Италии. После репортажей о Хиросиме Херси опубликовал роман о восстании в Варшавском гетто "Стена", антирасистский роман "Белый лотос", роман "В эпицентре шторма" о проблемах американской интеллигенции и многое другое. На русский язык переведены два произведения писателя: "Возлюбивший войну" и "Скупщик детей".

* * *

В репортажах Дж. Херси "Хиросима" изложена история шести человек, переживших эту трагедию. Рассказ воспроизводит то, что писатель услышал от них самих, и ведется в хронологическом порядке; сюжетные линии участников переплетаются, то сближаясь, то расходясь. Мы выбрали для публикации фрагменты, в которых рассказывается о судьбе девушки по имени Тошико Сасаки.

Ровно в восемь часов пятнадцать минут утра 6 августа 1945 г. по японскому времени, в момент, когда атомная бомба взорвалась над Хиросимой, Тошико Сасаки, служащая отдела кадров Восточноазиатских консервных заводов, уселась на свое место в конторе и повернула голову, чтобы обратиться к подруге за соседним столом...

В тот день она встала в три часа утра: ей еще многое надо было сделать по дому. У ее 11-месячного братика Акио накануне сильно заболел живот, и мать увезла его в детскую больницу Тамура и осталась там вместе с ним. Тошико Сасаки — ей было около двадцати — должна была приготовить завтрак отцу, брату, сестре и себе самой и, поскольку в больнице, по военному времени, не кормили, сварить еду на весь день для матери и младенца. Отец, который работал в мастерской по изготовлению резиновых ушных пробок для артиллеристов, должен был по дороге на работу занести еду в больницу. Когда Сасаки кончила дела на кухне и прибрала за собою, было уже почти семь. Семья жила в Кои, западном предместьи Хиросимы, и до консервной фабрики, располо-

женной в районе Канон-мачи, было 45 минут езды. Она выехала из Кои в семь, а когда прибыла на фабрику, то вместе с другими девушками из отдела кадров пошла в фабричный конференц-зал. Бывший работник фабрики, известный военный моряк, накануне совершил самоубийство, бросившись под поезд, — смерть, считавшаяся почетной и заслуживающей торжественной панихиды. Панихида была назначена на 10 часов утра, и Сасаки вместе с другими девушками должна была подготовить зал. Это заняло около 20 минут.

Сасаки вернулась в контору и села за стол. Она сидела довольно далеко от окна, которое находилось слева от нее. Сзади нее стояли высокие полки с книгами организованной отделом кадров заводской библиотеки. Сасаки устроилась поудобнее, вынула все, что надо, из стола и переложила бумаги. Прежде чем начать вносить поправки в список работников — кого-то наняли, кого-то уволили, кого-то призвали в армию, — она решила немного поболтать с девушкой, сидевшей справа от нее. Как только она повернула голову от окна, комнату заполнил слепящий свет. Страх парализовал ее, и она замерла на своем стуле (фабрика находилась в полутора километрах от эпицентра взрыва).

Затем все обрушилось, и Сасаки потеряла сознание. Внезапно упал потолок, деревянный пол второго этажа разлетелся в щепы, люди попадали вниз, в след за ними полетели обломки крыши. Но еще до того стоявшие за ней книжные полки накренились, их содержимое обрушилось на нее. Сасаки упала, нога ее неестественно вывернулась и хрустнула. Здесь, на консервной фабрике, в первые мгновения атомного века, человек был погребен под книгами...

Сасаки лежала, скорчившись под гигантской грудой книг, штукатурки, досок и искореженного железа, там, где некогда был отдел кадров фабрики. Как она подсчитала позднее, она была без сознания около трех часов. Первым ее ощущением была нестерпимая боль в левой ноге. Под книгами и обломками было темно, и границу между бессознательностью и сознанием было трудно уловить. Видимо, она несколько раз то приходила в себя, то вновь впадала в беспамятство, боль то появлялась, то отступала. Когда боль становилась особенно сильной, ей казалось, что нога оторвана где-то ниже колена. Позже она услышала, что кто-то ходит сверху по груде обломков, из окружающего ее хаоса донеслись искаженные болью голоса: "Помогите! Вытащите нас!..."

Когда Сасаки услышала голоса погребенных вместе с нею в руинах консервной фабрики, она заговорила с ними. Ближе всего к ней оказалась девушка-студентка, мобилизованная на работу на фабрику. Та сказала ей, что у нее сломан позвоночник. Сасаки ответила: "Я тоже не могу двигаться. У меня оторвана нога".

Чуть позже она вновь услышала, как кто-то ходит над головой. Затем кто-то начал разрывать груды обломков сбоку. Копавший высвободил несколько человек, а когда дело дошло до студентки, то выяснилось, что спина у нее не сломана, и она выползла сама. Сасаки покричала спасителю, и тот стал рыть в ее направлении. Разбросав в стороны книги, он проделал к ней проход. Появилось потное лицо, и спасатель сказал: "Девушка, выходи!" Она попыталась. "Нет, я не могу двигаться", — сказала она. Человек разрыл проход пошире и попросил напрячь все силы и выбраться. Но на бедра ей навалились тяжелые книги и человек затем увидел, что сверху лежит еще полка, прижатая к тому же тяжелой балкой. "Подожди, — сказал он. — Я принесу лом".

Человек ушел надолго, а когда вернулся, был сильно раздражен, как будто во всем была виновата она сама. "У нас тут некому тебе помогать! — прокричал он в проход. — Выбейся сама!"

"Это невозможно, — сказала она, — моя левая нога..." Но человек уже ушел.

Много позднее пришли несколько мужчин и вытащили Сасаки. Левая нога оказалась на месте, но была в нескольких местах сломана, ранена и неестественно торчала вбок ниже колена. Спасатели отнесли Сасаки во двор. Шел дождь. Она сидела на земле.

Когда ливень усилился, кто-то приказал раненым укрыться в заводском бомбоубежище. "Пошли, — сказала ей какая-то женщина. — Ты ведь можешь прыгать". Но Сасаки двигаться не могла и осталась сидеть под дождем. Потом один из мужчин соорудил из куска железа что-то вроде навеса и, взяв на руки, отнес ее туда. Она была ему благодарна. А затем он принес в это импровизированное укрытие еще двоих: женщину, у которой были оторваны обе груди, и мужчину, чье лицо от ожога превратилось в кусок мяса. Никто к ним больше не подходил. Дождь утих, и облачный день был душным и жарким. К ночи от трех тел, скорчившихся под наклонным куском искореженного железа, пошел дурной запах...

Тысячам людей в тот день не было откуда ждать помощи, и Сасаки была одной из них. Покинутая и беспомощная в своем жалком убежище во дворе консервной фабрики, рядом с безгрудой женщиной и мужчиной с обожженным лицом, она лежала, страдая от боли в сломанной ноге. Она ни на минуту не уснула. Со своими товарищами по беде она тоже не разговаривала...

Ранним утром следующего дня, 7 августа, японское радио в первый раз передало короткое сообщение, которое едва ли слышали те, кого это касалось более всего, — выжившие в городе: "Хиросиме нанесен значительный ущерб в результате бомбардировки несколькими самолетами Б-29. Полагают, что были применены бомбы нового типа. Подробности изучаются". Маловероятно также, что кто-то из выживших слышал передававшееся на коротких волнах чрезвычайное сообщение президента Соединенных Штатов, который объявил, что бомба была атомной: "Бомба обладает большей разрушительной силой, чем 20 тысяч тонн взрывчатых веществ. Эта бомба обладает разрушительной силой в две тысячи раз превосходящей разрушительную силу английской бомбы Гренд Слем, которая является самой крупной бомбой, когда-либо использованной в истории войны". Те жертвы, которые вообще могли еще думать о том, что произошло, говорили об этом куда проще и по-детски: бензин, вылитый с самолета, или, может быть, горючий газ, или целая куча зажигательных бомб, или дело рук парашютистов. Но даже если бы они знали правду, большинство из них были либо слишком заняты, либо слишком устали, либо слишком страдали от ран и ожогов, чтобы думать о том, что они стали объектами первого гигантского эксперимента по использованию атомного оружия, которое (как утверждал голос, звучавший на коротких волнах) не могла бы создать ни одна страна кроме Соединенных Штатов, с их промышленной технологией и готовностью вложить два миллиарда долларов золотом в важное, но рискованное военное предприятие...

Всего Сасаки просидела с переломанной ногой два дня и две ночи под куском кровли, вместе с двумя своими искалеченными сотоварищами. Иногда из-под угла своего укрытия она видела, как к фабричному бомбоубежищу приходили люди и на веревках вытаскивали оттуда трупы. Нога ее приобрела неестественный цвет, распухла и издавала дурной запах. Все это время Сасаки ничего не пила и не ела. На третий день, 8 августа, несколько друзей, думавших, что она погибла, пришли искать ее тело и нашли ее — живую. Они сказали, что ее мать, отец и маленький брат, которые во время взрыва находились в детской больнице Тамура, скорее всего убиты, ибо больница полностью уничтожена. Друзья ушли, а она осталась, поглощенная мыслями об услышанном. Наконец, пришли несколько мужчин, подняли ее и отнесли в стоявший поодаль грузовик. Грузовик ехал по ухабистой дороге примерно час, и Сасаки, которая уже думала, что боль притупилась, убедилась, что это далеко не так. Ее доставили на временный медпункт в районе Инокучи. Там ее осмотрели два армейских врача. Когда один из них коснулся ее раны, она потеряла сознание. Очнувшись она как раз вовремя, чтобы услышать, как они обсуждают — отрезать ногу или нет. Один сказал, что, что на краях раны началась газовая гангрена, и если ногу не ампутировать, то смерть неизбежна. Другой сказал, что это очень скверно, ибо у них нет необходимых инструментов. Она вновь потеряла сознание. Придя в себя, Сасаки обнаружила, что ее куда-то несут на носилках. Ее погру-

зили на катер, который доставил ее на соседний остров Ниносима, где ее поместили в военный госпиталь. Еще один врач осмотрел ее и сказал, что газовой гангрены нет, хотя у нее довольно скверный сложный перелом. Холодным тоном он сказал, что очень сожалеет, но этот госпиталь только для неотложных хирургических операций, а так как гангрены у нее нет, ей следует этим вечером вернуться в Хиросиму. Но потом доктор измерил ей температуру, и то, что он увидел на шкале термометра, заставило его изменить решение. Ей позволили остаться...

Примерно через неделю после того, как бомба была сброшена, до оставшихся в живых обитателей Хиросимы дошли невразумительные слухи о том, что город был разрушен энергией, которая выделяется, когда атомы каким-то образом расщепляются пополам. Оружие это в пересказах называли *гениши бакудан*, что в буквальном переводе означает "странная детская бомба". Никто не понимал, что это все значит, и в эти слухи верили не больше, чем в версию о магниевом порошке и прочие подобные вещи. Из других городов были доставлены газеты, но они по-прежнему ограничивались лишь самыми общими заявлениями. Так "Домей" писала 12 августа: "Ничего не остается, как признать невероятную мощь этой нечеловеческой бомбы". Между тем японские физики уже съехались в город со своими приборами — они-то слишком хорошо понимали, в чем дело...

Японские физики, много знавшие о делении ядра (у одного в лаборатории был циклотрон), опасались длительной радиации в Хиросиме, и в середине августа, вскоре после того, как президент Трумэн раскрыл, какого типа бомба была сброшена, они начали в городе свои исследования. Первым делом они грубо определили эпицентр взрыва — по тому, с какой стороны были обожжены телеграфные столбы, стоявшие на периферии города. Эпицентр пришелся на *тории* — ворота храма Гококу, рядом с плацем казарм Чугоку. Отсюда с приборами, чувствительными и к бета- и к гамма-лучам они начали двигаться на север и на юг. Возле тории радиоактивность была наивысшей: гамма-излучение в 4,2 раза превышало обычный фон. Ученые заметили, что бомба придала бетону красноватый оттенок, гранитные поверхности начали шелушиться, другие строительные материалы были обожжены. В некоторых местах бомба оставила отпечатки-тени — там, куда не попало ее излучение. Так, на крыше здания торговой палаты осталась тень прямоугольной башни; несколько теней обнаружилось на здании ипотечного банка; тени отбросили башня здания электрической компании Чугоку, насосная станция, несколько надгробных камней в храме Гококу. Произведя геометрический расчет, ученые уточнили положение эпицентра взрыва: в 140 м к югу от тории и в нескольких метрах к юго-востоку от груды развалин того, что некогда было больницей Шима. (Было найдено несколько неясных человеческих силуэтов, и вокруг этого возникло множество рассказов, постепенно обраставших живописными подробностями. Например, рассказывали о маляре, стоявшем на лестнице, который превратился в барельеф на стене банка, где он работал: он запечатлен в тот момент, когда макал кисть в ведро с краской. Другой человек ехавший на повозке по мосту близ Музея науки и техники, непосредственно под точкой взрыва, был якобы запечатлен рельефной тенью в тот момент, когда он поднял кнут, чтобы стегнуть лошадь.) В начале сентября физики начали делать измерения в направлении восток—запад и обнаружили, что радиация в центре была уже только в 3,9 раза выше фоновой. Так как для человеческого организма опасна лишь радиация, в тысячу раз превышающая фоновую, ученые объявили, что люди могут без вреда для себя приезжать в Хиросиму...

Сасаки лежала с непрекращающимися болями в школе Милосердной Богини в Хацукайчи, на четвертой станции пригородной железной дороги к юго-западу от Хиросимы. Из-за инфекции сломанные кости левой голени все еще нельзя было поставить на место. Молодой человек, находившийся в той же больнице, воспытал к ней симпатией, хотя она и была непрестанно поглощена своими страданиями; может быть, впрочем,

ему просто было ее жалко. Он дал ей книжку Мопассана в японском переводе, и она пыталась читать, но могла сконцентрировать внимание не более чем на пять минут.

Больницы и пункты первой помощи вокруг Хиросимы в первые недели после бомбардировки были переполнены, штат их часто менялся в зависимости от состояния здоровья самих врачей и прибытия помощи со стороны. Поэтому пациентов то и дело транспортировали с места на место. Сасаки, которую перевозили уже трижды, причем два раза на катере, в конце августа перевели в инженерную школу, тоже в Хацукайчи. Так как нога не становилось лучше, но распухла все больше и больше, доктора наложили грубый лубок и 9 сентября отправили ее в госпиталь Красного Креста в Хиросиме. В этот день она впервые получила возможность взглянуть на развалины Хиросимы, — когда ее до этого несли по улицам города, она была в полубессознательном состоянии. Хотя ей уже описывали разрушения и хотя она все еще страдала от болей, то, что она увидела, привело ее в ужас и изумило. Одна вещь, которую она заметила, особенно заставила ее содрогнуться. Повсюду — поверх обломков зданий, в сточных канавах, вдоль берегов реки, меж черепиц и сквозь дыры жестяных крыш, взбираясь по обугленным стволам деревьев, — была свежая, яркая, пышная, веселая растительность. Зелень прорастала даже на фундаментах разрушенных домов. Сорняки уже скрыли пепел, дикие цветы покрывали скелет мертвого города. Бомба не только оставила корни растений неповрежденными — она стимулировала их рост. Повсюду росли васильки, юкки, гусиные лапки, пурпурные выюнки, лилии, конские бобы, портулак, дурнишник, кунжут, пастушья сумка, пиретрум. В самом центре пышно разрослась кассия, не только меж обугленных остатков того же растения, но и пробиваясь в новых местах, меж кирпичей, сквозь трещины в асфальте. Казалось, что огромный груз семян кассии был сброшен вместе с бомбой.

В госпитале Красного Креста Сасаки поступила под наблюдение своего однофамильца доктора Сасаки. Теперь, через месяц после взрыва, в госпитале установилось что-то вроде порядка. Это значило, что пациенты, которые все еще лежали в коридорах, по крайней мере получили матрасы, и запас лекарств, израсходованных в первые дни, теперь пополнился, хотя и недостаточно, за счет поступлений из других городов.

Так как Сасаки была женщиной и ей было очень плохо (и, возможно, как он потом признавал, чуточку потому, что ее тоже звали Сасаки), д-р Сасаки положил ее на матрасе в отдельной комнате, где в то время было только восемь человек. Он побеседовал с ней и заполнил историю болезни на своем правильном немецком языке, на котором он всегда писал все истории болезни: "Пациентка среднего роста, удовлетворительной упитанности. Открытый перелом левой голени. Отек левой голени. Кожа и видимые слизистые с массивными кровоизлияниями, но не отечны". Он отметил, что горло, легкие и сердце в нормальном состоянии, но что ее лихорадит. Доктор хотел поставить на место обломки кости и наложить на ногу гипс, но гипс давно кончился, так что он лишь уложил ее на матрас и прописал в качестве жаропонижающего аспирин, а также глюкозу внутривенно и диастазу в виде таблеток, так как она нуждалась в дополнительном питании (в историю болезни это не вошло — от недостатка питания страдали все). У нее наблюдался только один необычный симптом, который у большинства других пациентов еще не успел появиться, — местные кровоизлияния...

23 октября под местным новокаиновым обезболиванием д-р Сасаки сделал надрез на ноге и выпустил гной. Через неделю она пожаловалась на сильную боль, и он сделал еще один надрез. Третий был сделан 9 ноября, а 26-го его пришлось увеличить. Сасаки все слабела и слабела, и все более падала духом. Однажды молодой человек, который в Хацукайчи одолжил ей перевод Мопассана, пришел ее навестить. Он сказал ей, что едет на Кюсю, но когда вернется, хотел бы навестить ее снова. Ей было все равно. Ее нога так распухла и так болела, что доктор даже не пытался поставить кости на место. Хотя сделанный в ноябре рентген показал, что кости начинают срастаться, она видела под

простыней, что ее левая нога почти на 10 см короче правой и левая ступня вывернута внутрь. Она часто думала о мужчине, с которым была обручена. Кто-то сказал ей, что он вернулся из-за моря. Она думала о том, что он, наверное, слышал о ее увечье и не хочет больше с ней встречаться.

Новый муниципалитет, созданный под наблюдением оккупационных властей, наконец начал работать в местной ратуше. Жители, оправлявшиеся от радиационного поражения различной степени, возвращались тысячами в город, и к 1 ноября население, селившееся преимущественно в пригородах, достигло уже 137 тысяч – более трети довоенного максимума. Муниципалитет сделал все возможное, чтобы поставить людей на работы по восстановлению города. Он направил одних на расчистку улиц, других на сбор железа, которое они складывали в кучи напротив ратуши. Некоторые возвращавшиеся жители строили собственные хижины и лачуги, возделывали около них небольшие участки и засеивали их озимой пшеницей. Город построил также четыреста односемейных барачков. Коммунальные службы были восстановлены, появился вновь электрический свет, начали ходить трамваи, работники городского водопровода устранили семьдесят тысяч повреждений магистралей и труб. Плановая комиссия при участии молодого энтузиаста лейтенанта Джона Монтгомери начала обсуждать вопрос о том, какой должна стать новая Хиросима. Разрушенный город был городом процветающим – а потому и оказался привлекательной мишенью, ибо считался одним из наиболее важных военных и коммуникационных центров Японии. Если бы на остров было совершено вторжение и Токио пал, город должен был бы стать имперской штаб-квартирой. Теперь не было уже крупных военных объектов, которые могли бы оживить город. Плановая комиссия, не очень ясно представляя себе, какую роль должна играть в будущем Хиросима, занялась разными культурными проектами, мощением улиц и т. п. Были начерчены новые планы города с улицами в сотню метров шириной. Всерьез обдумывалось предложение сохранить полуразрушенный Музей науки и техники в его современном состоянии как памятник катастрофы и назвать его Институтом международной дружбы. Статистики собирали сведения, характеризующие воздействие бомбы. Они сообщили, что 78150 человек было убито, 13983 пропало без вести, 37425 ранено. Никто в муниципалитете не считал, что эти цифры точны, хотя американцы приняли их в качестве официальных. Шли месяцы, и новые сотни трупов извлекались из руин, и тысячи урн с прахом непознанных лиц скапливались в храме Земподжи в предместье Кои. Статистики стали оценивать число погибших при бомбардировке уже по меньшей мере в сотню тысяч. Так как смерть многих наступила в результате нескольких причин, было невозможно получить точные цифры, сколько именно погибло по той или иной причине. Тем не менее статистики подсчитали, что около 25% скончалось непосредственно от ожогов, причиненных взрывом, и около 20% в результате воздействия радиации. Данные об ущербе, нанесенном имуществу, более надежны: 62 тысячи из 90 тысяч зданий разрушено, и еще 6 тысяч повреждено настолько, что их уже не восстановить. В центре города нашлось только пять современных зданий, которые можно было бы использовать без капитального ремонта. Столь малое количество сохранившихся зданий вовсе не объясняется непрочностью японских строений. После землетрясения 1923 г. японские строительные стандарты требуют, чтобы крыша любого крупного здания выдерживала нагрузку не менее 350 кг/м², тогда как по американским стандартам минимальная предельная нагрузка не превышает 200 кг/м².

Ученые слетелись в город. Они, в частности, измеряли силу, необходимую, чтобы сместить мраморные надгробья на кладбище, перевернуть 22 из 47 железнодорожных вагонов на запасных путях хиросимского вокзала, поднять и сместить бетонное покрытие на одном из мостов и т. п. Они пришли к выводу, что давление, развившееся при взрыве, составило от 6,4 до 9,6 тонн/м². Другие вычислили, что слюда, температура плавления которой составляет 900°С, расплавилась в 350 м от центра взрыва. Телеграф-

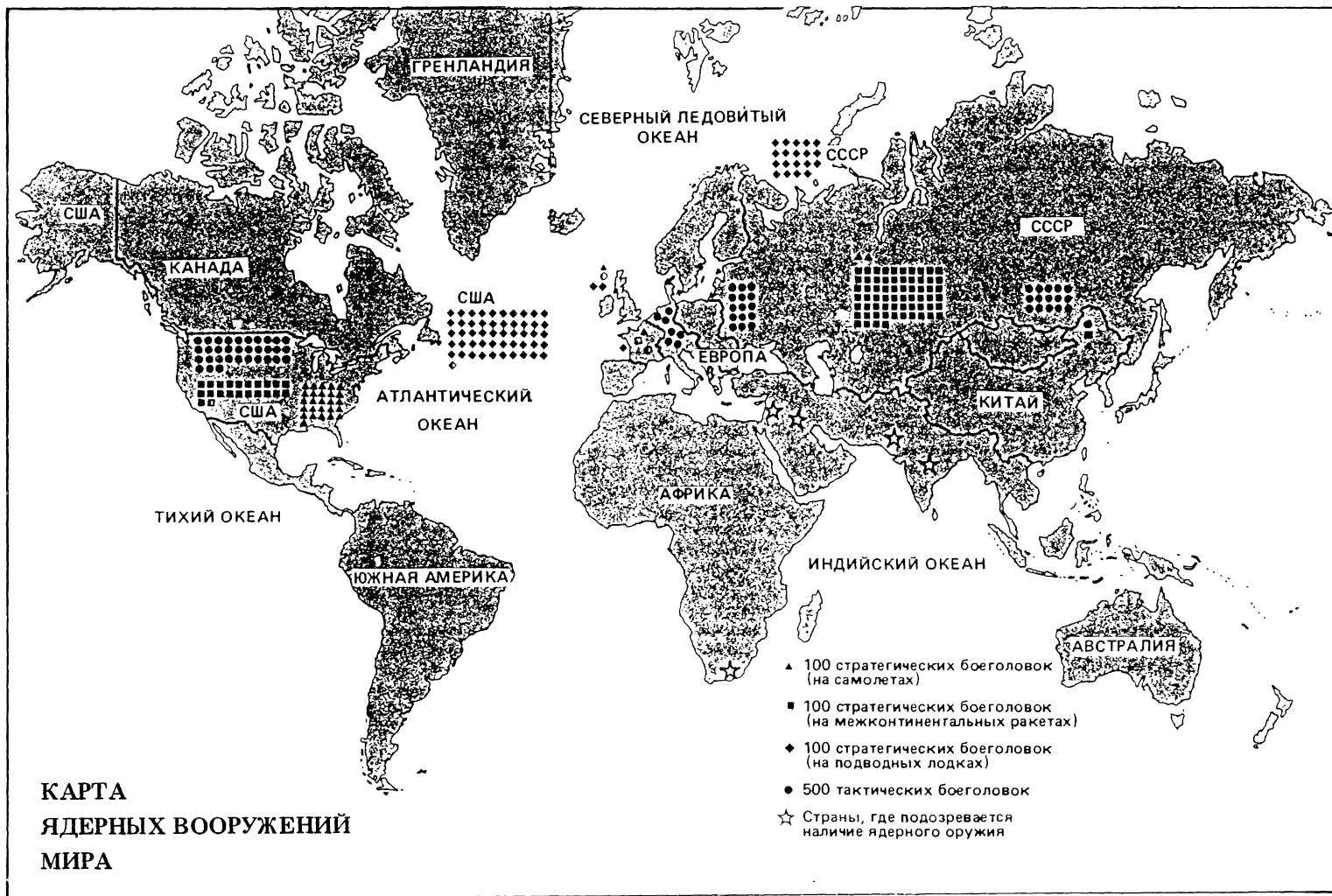
ные столбы из японской криптомерии, температура обугливания которой составляет 240°C , обуглились в 4 км от центра. Керамическая черепица того типа, который применялся в Хиросиме и температура плавления которой составляет 1300°C , расплавилась на расстоянии 540 м. Исследовав все эти и многие другие оплавленные и сожженные обломки, специалисты пришли к выводу, что наземная температура в эпицентре взрыва составила 6000°C . По результатам измерений радиации в пробах, взятых по всему городу, вплоть до предместья Такасу, в трех километрах от центра, ученые сделали ряд важных выводов о природе бомбы. Штаб-квартира генерала Макартура систематически устраняла все упоминания о бомбе в японских научных публикациях, но скоро расчеты ученых стали широко известны среди японских физиков, врачей, химиков, журналистов, профессоров и, без сомнения, тех государственных деятелей и военных, которые еще оставались на политической сцене. Задолго до того, как это было сообщено американской публике, большинство ученых и многие простые люди в Японии знали из расчетов японских физиков-ядерщиков, что в Хиросиме взорвалась урановая бомба, а в Нагасаки — более мощная плутониевая. Они знали также, что теоретически можно сделать бомбу в 10–20 раз мощнее. Японские ученые полагали, что знают точную высоту, на которой взорвалась хиросимская бомба, и примерно вес использованного в ней урана. По их оценкам, для того, чтобы защитить человека от радиационного поражения даже от такой примитивной бомбы, какая была сброшена на Хиросиму, необходимо бетонное укрытие в 125 см толщиной. Эти и другие подробности, составлявшие секрет в Соединенных Штатах, были собраны в маленькой книжке, размноженной на mimeографе. Американцы знали о существовании этих книжечек, охотились за ними, стараясь, чтобы они не попали не в те руки. Это заставило оккупационные власти создать в Японии огромную полицейскую систему. Японских ученых забавляли попытки завоевателей сохранить тайну деления атомного ядра.

В конце февраля 1946 г. друг Сасаки позвонил немцу-иезуиту отцу Клейнзорге и попросил его навестить Сасаки в госпитале. Она становилась все более угнетенной и мрачной. Жизнь мало интересовала ее. Отец Клейнзорге навещал ее несколько раз. Во время первого визита он вел общий разговор, формальный, но сочувственный, и о религии не упоминал. Сасаки сама заговорила об этом во время его второго посещения. По-видимому, она уже раньше разговаривала с католиками. Она спросила резко: "Если Бог столь добр, как может он позволить, чтобы люди так страдали?" И она широким жестом показала и на свою укороченную ногу, и на других пациентов в палате, и на весь город Хиросиму.

"Дитя мое, — сказал отец Клейнзорге, — люди потеряли милость Божью за свои грехи". И он пустился в дальнейшие объяснения.

Были или нет ответы отца Клейнзорге на вопросы Сасаки абсолютной и окончательной истиной, но она, видимо, почерпнула в них новые физические силы. Д-р Сасаки быстро заметил это и поздравил отца Клейнзорге. 15 апреля температура и количество лейкоцитов вернулись к норме, нагноение уменьшилось. К 20 апреля гной почти исчез, и она впервые проковыляла по коридору на костылях. Через пять дней рана стала затягиваться, и к концу месяца Сасаки выписали из госпиталя.

В первые летние месяцы она готовилась к обращению в католичество. За это время она то падала духом, то обретала бодрость. Депрессия ее была глубока. Она знала, что осталась инвалидом навеки. Ее жених ни разу не пришел навестить ее. Ей ничего не оставалось делать, как читать и смотреть из окна своего дома на склоны холма в Кои на развалины города, где погибли ее родители и брат. Нервы ее были расшатаны, при любом внезапном звуке она хваталась руками за горло. Нога все еще болела. Чтобы успокоить боль, она поглаживала ее время от времени... ●

КТО НАНЕСЕТ УДАР? Кто может начать атомную войну? Куда упадет бомба? Современный мировой потенциал ядерного оружия – авиационные и артиллерийские снаряды, ракетные боеголовки, мины – оценивается примерно в 50 тысяч единиц. Этот потенциал распределяется следующим образом: США – 27 тыс. ед. (около 22 тыс. на собственной территории, около 5 тыс. в районе Тихого океана, несколько сот единиц размещены в Западной Европе); Франция и Великобритания – несколько сот единиц; СССР – 23 тыс. ед.; наконец, Китай – несколько сот единиц. Считается, что "атомный клуб" ограничен этой пятеркой держав. Восемьдесят пять стран мира подписали Договор о нераспространении ядерного оружия. Среди подписавших (а также не подписавших) есть государства, располагающие потенциалом для создания собственного ядерного оружия.

ПАКИСТАН. Институт ядерных исследований в Кахута, в 35 километрах юго-восточнее столицы страны Исламабада, напоминает крепость. Здание охраняют зенитные орудия и ракетные установки, наземные войска, в воздухе круглосуточно патрулируют самолеты пакистанских ВВС. Здесь концентрируется добытая за рубежом научно-техническая информация и находится запас сырья для производства ядерного оружия. Тем не менее правительство и президент страны отрицают, что Пакистан разрабатывает это оружие.

ИНДИЯ. В 1974 г. Индия произвела "мирный" ядерный взрыв в пустыне Раджастана. Посетив Москву, Раджив Ганди заявил, в связи с сообщениями о работе над бомбой в Пакистане, что Индия не допустит, чтобы кто-нибудь усомнился в ее готовности отстаивать свою целостность и безопасность.

ИЗРАИЛЬ. Правительство страны утверждает, что ядерного оружия у Израиля нет. Вместе с тем подчеркивается, что при любых обстоятельствах Израиль не применит это оружие первым. Имеются данные о том, что фосфатные месторождения в пустыне Негев содержат примесь урана; неофициально сообщалось о гибели военного самолета, случайно оказавшегося в закрытом воздушном пространстве над израильским ядерным реактором в Димоне.

ИРАК. Уничтожение ядерного реактора "Таммуз" в районе Багдада израильской авиацией (1981) – свидетельство того, что ядерный конфликт на Ближнем Востоке нельзя считать невозможным. Иракский реактор, как и израильский реактор в Димоне, был построен с помощью французских специалистов. "Таммуз" отличался необычной для научно-исследовательского реактора величиной и сложностью, однако Израилю не удалось доказать обоснованность своих опасений. Тем не менее вероятность того, что Ирак намерен присоединиться к клубу атомных стран, достаточно велика.

ЮЖНО—АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА. Можно считать доказанным, что ЮАР проводила испытания ракет с участием израильских специалистов. Догадки о ядерном потенциале страны неопределенны.

ЛИВИЯ. Эта страна внушает особые опасения. В 60 километрах от Триполи расположена группа красивых белых зданий; миновав пропускной пункт, посетитель оказывается в роскошном восточном саду. На стене – таблица Менделеева с крупной надписью поверх клеток с символами элементов: "Революция – всегда!" Это Таджур, центр ядерных исследований. Правитель Ливии полковник Каддафи не жалеет средств ради овладения атомными секретами. После неудачных попыток наладить сотрудничество с Китаем, а затем с Пакистаном делают авансы Индии. Когда правительство в Дели заявило, что сотрудничество с Ливией будет ограничено мирными проектами, полковник наказывает Индию, лишив ее поставок ливийской нефти. В 1975 г. Ливия подписала Договор о нераспространении ядерного оружия, после чего, однако, начались переговоры о сотрудничестве с бельгийскими фирмами. Контракт не был заключен под давлением США. Пока что единственный реальный плод стараний Каддафи – комплекс в Таджуре, сооруженный в 1982 г. с помощью СССР. Там функционируют советский реактор типа "Токамак ТМ 4-А" и учебная установка для персонала, обслуживающего реактор. Мощность "Токамака" – 10 Мэв. В Таджуре работает около ста специалистов из СССР. Любопытно мнение лидера оппозиционной Ливийской организации освобождения, находящейся в изгнании: "Каддафи не станет возиться с изготовлением бомбы. Террористы доставят ему атомную бомбу в готовом виде".

Отто Ган и Лизе Майтнер

Лаура и Энрико Ферми

Роберт Опенгеймер и генерал Лесли Гроувз

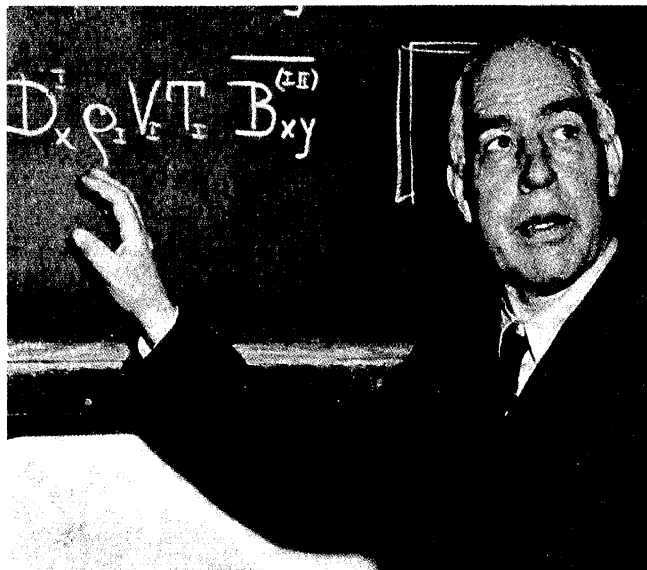

Эдвард Теллер

Нильс Бор

Вернер Гейзенберг

Лео Силард

Петр Капица

Хиросима, 6 августа 1945 г.

Единственное здание (церковь),
сохранившееся
в эпицентре взрыва

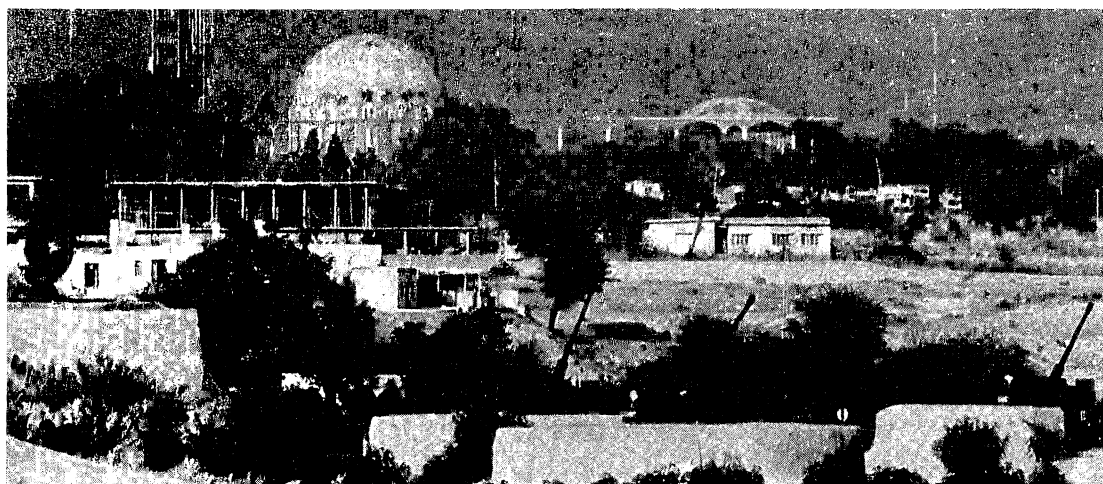
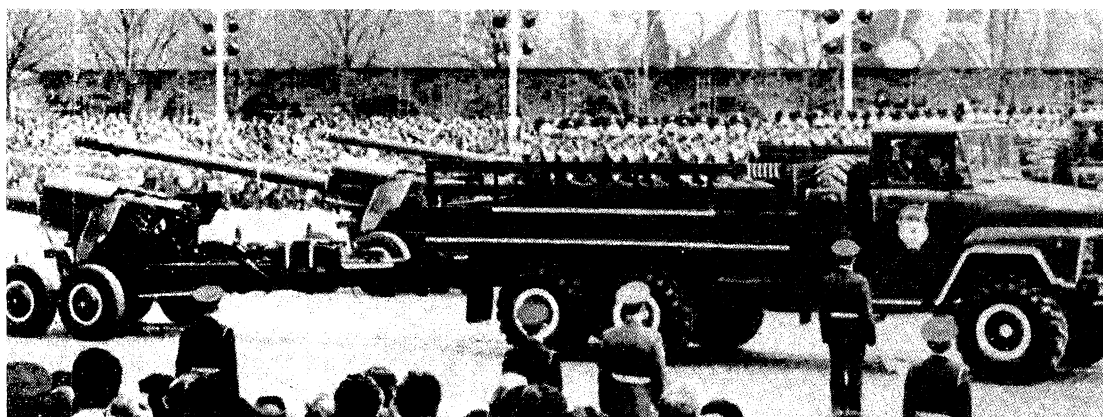
Капитуляция Японии.

Борт американского линкора "Миссури", 31 августа 1945 г.

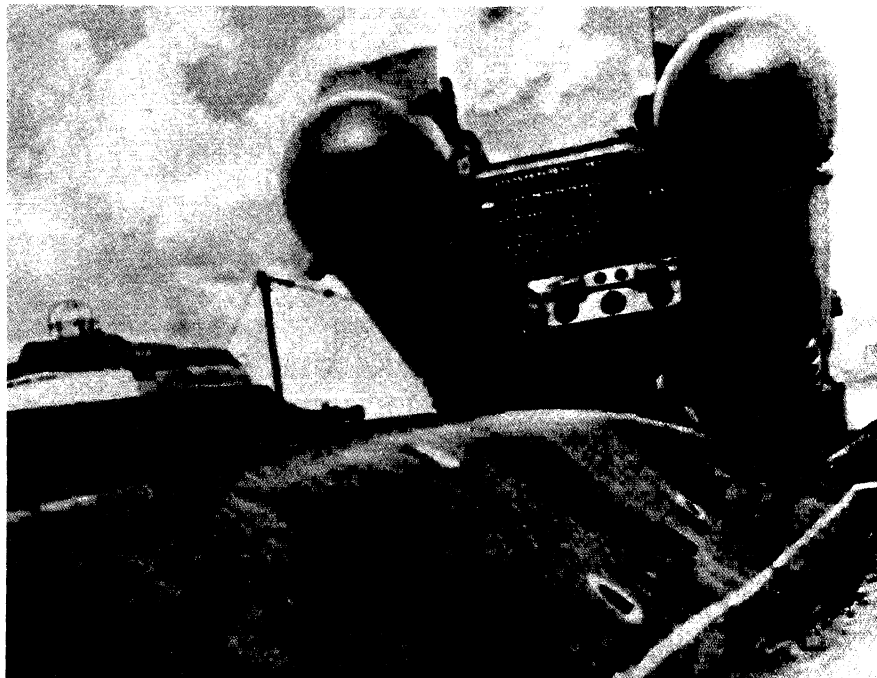

Батарея ядерных ракет "Хок" (США)

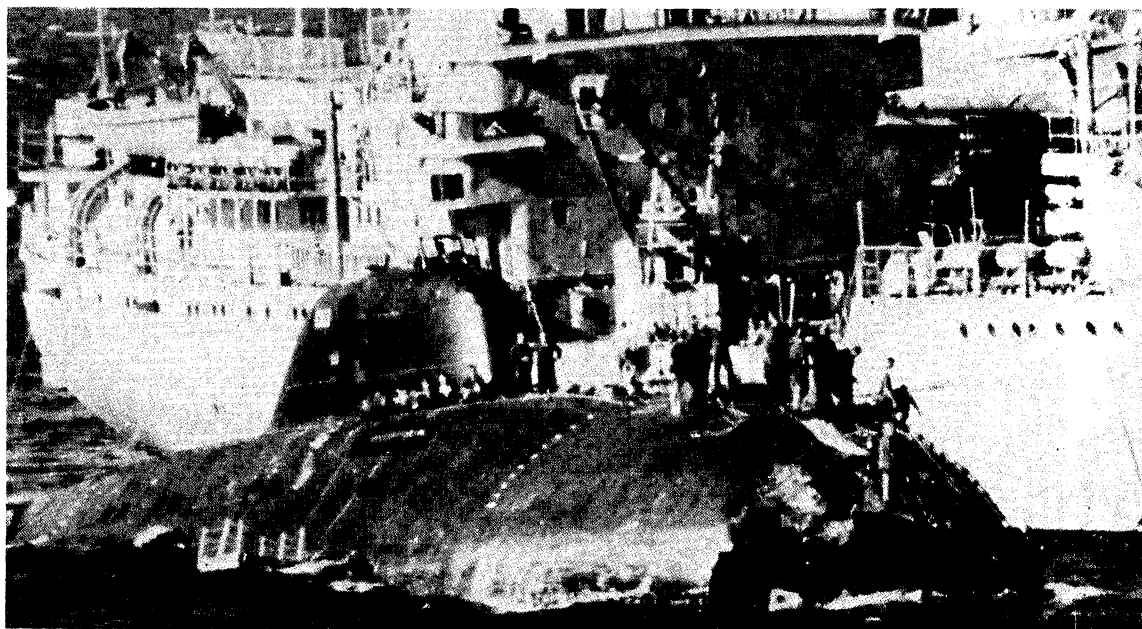
Советская ядерная артиллерия на параде

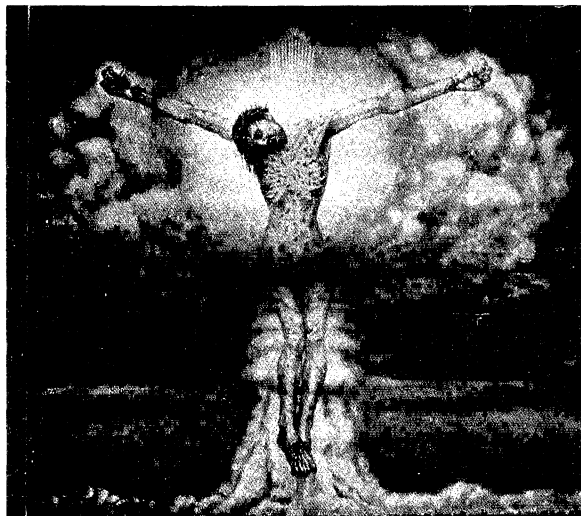
Центр ядерных исследований в Кахута (Пакистан)

Самонаводящаяся ракета с двумя ядерными боеголовками
на борту подводной лодки (СССР)

Советская атомная подводная лодка,
потерпевшая аварию у берегов Туниса

Голгофа. Художник А. Грей (США)

Противоатомное убежище.
Пекин

Хиросима в 1985 году

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ХЕЛЬСИНКИ

Первого августа 1975 года в Хельсинки, во дворце конгрессов "Финляндия" был подписан Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Акт подписали представители всех европейских стран (кроме Албании), а также США и Канады. От СССР Акт подписал Л.Брежнев, от США — Дж.Форд. Заключительный акт провозглашал неприкосновенность границ в Европе, отказ от решения спорных вопросов при помощи силы, готовность стран-участниц соблюдать права человека, поддерживать между собою во всех областях отношения сотрудничества.

Прошло десять лет. С сожалением приходится констатировать, что за это время выполнялись лишь немногие положения Заключительного акта. Границы в Европе остались неизменными (хотя один из участников Совещания, СССР, до сих пор ведет грязную войну в другой части мира — в Афганистане). Споры не решались силой, если понимать под этим термином прямое вооруженное вмешательство, а не давление и скрытую угрозу применения силы (как это было в отношениях Советского Союза и Польши). Трудно, правда, сказать, в какой степени все это было результатом подписания соглашения, а в какой — следствием общей исторической ситуации.

Следует отметить и некоторые более частные достижения: западные наблюдатели были приглашены присутствовать на нескольких крупных советских маневрах; за одним исключением, СССР, как и было договорено, за три недели уведомлял Запад о маневрах с участием не менее 25 тыс. военнослужащих, несколько облегчены условия существования западных бизнесменов и журналистов в Москве и странах Восточной Европы. Вот, пожалуй, и все.

Невыполненных обязательств, налагаемых Заключительным актом, прямых нарушений его — гораздо больше. Едва ли можно сказать, что доверие между странами за истекшее десятилетие укрепилось. Нарращивание советского ракетного арсенала, заставившее Запад принять ответные меры; попытки СССР дестабилизировать западное общество, играя на его пацифистских устремлениях; бесцеремонное нарушение советскими подводными лодками и самолетами границ западных стран; интервенция в Афганистане; разгром независимого профсоюзного движения в Польше — все это мало укрепляло доверие к Советскому Союзу.

Но, разумеется, наиболее серьезное разочарование вызвал у мировой общественности демонстративный, вызывающий отказ Советского Союза и восточноевропейских стран соблюдать гуманитарные статьи Акта (так называемая "третья корзина"). Продолжались обширные аресты правозащитников, участников национальных движений, верующих — всех, кто духовно противопоставил себя официальной идеологии. Парадоксально, — а, впрочем, не такой уж это парадокс, — что один из самых сильных ударов обрушился на тех людей, которые заявили о своем желании содействовать соблюдению Советским Союзом положений Заключительного акта: на членов Хельсинкских групп. В СССР в разное время в Хельсинкские группы вошло около 100 человек. 51 из них был арестован, попал в тюрьму, психбольницу или ссылку. Трое (Ю.Литвин, А.Тихий, Э.Арутюнян) погибли, не вынеся условий заключения. Количество политзаключенных неуклонно растет. Гибнет в бессудной горьковской ссылке академик А.Сахаров.

В законодательство одно за другим вводятся новые акты, которые позволяют еще более расширить репрессии против "внутреннего врага": устроена статья Уголовного кодекса об "антисоветской агитации", преступлением объявлено несоблюдение лагерного режима, новые ограничения наложены на общение с иностранцами, под видом "борьбы с тунеядцами" расширено применение принудительного труда... Перечень этот можно продолжить.

Прекращена эмиграция из СССР. Свобода передвижения — даже в той жалкой форме, в какой она существовала раньше, — снова стала несбыточной мечтой многих. Прекратились и разговоры о воссоединении семей.

В области внутренней политики страна возвращается к самым мрачным временам. До сталинщины еще далеко, но направление движения, по крайней мере в области прав человека, — именно в эту сторону.

И все же — действительно ли совещание в Хельсинки не принесло ничего положительного в области прав человека? Сказать это было бы неправдой. Заключительный акт Хельсинкского совещания, широко опубликованный в газетах, был первым открытым документом, из которого все советские граждане могли узнать о том, что их правительство обязалось соблюдать права человека (Декларация и пакты ООН о правах человека простому гражданину СССР почти недоступны). Положения Акта дали толчок, вызвавший резкое пробуждение общественной активности. Они вызвали к жизни не только Хельсинкские группы, но и привели к общему оживлению движения за права человека, к притоку новых сил в это движение.

Можно уверенно сказать, что решения, принятые в Хельсинки содействовали изменению общественного климата в стране — не благодаря, а вопреки репрессивной власти.

Значительна роль Хельсинкской встречи в области прав человека и в международном плане. Верно, что требования западных держав к СССР о соблюдении прав человека редко были достаточно энергичными и подкреплялись делом. Верно, что добиться удалось немногого. Но верно и то, что благодаря Заключительному акту возникла международная трибуна, с которой можно на самом авторитетном уровне, находясь в центре внимания мировой прессы, открыто говорить о положении прав человека в СССР и социалистических странах. С течением времени трибуна эта используется все более эффективно — как это было, например, в Мадриде. Советский Союз был вынужден предстать перед судом общественного мнения и, как минимум, слушать.

Сейчас среди тех, кто не без основания разочарован скудными результатами Хельсинкского процесса, раздаются голоса, что Заключительный акт надо аннулировать. Это, как говорят, должно лишить СССР возможности получать односторонние выгоды. Общественное мнение более не будет введено в обман.

Вряд ли можно согласиться с этим. Ведь критикуется не само содержание соглашений, а невыполнение их. Следуя этой логике, надо добиваться аннулирования и Пактов о правах человека, объявить недействительной Всемирную декларацию прав человека. Можно начать движение и против десяти заповедей, которые мир не соблюдает уже тысячелетиями.

Заключительный акт — единственное серьезное международное соглашение, по которому Советский Союз обязался соблюдать права человека. Отменить его — значит лишить себя важнейшего орудия, позволяющего оказывать давление на Советский Союз, чтобы заставить его выполнить свои обязательства. То обстоятельство, что в Заключительном акте гуманитарные вопросы увязаны с вопросами политическими и экономическими, позволяет сделать так, чтобы гуманитарные требования к СССР не были голословными.

Удастся ли использовать эти возможности — вопрос другой, но, во всяком случае, в этом направлении можно и нужно работать, даже если до сих пор не было предпринято достаточно энергичных усилий. Отказавшись же от Хельсинкских соглашений, можно потерять и эту возможность. Неумелое использование инструмента никогда еще не было разумным основанием для того, чтобы выбросить сам инструмент.

МЫ, НАСЛЕДНИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО ДУХА, ДОЛЖНЫ СОХРАНИТЬ ЕГО ЖИВЫМ

Политические ценности Нового времени, которые лежат в основе нашей цивилизации, были рождены в Европе. Вера в человеческий прогресс, в интеллектуальную свободу, религиозная терпимость, приоритет прав личности перед государством, вера в мирный международный порядок — это наследие, которое было передано нам европейской мыслью и культурой со времен Просвещения. Временами угнетение, нетерпимость и войны едва не гасили пламя человеческого духа. Но все же эти ценности всегда выживали, и это давало человечеству вдохновение и надежду на то, что мы можем достигнуть высот знания, перейти на более высокий уровень человеческого существования, жить в мире с соседями, верить в прогресс и в свободу для нас самих и для всего мира.

Сегодня Европа — трагически разделенный континент. Но идеалы европейской цивилизации не исчезли. Они еще живут в каждой нации, в каждом городе и деревне, на каждой улице, в каждом доме, на Востоке и Западе. Они связывают Европу в единое целое. Барьеры, стены, колючая проволока и оружие не могут отделить европейцев друг от друга или от их наследия. Духовная мощь европейской цивилизации не может быть сломлена тем, что искусственно создают правительства.

Не будем забывать, что Европа бывала разделена и прежде, хоть и не столь глубоко, как сейчас. Самые разные политические системы существовали на этом континенте бок о бок в течение столетий. Империи, конституционные монархии и диктаторские режимы соседствовали с республиками и демократиями. Религиозные войны столетиями были причиной гибели бесчисленного количества невинных. Только в нашем веке народы Европы перенесли две мировые войны, опустошившие их континент. Лишь героические усилия западных демократий и Советского Союза спасли Европу от гитлеровской тирании. И все же Европа выжила даже в это тревожное время.

Продолжала расти и процветать и современная идея свободы, зародившаяся в XVIII в. Она пережила все исторические конфликты и разделения Европы, потому что даже в самые темные времена люди никогда не переставали желать свободно говорить, думать и свободно передвигаться по всему континенту. Вера в права человека имеет глубокие корни в европейской философии и истории.

Нам всем теперь очень нелегко мириться с грубым и искусственным разделением европейского континента, и мы ищем путь положить этому разделению конец. Ничто в человеческой истории не является необратимым.

Может быть, никто из нас, людей старшего поколения, не вправе с уверенностью сказать, что стены и колючая проволока чудесным образом исчезнут уже при нашей жизни, но, конечно, разделение должно быть преодолено хотя бы в течение жизни тех, кто живет сейчас.

Существуют факторы, которые и сейчас позволяют надеяться, что идея свободы в Европе сможет продолжать развиваться даже во мраке за стенами, что мир воцарится на континенте, несмотря на постоянную конфронтацию Востока и Запада. Сегодня со-

---

Речь государственного секретаря США Джорджа Шульца в Хельсинки на юбилейной встрече, посвященной десятилетию Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

перничающие силы и политические ценности в Европе противопоставлены друг другу. Их различия могут в конечном счете оказаться непримиримыми. Мы надеемся, что этого не произойдет. Но напряженность будет существовать, пока будут продолжаться нарушения самых основных прав человека. Однако нельзя ли уменьшить угрозу вооруженного конфликта? Нельзя ли достигнуть большей меры свободы для всех европейцев, для всех людей? Мы, наследники европейского духа, должны сохранить его для будущих поколений живым на всем материке.

Таковы надежды, которые вдохновили Хельсинкское совещание десять лет назад. Государственные деятели в Хельсинки поняли, что в Европе мир и свобода тесно связаны. Они поняли, что наш долг перед нами самими и перед нашими детьми — сохранить живой великую европейскую традицию даже в эти трудные времена.

Сегодня мы отмечаем десятую годовщину Хельсинкского Заключительного акта. Если можно вывести какой-то урок из истории первых десяти лет существования Заключительного акта, так это то, что интересы отдельных людей есть неотъемлемая часть безопасности и стабильности в Европе. Большая безопасность и более устойчивый мир между нациями требуют большей свободы для народов Европы. Заключительный акт был выражением гуманистической европейской традиции. Он утвердил самые важные права человека и основные свободы. Он призвал к более свободному обмену информацией, идеями и людьми. Он создал возможность большего сотрудничества между государствами и народами. Он еще раз утвердил основные принципы отношений между государствами. Самой своей структурой и направленностью он продемонстрировал, что безопасность, экономические связи, права человека и контакты между людьми в равной мере важны и тесно связаны друг с другом. Мир в Европе зависит от всей совокупности наших отношений.

Подписывая заключительный акт десять лет назад, мы, как правительства, признали, что если мы хотим достигнуть большей безопасности и более стабильного мира, мы должны заняться вещами, которыми обычно правительства не занимаются. Мы признали, что безопасность обеспечивается не только стенами и оружием: необходимо искать пути уменьшения подозрительности, устранения препятствий, установления большего доверия и увеличения контактов между народами Европы. И мы признали, что для этого нужны не только действия правительства, но и вера, добрая воля и усилия самих народов.

И действительно, Хельсинкский Заключительный акт привлек внимание и вызвал энтузиазм наших народов потому, что он воззвал ко всему, что объединяло европейскую цивилизацию в течение столетий, и потому, что он открыл дверь в лучшее будущее. Заключительный акт показал, как можно заделать трещины, как разрушить по крайней мере некоторые из стен, которые были возведены после 1945 г. Он предложил точное и исчерпывающее определение нашей общей безопасности. Это дало гражданам стран-участниц надежду, что они смогут в полной мере внести свой вклад в дело построения лучшего, более безопасного мира. Но более всего Заключительный акт делал упор на уважение прав личности.

Заключительный акт провозгласил, что мы можем уменьшить разделения в Европе, что мы можем ослабить страдания, ими вызванные, что мы можем надеяться когда-нибудь увидеть нерасчлененный мирный континент, если мы будем достаточно мудры, достаточно практичны, достаточно преданы своему делу.

Мы все знали, что наши надежды нелегко будет претворить в реальность. Мы знали, что наши ожидания следует реалистически умерить, что прогресс может оказаться медленным. И мы знали, что, как сказал президент Форд, "история будет судить эту конференцию не по тому, что мы сейчас здесь говорим, но по тому, чего мы добьемся завтра, не по обещаниям, которые мы даем, а по тому, как мы их будем выполнять". Мы знали, наконец, что цели и принципы, выдвинутые нами здесь, достойны того, чтобы за них бороться.

Дух Заключительного акта состоит в том, что он — не только выражение целей и принципов; Заключительный акт — это также программа практических шагов для превращения наших надежд в реальность. Он установил образец, к которому должно стремиться и с которым должно соизмерять наше поведение. Возможно, мы не скоро увидим день, когда все нации будут соответствовать этому образцу, но самые усилия в этом направлении могут привести к более безопасному миру, большей индивидуальной свободе и, таким образом, к большей реализации огромного европейского потенциала.

Можно ли, окинув взглядом прошедшие десять лет, обнаружить пусть ограниченный, но прогресс? Я думаю, что ответ должен быть положительным, хотя разделение Европы сохраняется. Давайте посмотрим на эти прошедшие десять лет и, как к тому обязывает нас мудрость Заключительного акта, попробуем оценить достигнутый прогресс в конкретных, практических понятиях. Благочестивые декларации недорого стоят. Оценить прогресс можно лишь по тому, какое влияние он оказал на жизнь людей.

Заключительный акт имел некоторые практические результаты.

Сегодня журналисты более свободно путешествуют между странами. Значительное число граждан некоторых восточноевропейских стран воссоединилось со своими семьями на Западе. Напомнив миру, на что можно надеяться и что казалось возможным в момент подписания Заключительного акта, конференции в Белграде и Мадриде вдохнули в эти надежды и возможности новую жизнь. Наши недавние встречи в Оттаве, равно как и проходящие сейчас переговоры в Стокгольме, также поддерживают наши упования.

Эти достижения нельзя считать незначительными. Они указали направление, в котором нужно идти, если мы намерены поставить наши отношения на лучшую и более устойчивую основу в будущем, если мы хотим сделать свободу возможной для всех европейцев.

И тем не менее десять лет спустя после подписания Заключительного акта никто не может отрицать разрыв между надеждами и их осуществлением. Хотя Заключительный акт, устанавливающий образец поведения государств, сохраняет свою исключительную ценность, наиболее важные обещания, сделанные десять лет назад, не были выполнены.

Давайте рассмотрим конкретные факты.

В Заключительном акте мы провозгласили намерение положительно и в духе гуманности рассматривать просьбы граждан о воссоединении семей. Однако за последние пять лет количество советских граждан еврейской национальности, получивших разрешение эмигрировать, главным образом для воссоединения семей, сократилось с 51000 до 896 в год. Та же печальная тенденция имеет место и в отношении советских граждан немецкого и армянского происхождения.

Имеется более двадцати случаев американско-советских браков, когда советскому супругу было неоднократно отказано в выезде, вопреки тому, что устанавливает Хельсинкский Заключительный акт. Юрий Баловленков, который женился на американской гражданке в 1978 г., проводил с 25 мая по 4 июля голодовку, протестуя против шести лет постоянного отказа в выезде к жене. Он так и не видел одну из своих двух дочерей. Здоровье его сильно подорвано.

Заключительный акт подтверждает право гражданина знать о содержании этого документа и действовать в соответствии с его положениями. Однако созданная в Москве группа, которая поставила своей целью наблюдать за выполнением Советским Союзом Заключительного акта, в сентябре 1982 г. самораспустилась, опасаясь дальнейших преследований. Это была группа энтузиастов, гордая решением их правительства подписать Хельсинкский Заключительный акт. Сегодня Юрий Орлов, основатель группы, томится в далекой сибирской ссылке, отбыв уже семь лет лагерей. Член-основатель группы Анатолий Щаранский, арестованный по ложному обвинению в 1977 г., отбыл наказание в печально известной Чистопольской тюрьме и ныне проводит остаток своего 13-летнего

срока в одном из самых суровых советских лагерей. Находящийся в заключении член группы Анатолий Марченко, который сейчас отбывает назначенные ему по приговору 12 лет (в том числе 7 лет лагерей), уже более года лишен права переписки со своей семьей. Здоровье члена группы Ивана Ковалева резко ухудшилось после его перевода в лагерь. Его жена и товарищ по группе Татьяна Осипова только что получила в лагере новый двухлетний срок, в дополнение к пяти годам, полученным ею по первому приговору.

Основатель пацифистской группы в Москве Сергей Батоврин после многочисленных угроз был помещен в психиатрическую больницу. Из-за того, что он упорствовал в своей борьбе за мир, как это делают многие тысячи молодых людей в других странах, он был, наконец, вообще вышвырнут из своей страны. Такой же была судьба других активистов движения за мир, равно как и тех, кто боролся за права женщин и за организацию свободных профсоюзов. Инициаторы создания социал-демократической партии в Москве были заключены в тюрьму в январе этого года.

Четырнадцатого июня Богдан Лис, Адам Михник и Владислав Фрасынюк приговорены в Гданьске к срокам заключения от двух с половиной до трех с половиной лет по обвинениям, которые не имеют ничего общего с их настоящим "преступлением", — за то, что они возглавили борьбу за свободные профсоюзы, хотя право на это было еще раз подтверждено в заключительном документе мадридской встречи. В Советском Союзе попытка Владимира Клебанова основать свободный профсоюз привела его на четыре года в психиатрическую больницу.

Злоупотребления психиатрией происходили не только по отношению к профсоюзным активистам и пацифистам. На Украине баптист Владимир Хайло находится в психиатрической больнице с 1980 г. за свои религиозные убеждения и попытку эмигрировать с женой и 15 детьми. Он отверг предложение свободы в обмен на отказ от веры.

Каждый, кто ведет активную религиозную жизнь в соответствии со своим вероисповеданием, будь он христианин, еврей или мусульманин, рискует подвергнуться преследованиям, быть заключенным в тюрьму или посаженным в сумасшедший дом. Баптисты, украинские и литовские католики, русские православные, адвентисты седьмого дня и пятидесятники — все они вновь и вновь подвергаются репрессиям. Дина Швецова, Василь Кобрин, отец Альфонсас Сваринскас, отец Глеб Якунин, пастор Николай Горетой, пастор Виктор Вальтер — лишь немногие из христиан, отбывающих сейчас в Советском Союзе сроки до 12 лет лагеря и ссылки, и притом исключительно за свою веру. Маленькая община пятидесятников из деревни Чугуевка на советском Дальнем Востоке жестоко пострадала за последние семь месяцев. Десять руководителей общины были приговорены к лагерным срокам до пяти лет, остальные были уволены с работы. Шести семьям угрожали тем, что у них отнимут детей.

По крайней мере 16 еврейских активистов, включая десять учителей еврейского языка, были арестованы в Советском Союзе после июля 1984 г., и многие были осуждены по явно сфабрикованным уголовным обвинениям на три или четыре года заключения. Иосиф Беренштейн, ныне отбывающий четырехлетний срок, был зверски избит в тюрьме; ему были нанесены ножевые раны, у него наступило резкое ухудшение зрения. Юрий Эдельштейн, который отбывает трехлетний срок, несколько раз подвергался избиениям в лагере в Сибири, что составляло, по словам лагерной администрации, часть мер "по искоренению религиозного фанатизма".

Абузакар Рахимов, мусульманин из Ташкента, в 1982 г. был приговорен к семи годам лагерей строгого режима за распространение материалов по исламской религии, включая переводы из Корана.

В прошлом году в Чехословакии шесть священников и монахинь были арестованы за "препятствование государственному надзору за церквями и религиозными орденами".

Наконец, человек, который более чем кто-либо иной олицетворяет собой идеалы, заложенные в Заключительном акте, — Андрей Сахаров — остается полностью изолированным от внешнего мира в ссылке, по-видимому, все еще в Горьком. Сейчас, когда я это говорю, он, может быть, находится в больнице после своей последней голодовки, с помощью которой он пытался добиться необходимой медицинской помощи для своей любимой жены. У нас есть основания полагать, что его подвергали принудительному кормлению, чтобы заставить прекратить голодовку.

Мы не можем говорить о Хельсинкском процессе, не говоря о живых людях, ибо именно они должны были более всего выиграть от Хельсинкского Заключительного акта. В свою очередь судьба отдельных людей влияет на действия тысяч, может быть, миллионов, ибо показывает, что случается с теми, кто осмеливается осуществлять свои права и свободы.

Моя страна и большинство представленных здесь стран по-прежнему стремятся к тому, чтобы программа Заключительного акта во всех ее частях была воплощена в жизнь. Мы знаем, что для этого нужны терпение и упорный труд. Мы полагаем, что самая надежная проверка политических намерений — это конкретные шаги по улучшению сотрудничества между государствами, углублению контактов между людьми, укреплению уважения к правам личности. Положения Заключительного акта неразделимы. Необходим прогресс во всех областях. В следующем году на совещании в Вене мы получим возможность дать дальнейшую оценку достигнутому прогрессу.

Мы убеждены, что будущее необязательно должно быть таким же мрачным, как недавнее прошлое. Вступая во второе десятилетие Хельсинкского процесса, мы должны вспомнить все намеченные нами благодетельные меры и соотнести наши действия с теми образцами, которые мы установили.

На Стокгольмской конференции есть возможность найти конкретные пути повышения доверия и безопасности в военной области. Ряд конкретных мер, предложенных западными странами в Стокгольме, касается некоторых возможных причин войны — ошибки в расчете и возможных недоразумений. Предложенные меры будут содействовать тому, чтобы накопленное оружие никогда не было пущено в ход. Они создадут большую открытость в военной области, облегчат обмен информацией, что в свою очередь увеличит взаимопонимание и уменьшит риск неожиданного нападения. Как заявил президент Рейган около года тому назад в Дублине и недавно подтвердил в Страсбурге, мы готовы обсуждать принцип неприменения силы, традиционный для Соединенных Штатов, — если это побудит Советский Союз вести переговоры о соглашениях, которые наполнили бы этот принцип конкретным содержанием. Должно быть найдено решение, которое увеличит нашу безопасность, укрепит мир в Европе и тем самым поможет созданию лучшей жизни для наших народов. Мы готовы идти на Стокгольмской конференции вперед во всех областях.

Мы можем внести вклад в нашу общую безопасность, в более стабильный мир и в будущую жизнеспособность европейской цивилизации, предприняв шаги, прямо затрагивающие судьбы людей. Свобода личности определять свою собственную судьбу — не только прекрасная конечная цель, это также хорошее начало для дальнейших действий. Постепенное улучшение ситуации жизненно важно, но не менее важны и конкретные шаги: расширение свободы эмиграции, разрешение супругам и лицам с двойным гражданством воссоединяться со своими близкими, освобождение активистов правозащитного движения и религиозных деятелей.

Каждый из нас обязан двигаться вперед везде, где он может. Одна из особо неотложных задач — остановить распространение химического оружия. Слишком много раз в недавние годы это оружие жестоко использовалось не только против военных сил, но и против ни в чем не повинного гражданского населения. Распространение и применение

этого оружия является мрачным предупреждением о том, что давно наложенные ограничения перестают работать. Мы должны искать способы остановить использование такого оружия сейчас, предотвратить дальнейшее его распространение. Мы должны умножить наши усилия на женеvских переговорах и заключить договор, который допускал бы проверку и действительно запретил бы это оружие навеки.

У Соединенных Штатов и Советского Союза есть реальная возможность, путем переговоров о контроле над вооружениями, ныне происходящих в Женеве, помочь построить более надежный мир. А в ноябре наши руководители встретятся для обсуждения всего круга проблем, с которыми мы сталкиваемся. Мы готовы всемерно использовать эту возможность. Пусть наши страны начнут терпеливую, серьезную работу по разрешению проблем и достижению соглашений, выгодных как обеим сторонам, так и другим странам.

Шаги к сокращению вооружений и углублению безопасности, шаги к расширению экономического и других видов обмена, меры облегчения страданий и улучшения жизни людей — все это взаимосвязано, одно способствует другому. Они — часть одной и той же широкой программы безопасности и сотрудничества, заложенной в Хельсинкском Заключительном акте. Они могут повести нас к новой эре отношений в Европе — эре, которая снова оживит Хельсинкские надежды в их более общем смысле, как надежды, которые внушает нам европейская история.

Шаги эти не столь уж трудны. Но они важны, ибо смысл их более обширен. От нас требуется только мужество и политическая воля. ●

Члены Хельсинкской группы в СССР отмечают десятилетие Заключительного акта
(Из газеты "International Herald Tribune")

АГЕНТ В ПОЛИТБЮРО

К истории советской политики в 1932–1933 гг.

Работая над историческими изысканиями в Политическом архиве МИД ФРГ в Бонне, я натолкнулся на несколько папок с материалами по истории СССР. Эти документы в свое время поступили в МИД по каналам немецкой разведки, особенно разведки военной. К их числу относились также и документы высших органов СССР — Политбюро, правительства, Президиума ЦИК. Широко была представлена служебная корреспонденция советских политиков и дипломатов. В числе этих материалов находилась и папка, числившаяся в архиве под названием "Информации Стойко".

"Информации Стойко" являются сокращенным изложением заседаний и документов Политбюро за период с февраля 1932 г. по февраль 1933 г. "Информации" поступали из Москвы в Берлин через Вену. Судя по пометкам в тексте, они, как правило, попадали в разведывательные каналы уже через день после соответствующего заседания Политбюро. Объем отдельных информационных не превышает 2–3 страниц машинописного текста. Каждая информация переводилась на немецкий язык. Переводчик выполнял одновременно функции редактора и комментатора.

Поражает частота и систематичность информационных. В течение одного года их набралось около 120. Судя по тому, что первая из сохранившихся информационных имеет номер 174, можно думать, что информации начали поступать уже в 1931 г., а не исключено, что и раньше. Последняя находящаяся в папке информация имеет номер 291.

Кто же был информатором, кто скрывается под псевдонимом "Стойко"? Многое указывает на то, что им был кто-то из работников личной канцелярии Сталина; по-видимому, только работник этой канцелярии мог иметь доступ к самым свежим и очевидно еще не разосланным записям и протоколам Политбюро.

Способ поступления информационных, как и обстоятельство хранения в архиве, делают маловероятной возможность подделки. Сравнение с известными фактами советской и мировой истории не выявляет в информационных каких-либо очевидных противоречий. Нельзя, конечно, полностью исключить, что они были сфабрикованы в ОГПУ для дезинформации иностранных разведок, но смысл такой дезинформации, если она имела место, совершенно неясен.

Советский Союз в 1932 г.

Для того, чтобы понять значение "Информаций Стойко", необходимо напомнить, что происходило в критическом 1932 г., последнем году первой пятилетки, какое место занимал тогда Советский Союз на мировой арене.

Внешне 1932 г. казался годом успешным; в действительности, однако, дела обстояли не столь хорошо. Резко ухудшилось международное положение СССР. В сентябре 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, в результате чего было затем создано марионеточное государство Маньчжоу-Го. В первые недели 1932 г. японские власти без ведома и согласия советской администрации КВЖД начали переброску своих войск по этой дороге. Японские войска сосредоточивались вдоль советской границы. Японцы не

только стремились вытеснить СССР из Маньчжурии, но и предъявили Советскому Союзу ряд требований, в том числе и территориальных. Начали циркулировать слухи о скорой советско-японской войне. Напряжение несколько спало только к осени.

Правительство СССР, не чувствуя себя достаточно сильным для войны, с одной стороны, прилагало усилия, чтобы путем уступок разрядить обстановку, а с другой, пыталось изолировать Японию внешнеполитически, создать себе прочный европейский тыл. Надежды советской стороны были частично связаны с обострением конфликта Японии с Англией и США, вызванного японскими захватами в Китае.

В Европе, однако, положение СССР было далеко не простым. С начала 30-х годов наметилось охлаждение советско-германских отношений. Большую роль здесь играла растущая неустойчивость германской правительственной политики, вызывавшаяся кризисом политической системы Германии и усилением правых партий и группировок. Советская дипломатия пыталась выправить положение, улучшив взаимоотношения с Францией, добиться заключения советско-французского договора о ненападении. Франция же, стремясь обеспечить положение своих основных союзников на востоке Европы, настаивала на предварительном заключении договоров СССР с Польшей и Румынией. Переговоры с Румынией были исключительно тяжелыми: им мешал нерешенный вопрос о Бессарабии. Обстановка разрядилась только во второй половине 1932 г., когда во Франции пришел к власти кабинет Э.Эррио, взявший по отношению к СССР более благоприятный курс. Советско-французский договор был подписан осенью 1932 г., а еще до этого был заключен договор между СССР и Польшей.

Все это приводило к неустойчивости в ориентации советской внешней политики. Долгое время Советскому Союзу не удавалось наладить стабильные отношения ни с одной из тогдашних основных группировок держав. Советский Союз чувствовал себя изолированным.

Неустойчивость внешнеполитического курса СССР имела, однако, еще одну причину: трудное внутреннее положение в стране. Политика форсированной индустриализации, осуществлявшаяся сталинским руководством, внешне казалась очень успешной: в строй вступали крупные промышленные предприятия, увеличивался промышленный потенциал. В действительности же положение складывалось далеко не лучшим образом. Рост промышленности сопровождался возникновением острых диспропорций. Сильно сказывался недостаток товаров широкого потребления, тяжело отражавшийся на уровне жизни широких слоев населения. Критической была ситуация в сельском хозяйстве. Насильственная коллективизация привела к сильному падению урожайности, к массовому убою скота и домашних животных вообще. Традиционный строй крестьянской жизни был разрушен. К тому же власти, стремившиеся обеспечить снабжение городов, выметали в деревне запасы подчистую. Ряд крупных областей уже в 1931 г. стоял на пороге голода (Средняя и Нижняя Волга, Южный Урал, Западная Сибирь и Казахстан). Голод разразился осенью 1932 г.

Все это не могло не сказаться на настроениях в стране. Деревня сопротивлялась действиям властей, обрекавших ее на голод. Непокойно было в городах. В партии росла оппозиция Сталину, возник ряд антисталинских групп. Наиболее крупным "делом" этого периода было дело группы М.Рютина, А.Слепкова и др., в связи с которым из партии были также исключены Г.Зиновьев, Л.Каменев, Н.Угланов, репрессированы И.Смирнов, И.Смилга и др. Группа выступила с платформой, предусматривавшей, с одной стороны, "экономическое отступление" — отказ от сталинских методов форсированной индустриализации и коллективизации, с другой, внутрипартийное примирение, восстановление в партии всех исключенных оппозиционеров, вплоть до Троцкого. Серьезным было и "дело" группы Г.Толмачева, В.Эйсмонта и А.Смирнова, которое было использовано для удара против А.Рыкова, М.Томского и В.Шмидта.

Что нового мы узнаем из "Информаций Стойко"?

Прежде всего, они показывают, что в этот период положение Сталина несколько пошатнулось. Сталин с весны и до осени 1932 г., часто отсутствовал на заседаниях Политбюро, работой его руководили Молотов и Каганович. "Стойко" объясняет это болезнью Сталина. Но сталинская болезнь, даже если она не была дипломатической, не могла остаться без последствий: она, вне сомнения, способствовала более четкому выражению мнений, вызреванию противоречий и оформлению группировок.

Первый серьезный конфликт в Политбюро, если верить "Информациям Стойко", возник весной 1932 г. Он был связан с тем, что командование РККА — Ворошилов, а за его спиной Блюхер и Тухачевский — выступили с резкой критикой в адрес Политбюро. Поводом для нее послужила примирительная политика Политбюро в отношении Японии. Конфликт разрешился в результате вмешательства Сталина. Эта переданная "Стойко" история, которую мы подробно изложим дальше, интересна уже потому, что она, возможно, дает ключ к объяснению ряда последующих событий, в частности, сталинской расправы с военными в 1937 г.

Еще более интересен второй эпизод, описанный в "Информациях Стойко", — попытка пересмотреть в июне-июле 1932 г. общий курс политики ВКП (б), осуществить частичный возврат к НЭПу. Эта тенденция была намечена еще в феврале 1932 г. в выступлении Сталина на Политбюро. Летом 1932 г., в связи с кризисным положением в экономике, развернулась прямая критика проводившейся до того времени политики. На заседании Политбюро 6 июня 1932 г. был, по сообщению "Стойко", приглашен Н.И.Бухарин, выступивший с трехчасовым критическим докладом. На последующих заседаниях Политбюро с докладами о пересмотре партийной политики выступали В.Молотов, С.Киров, Наркомзем СССР Я.Яковлев. Этот эпизод, насколько можно судить по "Информациям Стойко", закончился осенью: от нового политического курса отказались. Он интересен потому, что показывает, насколько глубоким был внутривнутрипартийный конфликт.

С внутривнутрипартийными конфликтами связан и третий эпизод, о котором сообщил "Стойко". Это выступление Сталина на Политбюро 5 октября 1932 г. в защиту курса проводившейся им в 1932 г. политики. "Стойко" ставит это выступление в прямую связь с "делом" Рютина—Слепкова, в особенности же с исключением из партии Зиновьева, Каменева, Угланова.

"Информации" содержат много и других интересных данных. Так мы узнаем, что доклады по вопросам внешней политики в Политбюро в течение всего 1932 г. делал в основном Н.Крестинский, и частично, поскольку речь шла о дальневосточных делах, — Л.Карахан. М.Литвинов на заседаниях Политбюро отсутствовал. Это было, правда, вызвано тем, что Литвинов большую часть своего времени проводил в Женеве на проходившей там конференции по разоружению. Продолжительное отсутствие Наркома иностранных дел в центре власти — в Москве нельзя, тем не менее, считать вполне нормальным. Приходится поэтому прислушиваться к сообщениям "Стойко" о том, что Литвинова предполагалось заменить на его посту Крестинским. Такая замена, если она действительно намечалась, несомненно находилась в связи с попытками сохранить прогерманскую ориентацию советской политики.

"Нам придется пойти по пути послаблений..."

"Информации Стойко" так, как они сохранились в Архиве МИД ФРГ, открываются программной речью Сталина на заседании Политбюро 15 февраля 1932 г. (Инф. 175 от 25 февраля 1932г.). Эта речь, которая, по мнению "Стойко", должна была разрядить

обстановку в руководящих партийных кругах, ожидавших поворота в политике, была произнесена всего лишь через пять дней после закрытия XVII партийной конференции. По оценке "Стойко", речь не внесла ничего принципиально нового. Ее значение заключалось в том, что это была речь "самого хозяина, открыто говорившего о том, о чем другие предпочитали помалкивать".

Основная часть сталинской речи была посвящена внешней политике. Положение рисовалось Сталину исключительно серьезным: "Еще никогда мы не оказывались так загнанными в угол, как теперь. На Востоке на нас упорно давит Япония, которая не только задумала отнять у нас КВЖД и потеснить нас в Маньчжурии и Монголии, но хочет также заполучить дальневосточные районы СССР..." (согласно более позднему заявлению Л.Карахана на заседании Политбюро — Инф. 188 от 2 апреля 1932 — японские требования сводились к следующему: передача Японии Северного Сахалина, исключительные права Японии на эксплуатацию ископаемых и лесных богатств в Амурской области, неограниченные права на рыбную ловлю у восточного побережья СССР, превращение Владивостока в свободный порт.) Сталин продолжал: "На Западе по указке из Парижа заглохли все переговоры о пактах о ненападении, а "немецкий козырь" давно уже выбит у нас из рук..." Сталин заявил, что необходимо "добиваться соглашения с японцами, а если это не удастся, взять курс на любое соглашение с Америкой и Англией". Заигрывание с Францией, по мнению Сталина, не означает, что Советский Союз взял курс на разрыв с Германией. Германия может еще "оказаться для нас очень полезной".

Советское руководство должно было, по Сталину, "стремиться к соглашению с одной из империалистических группировок и в качестве вклада в это дело предложить приостановку деятельности Коминтерна... Если Япония и Франция это примут, то хорошо, если нет, то у нас остаются Америка и частично Англия... Если тем не менее империалисты стоворятся за наш счет, то мы приложим все свои усилия к делу мировой революции. Тогда речь пойдет о том — либо пан, либо пропал... Пока же нашей целью является добиться компромисса..."

Основное направление внешнеполитической ориентации, предлагавшейся Сталиным, было, таким образом, вполне очевидным. Ему вполне соответствовало также и стремление не обострять внутренних конфликтов, которые при сложившейся хозяйственной обстановке и в связи с ухудшением положения в деревне могли быть чреватые серьезными последствиями.

"Нам придется пойти по пути дальнейших послаблений также во внутренней политике, создавая определенный простор для свободного развития хозяйственной инициативы и индивидуального накопления... Как это ни погано, — утверждал Сталин, — но известного возврата к НЭПу не избежать... Меры в этом направлении уже разрабатываются..." И далее: "Что касается единства Коммунистической партии, то здесь не может быть никаких послаблений... Любую оппозицию против генеральной линии нужно пресекать в зародыше... Нам предстоит новая, как я надеюсь, последняя чистка партаппарата..."

Речь Сталина была встречена аплодисментами. Прения, если они имели место, в "Информациях Стойко" не отражены.

"Странные штучки ГПУ"

В последующие недели и месяцы внимание Политбюро, если судить по "Информациям Стойко", было сосредоточено на внешнеполитических вопросах. На передний план выступил конфликт с Японией. Советское руководство серьезно считалось с возможностью скорой войны. Оно, с одной стороны, пыталось путем больших уступок — вплоть до передачи японцам КВЖД и предоставления им свободы действий в Маньчжурии и Монголии — добиться разрядки напряженности, подписания с Японией договора о нена-

падении (Инф. от 19 марта 1932 г.), с другой — предпринимало необходимые военные меры, сосредоточивая войска на дальневосточной границе (в частности, началась скрытая мобилизация в соответствии с планом "Е", который в "Информациях Стойко" только назван и никак не характеризуется).

В Политбюро обсуждался вопрос о возможности создания единого международного фронта, направленного против Японии. В Европе Советский Союз пытался усилить давление на Польшу и Румынию, чтобы заставить их подписать договоры с СССР и, тем самым, сдвинуть с места заключение договора с Францией. С другой стороны, он стремился вновь улучшить свои отношения с Германией.

С внешнеполитическими событиями первой половины 1932 г. связаны два эпизода в деятельности Политбюро, заслуживающие особого внимания.

5 марта 1932 г. в Москве произошло покушение на советника германского посольства Ф. фон Твардовского. В германском посольстве, как и в НКВД СССР, не было, очевидно, сомнений в том, что выстрелы в действительности предназначались послу Г. фон Дирксену, которого лишь случайно не оказалось в машине. Покушавшимися, которые были задержаны, были советские граждане И.М.Штерн и С.С.Васильев. ОГПУ пустило в ход версию о том, что они действовали по наущению Польши. Такая версия казалась для СССР крайне выгодной: с ее помощью можно было попытаться вбить клин во взаимоотношения Польши с Германией, оказать дополнительное влияние на Польшу и в то же время продемонстрировать стремление улучшить советско-германские связи.

Вопрос обсуждался на заседании Политбюро (Инф.188 от 2 апреля 1932 г.). Сталин отсутствовал. О покушении докладывал член коллегии ОГПУ С.А.Мессинг. После него взял слово Н.Н.Крестинский, заявивший, что "вся история с "покушением" кажется ему очень странной, чтобы не сказать подозрительной..." Крестинский выразил свое удивление по поводу того, что "коллегия ОГПУ не считает необходимым раскрыть свои карты перед Политбюро". Было бы, конечно, очень выгодно, продолжал Крестинский, если бы оказалось, что польские агенты покушались на дружественного СССР немецкого дипломата, но будет крайне неприятно, если всплывет наружу, что коллегия ОГПУ готовит грандиозный показательный процесс и "с лучшими умыслами не останавливается перед тем,¹ чтобы, деликатно выражаясь, инсценировать соответствующее покушение... Я лично, вы уж должны извинить меня, товарищ Мессинг, не доверяю этой версии и очень рекомендую тем товарищам из ОГПУ, которым поручено следствие, тщательно проверить улики против Штерна: быть может, им при этом удастся найти что-нибудь, что будет более способно убедить германское правительство в непричастности советских официальных органов к этому злодеянию, чем неправдоподобная и таинственная история с польско-французскими агентами". Крестинский выражал надежду, что во время процесса не выяснится, что покушавшиеся Штерн и Васильев были "сексотами ОГПУ".

Выступление Крестинского не могло не вызвать ответа. "Против безответственных инсинуаций, дискредитирующих тяжелую и неблагодарную работу товарищей из ОГПУ", протестовал Г.К.Орджоникидзе. Мессинг демонстративно спрашивал Крестинского, считает ли тот Польшу способной на такую провокацию. Ответ Крестинского был характерным: "Да, но в более искусном исполнении. Пока я не могу избавиться от впечатления, что все происходящее есть не что иное, как странные штучки ОГПУ".

В "Информациях Стойко" нет сведений о том, обсуждался ли этот вопрос в дальнейшем на Политбюро. Дело о покушении на Твардовского слушала Военная коллегия Верховного суда СССР 4–6 апреля 1932 г. Версия о причастности к покушению Польши

¹ Все выделенное жирным шрифтом соответствует подчеркнутому в тексте документов. Подчеркнутое автором статьи оговаривается особо.

была сохранена. Следствие и обвинение, однако, старались придать ей правдоподобный вид, а потому отказались от сложных недоказуемых политических конструкций. Немецкий дипломат, следивший за процессом, отметил, что Штерн производил на него безобидное впечатление; относительно другого обвиняемого, Васильева, который впечатление "безобидного человека" не производил, немецким дипломатам (как, очевидно, и разведке) ничего существенного узнать не удалось. На процессе присутствовал Крестинский...

"Ты, товарищ Клим, полный дурак и болван..."

С осложнением международной обстановки был связан и второй эпизод работы Политбюро в этот период: уже упоминавшийся конфликт между политическим и военным руководством. Впервые он вышел наружу, по-видимому, на заседании Политбюро 17 февраля 1932 г. (Инф.176 от 26 февраля 1932). Сталину тогда показалось, что японцы заходят в своих требованиях к СССР слишком далеко. Он бросил фразу, что терпению военных подходит конец. К Сталину присоединился Ворошилов, который в свою очередь заявил, что у армии есть свои понятия о чести и что партийное руководство не должно упускать этого из виду. РККА требует решительной защиты советских интересов на Дальнем Востоке. Это было скрытой атакой на политику уступок и компромиссов, одобренную Политбюро.

Недовольство верхушки РККА этим выступлением, конечно, не было исчерпано. Оно продолжало нарастать. Положение усложнилось, когда Сталин (по болезни?) перестал участвовать в заседаниях Политбюро. На заседании 9 апреля 1932 г., на котором обсуждался вопрос о президентских выборах в Германии, взял слово Ворошилов. Он атаковал своих коллег по Политбюро: "Исход тех или иных выборов в странах Западной Европы кажется мне вопросом третьестепенным; ни в одной из них коммунисты не придут к власти демократическим путем. Совещаться о том, сколько голосов получит товарищ Тельман — занятие пустое и с практической точки зрения бесполезное. Меня лично, Реввоенсовет и высшее командование РККА, поскольку речь идет о Германии, интересует лишь вопрос о том, будет ли продлен договор о нейтралитете. Меня интересует также то, какие меры думает предпринять советское правительство, чтобы обеспечить систематическое и полное использование немецких военных и техников для повышения боеспособности Красной Армии, каковы возможности участия немецкой промышленности в снабжении и снаряжении советских Вооруженных Сил". Ворошилов продолжал: "Реввоенсовет самым решительным образом настаивает на необходимости восстановления доверия и сотрудничества между СССР и Германией..." Он "предлагал ответственным руководителям партии сосредоточить все свое внимание на военной опасности на Западе и на Востоке и относиться к пожеланиям Верховного командования с должной серьезностью... Реввоенсовет настоятельно рекомендует Политбюро ЦК ВКП (б) забыть в армии на определенное время про все внутривнутрипартийные разногласия и избавить от всяких лишних дерганий тех лиц, которые в случае войны будут на западном и на восточном фронте поставлены во главе наших Вооруженных Сил..."

Ворошилов добавил: "Пора пюкончить с вредными разговорами о том, что товарищ Тухачевский — "троцкист", а товарищ Блюхер — сторонник Сырцова... Решающую роль играют сегодня способности командиров, а не их политические грехи или ошибки..." Конец его выступления прозвучал угрожающе: "Реввоенсовет СССР в последний раз предупреждает Политбюро: возможность спасти СССР существует только в том случае, если вся страна будет переведена на военные рельсы... Партийное руководство, однако, упорно отвергает все предложения Реввоенсовета в этом направлении... Наступит мо-

мент, когда Верховное командование РККА — с санкцией или без санкции Политбюро — будет вынуждено действовать по своему усмотрению.”

Речь Ворошилова не могла не вызвать протеста. Каганович обратился к нему с ”почтеннейшей просьбой не заигрывать с планами военной диктатуры и оставить свой излюбленный тон угроз в адрес Политбюро”. Тем не менее, Политбюро в отсутствие Сталина не могло пойти на открытый конфликт с военным командованием. В резолюции констатировалось, что ”все пожелания Реввоенсовета соответствуют общей линии партийного руководства и что мнения Верховного командования РККА по текущему моменту целиком и полностью разделяются партией”.

Этим вопрос, конечно, не был исчерпан. Агрессивный тон военного командования вызвал, очевидно, крайнее беспокойство в руководящих партийных кругах. На заседании Политбюро 21 апреля 1932 г. неожиданно явился якобы больной Сталин (Инф.200 от 2 мая 1932 г.). На обсуждение был поставлен вопрос о ”пределах компетенции военного командования и о безответственных попытках Реввоенсовета подорвать авторитет и диктатуру партии”. В ходе очень бурного заседания Сталин, согласно ”Информациям Стойко”, ”резко и даже грубо” напал на Ворошилова. Ворошилов, дескать, ”становится в позу”, своевольничает и при этом забывает, что ”верховным органом власти и партии в СССР является Политбюро”. Сталин в раздражении кричал: ”Я знаю, откуда ветер дует и кто из краскомов с удовольствием сыграл бы роль Бонапарта! Ты, товарищ Клим, полный дурак и болван, если не понимаешь, какую глупую роль ты играешь в планах Блюхера и его находящейся в плену старорежимных идей клики... Вы, военные, только и грезите о войне, которая вам наконец даст власть... Но вы забываете о том, что японцев нельзя ставить на одну доску с Польшей и Румынией, и что война с ними будет означать полный конец советской власти, она будет означать также ваш конец, товарищи Ворошилов, Тухачевский и Блюхер... Товарищи из Реввоенсовета делают все возможное, чтобы сыграть японцам на руку... Товарищей из Реввоенсовета нужно решительно одернуть”. Сталин предлагал ”вправить мозги товарищу Блюхеру, выставляющему себя кандидатом в Наполеоны, а товарища Ворошилова пока оставить на его посту, если он возьмет на себя обязательство беспрекословно подчиняться указаниям Политбюро”.

Предложения Сталина были приняты. Ворошилову был поставлен ультиматум: в течение 24 часов дать письменное обязательство беспрекословно подчиниться партийному руководству. Блюхер был освобожден от командования Особой Дальневосточной Армией; его дело передавалось на рассмотрение в ЦКК. Инцидент казался исчерпанным. Он, однако, ясно показал напряженный характер взаимоотношений между Верховным командованием и партийным руководством.

”Делайте, что хотите, только не допустите войны...”

После преодоления конфликта с руководством РККА в центре внимания Политбюро оставалось международное положение. В мае 1932 г. В.Молотов (Инф. 204 от 24 мая 1932г.) поставил на обсуждение полученное им частное письмо Н.Крестинского (16 мая 1932 г.). ”Тов. Крестинский относится к числу тех членов партии и правительства — заявил Молотов, — которые предпочитают не выступать официально со своими мнениями... Тем не менее именно их мнения являются нередко особо ценными для принятия решений, от которых может зависеть все будущее советского строя...”

Картина международного положения СССР, нарисованная Крестинским, была чрезвычайно мрачной. ”Для тебя не является никаким секретом — писал он Молотову, — что мы стоим на краю пропасти... Япония на Востоке, Польша и Румыния на Западе в

открытую подготавливают нападение на СССР... Франция готова финансировать это предприятие. Англия и Америка ожидают громадных военных заказов для своей промышленности...

Мы совершенно изолированы, у нас нет никаких союзников... В военном отношении мы, если верить заверениям тов.Клима, не слабы, но наши финансы совершенно подорваны, а хозяйственное положение действительно катастрофично... Войны на два фронта нам не выдержать... Мы должны ее избежать, не задумываясь над тем, какой ценой. Я заявляю: любой ценой, поскольку война означает конец коммунизма в СССР, конец коммунистического движения в мире вообще... Делайте, что хотите, только не допустите войны! Япония ставит неприемлемые условия. Однако, все условия японцев приемлемы, если мы сможем сохранить мир... Ильич в свое время назвал Брестский мир позорным... Пусть Япония проглотит Маньчжурию, Монголию, Камчатку, Приморье, Приамурье... Она подавится ими!... Политбюро должно встать на позицию Ильича...: мир, даже позорный, мир — любой ценой..."

Крестинский продолжал: "На Западе мы, однако, не должны идти ни на какие уступки! Польша перенапрягает ситуацию по отношению к Германии настолько, что польско-германский конфликт может и должен (здесь многое зависит от нас) возникнуть раньше, чем произойдет столкновение между Польшей и СССР... Открытые карты по отношению к Германии и полное восстановление внешнеполитического сотрудничества с немцами... И даже больше: передоверить советский рынок — конечно, не формально — Германии и привлечь немецких специалистов к фактическому руководству хозяйством СССР... Этим был бы найден ключ к выходу из катастрофического положения, в котором находится СССР..."

Письмо Крестинского, очевидно, произвело впечатление. Политбюро решило вызвать его на свое заседание. Обсуждение внешнеполитических вопросов состоялось приблизительно через неделю, 19 мая 1932 г. (Инф. 206 от 29 мая 1932 г.). Докладовал Молотов. Резолюция, принятая на заседании, основывалась в основном на положениях, содержащихся в письме Крестинского. Она, однако, предоставила военному командованию РККА и Реввоенсовету широкие полномочия по принятию мер, позволяющих объявить и осуществить всеобщую мобилизацию, и рекомендовала, в противовес письму Крестинского, отход от чрезмерной уступчивости по отношению к агрессивно настроенным противникам (Япония). Одним из ее наиболее существенных пунктов было указание на необходимость укреплять дружественные отношения с Германией, Италией и Испанией. Эта попытка возродить прогерманскую ориентацию советской внешней политики встретила сильную поддержку у военных.

Поворот в Германии "совсем не обязательно невыгоден для СССР..."

Победа этой линии советской внешней политики была, однако, далеко не окончательной. Уже через три дня после принятия указанной резолюции коллегия НКВД, согласно "Стойко", предложила Политбюро памятную записку (меморандум), существенно отличавшуюся в своих оценках от положений, сформулированных Крестинским.

Поводом для этих изменений, было, очевидно, быстрое развитие кризиса в Германии — предстоявший уход канцлера Брюнинга, приведший к созданию авторитарного кабинета фон Папена. В меморандуме коллегии НКВД говорилось, что "Германия стоит накануне неизбежного — легального или нелегального — перехода власти в руки правых, реакционных кругов, связанных формально или фактически с национально-социалистическим движением... Открытая или замаскированная военная диктатура наложит свой отпечаток на завтрашнее лицо Германии: генералы Шлейхер и Гаммерштейн будут с этого момента направлять всю внешнюю политику Берлина..." Советское правительство

получит возможность проверить, насколько рейхсвер действительно является носителем "русской ориентации".

Коллегия НКВД указывала на обострение польско-германских отношений в результате перспективы военной диктатуры в Германии. Польша, согласно НКВД, вынуждена переместить свои войска с востока на северо-запад. Это позволяет верховному командованию РККА, в свою очередь, сосредоточить большие силы на Дальнем Востоке и в Сибири. По отношению к Токио можно будет принять более жесткий тон. Коллегия НКВД выражала также уверенность, что отказом от Маньчжурии СССР может добиться мира с Японией. Согласно "Стойко", предложения НКВД были одобрены Сталиным.

Спустя неделю, 29 мая 1932 г. (Инф. 210 от 9 июня 1932 г.) Политбюро еще раз вернулось к вопросу о развитии событий в Германии. Докладывал член коллегии НКВД СССР Коган. Он констатировал, что "в Германии происходит резкий поворот вправо, но не к Гитлеру, как этого ожидали, а в руки групп и лиц, которые, оставаясь в стороне, используют национал-социализм в качестве ширмы..." Такой поворот, по мнению Когана, "совсем не обязательно невыгоден для СССР", поскольку он мог бы вернуть Германию к "русской ориентации".

Наиболее существенными в этом докладе являются, однако, высказывания в адрес Коминтерна. Коган, по сообщению "Стойко" заявил: "Президиум ИККИ, принимая во внимание задачи и заботы советской внешней политики и никогда не упуская из виду основных целей советского правительства, стремится всеми средствами воспрепятствовать возникновению общеевропейского антисоветского фронта. Он имеет возможность использовать в интересах поддержки советской политики в Германии как весь аппарат КПГ, так и разветвленную сеть своих сексотов... в особенности... в рядах гитлеровцев..." От имени коллегии НКВД Коган предлагал считать ближайшими задачами Коминтерна в Германии: 1. Решительную борьбу КПГ против реакции и фашизма, последовательное разоблачение национал-социализма как антипролетарского движения, служащего исключительно интересам капитала. 2. Создание пролетарского единого фронта в Германии на базе сотрудничества или даже коалиции между коммунистами и социал-демократами при условии, что последние ... радикализируют свою тактику (Разрядка моя.— М.Р.). 3. Поддержку антирусских и сепаратистских тенденций с особой целью — воспрепятствовать сближению Германии и Франции. 4. Добиваться всеми средствами обострения польско-германских отношений... 5. Разоблачение антисоветских махинаций европейского капитализма и использование для этих целей либеральной немецкой прессы."

"Стойко" передает также выступление Ворошилова, говорившего в прениях: "Германия пустилась в переговоры с Францией в целях совместной борьбы против коммунизма...; Германия, однако, не будет участвовать ни в каких комбинациях, направленных против СССР как государства. Шлейхер крепко держит в своих руках "русский козырь" и не имеет умысла отказываться от него... Товарищи дипломаты поступают правильно, если они сосредоточат все свое внимание именно на это обстоятельство".

Политбюро, если верить "Стойко", приняло в основном рекомендации НКВД, в частности, оно одобрило директивы по работе Коминтерна.

Эта последняя информация очень важна. В апреле—июне 1932 г. в политике КПГ наметился ряд сдвигов. КПГ пыталась добиться известного соглашения с социал-демократией в борьбе против фашизма. При этом, по-видимому, не исключалась также возможность заключения соглашений с социал-демократическим руководством. Впоследствии, однако, Коминтерн заговорил об "оппортунистических извращениях" в политике единого фронта в КПГ и новые тенденции не получили развития. Весь эпизод имел весьма туманный характер, его подоплека осталась неясной. Информации "Стойко"

важны тем, что они несколько рассеивают этот туман и показывают, что за противоречиями в политике КПГ стояли противоречия в политике ВКП (б).

“Великое оскудение”

К лету 1932 г. перед Политбюро во весь рост встали хозяйственные и социальные проблемы. Они, впрочем, уже и ранее играли существенную роль. Об этом, как уже упоминалось, говорил еще в феврале 1932 г. Сталин; на эти трудности ссылался в своем майском письме Молотову Крестинский. Резолюция Политбюро от 19 мая 1932 г. констатировала наличие хозяйственного и финансового кризиса, а также рост недовольства в стране. В конце мая кризис, однако, усилился настолько, что приходилось говорить не о частностях, а о всем направлении партийной политики. Причиной было, вне всякого сомнения ухудшение положения в деревне; у членов Политбюро не было сомнений в том, что стране угрожают хозяйственные трудности небывалых размеров. Согласно “Стойко”, 6 июня 1932 г. (Инф. 212 от 15 июня 1932 г.) на повестку дня Политбюро был поставлен вопрос о пересмотре пятилетки. На это заседание, по всей видимости в отсутствие Сталина, был приглашен Бухарин, выступивший с трехчасовым докладом.

Эта информация “Стойко”, если она достоверна, имеет чрезвычайно большое значение. Приглашение Бухарина на заседание Политбюро означало не только фактическое, но в известном смысле и формальное поражение Сталина. Политбюро как бы возвращалось ко времени конфликта с “правыми” 1928—29 гг., пытаясь получить у Бухарина ответы на вопросы, возникшие в результате принятия сталинского курса. Такой шаг был невозможен без оформления в Политбюро нового, пусть еще непрочного большинства, а это, в свою очередь, делает более понятным ряд последовавших событий, включая сталинскую расправу со многими членами Политбюро.

Доклад Бухарина исходил, по сообщению “Стойко”, из того, что “коллективизация потерпела неудачу”: “Партийные организации гнали за раздутыми цифрами коллективизации и искусственно создавали колхозы административным путем. Кроме того они пускали пыль в глаза... В результате колхозы разваливаются... У колхозников было отнято почти все зерно, все хлебные излишки, часть продовольственного запаса, а затем ко всему было повсеместно приступлено к конфискации посевного фонда, который был изъят до 75—80%!... Деревни голодают; голодающие деревни естественно не могут дать хлеба полуголодным городам... Декреты об ограничении плана хлебозаготовок и о разрешении свободной торговли продуктами колхозного производства являются полумерами; к тому же они были приняты очень поздно... Систематическое разорение крестьянства приносит теперь неизбежно свои плоды и заводит все социалистическое строительство в тупик”.

Бухарин констатировал, что в стране наступило “великое оскудение”: недостаток продовольствия бесспорен; к нему, однако, добавляется не менее чувствительный недостаток промышленных изделий широкого потребления. “При таких условиях свободный оборот только прикрывает всю беспомощность пятилетки... По моему твердому убеждению — продолжал Бухарин, — наступает ситуация, которая волей-неволей заставляет пересмотреть пятилетку, пока, по тактическим соображениям, частично...”

Первостепенной задачей Бухарин считал переориентировку предприятий тяжелой промышленности на производство предметов широкого потребления, поскольку советская легкая промышленность была не в состоянии удовлетворить товарный голод населения. “Но также это является паллиативной мерой. Ни свободный оборот, ни частичный пересмотр пятилетки сами по себе не помогут. Должен быть в полном объеме

поставлен вопрос: что дальше? И честным ответом на него является лишь принципиальный пересмотр всей генеральной линии партии..."

Выслушав Бухарина, Политбюро, по сообщению "Стойко", создало особую комиссию в составе Молотова, Калинина, Кирова, Яковлева и Бухарина и поручило ей выработать в восьмидневный срок проект кардинального пересмотра пятилетки.

В "Информациях Стойко" содержатся сведения и о более поздних заседаниях Политбюро, посвященных той же теме. На заседании 28 июня 1932 г. (Инф. 220а от 9 июля 1932) был поставлен доклад Наркомзема СССР Я.А.Яковлева о положении в сельском хозяйстве. "Многие товарищи — говорил Яковлев, — взяли себе за правило везде и всюду похвалиться головокругительными успехами в сельском хозяйстве, которые якобы выразились в четырехкратном превышении плановых заданий... Но суть дела заключается не в процентах коллективизации, а в том, что продукция сельского хозяйства должна была за 5 лет возрасти при неизменных ценах с 16,6 до 25,8 миллиардов рублей (т.е. на 54,9%)..." Яковлев пояснял, что с учетом экспорта и роста населения (на 12% за 5 лет) потребление сельскохозяйственных продуктов на душу населения должно было повыситься на 28—30%. В действительности же положение развивалось следующим образом. В 1930 г. был получен отличный урожай (87,4 млн. т по сравнению с 82 млн.т в 1913 г.); заготовки составили 24,6 млн.т (в 1929 г. — 15,5 млн.т); резко повысился экспорт (4,8 млн.т по сравнению с 0,1 млн.т в 1929 г.). Снабжение населения было сравнительно хорошим. В 1931 г. предполагалось собрать урожай в 97,8 млн.т. В действительности же было получено лишь 72,9 млн.т, хотя посевная площадь возросла со 105,5 млн.га в 1927 г. до 136,6 млн.га в 1931 г. Значительное расширение посевных площадей, а также снабжение сельского хозяйства самыми разнообразными машинами не привело, таким образом, к повышению урожайности. Снабжение населения хлебом понизилось в пересчете на душу населения на 11%. "Особенно знаменательным является... растущее сопротивление колхозов и совхозов..." Это, по мнению Яковлева, вполне понятно: в 1930 г. государственные органы при урожае в 87,4 млн.т заготовили 24,6 млн.т, в то время как в 1931 г. при урожае в 72,9 млн.т было запланировано заготовить 32,3 млн.т: "оставшегося в деревне зерна тем самым не хватает... (для прокорма деревенского населения.— М.Р.) Продовольственные припасы были израсходованы еще зимой, и население начало проедать посевной материал..." Яковлев делал вывод, что основные задачи пятилетки в сельском хозяйстве не были выполнены: не были преодолены трудности в снабжении населения продовольствием, не улучшились заготовки зерна. Особенно плохо обстояли дела со снабжением населения хлебом. В 1926 г. на душу населения приходилось 5,4 ц зерна (в 1913 г. — 6,3 ц), в 1931 г. лишь 4,8 ц. ●

Окончание в следующем номере

О Т Р Е Д А К Ц И И

По указанию автора напечатанной в № 1—2 (1985) статьи "Острова блаженных. Вторая литература и Самиздат в Ленинграде" Юрия Колкера вносим в его статью уточнения: 1) семинар "Гумилевские чтения" был организован не И.Ф.Мартыновым, а О.А.Охупкиным и В.С.Порешом в 1976 г.; 2) журнал "Часы" в последние годы выходил один раз в два месяца; 3) четвертый выпуск "Ленинградского еврейского альманаха" вышел в августе 1984 г., пятый в декабре 1984 г., шестой в начале 1985 г.; 4) участие В.Б.Кривулина в "Северной почте" не было номинальным, он осуществлял общее руководство журналом.

Игорь ЕФИМОВ (Нью-Джерси)

ПРОЦЕСС ЦИНЦИННАТА Ц. И КАЗНЬ ИОСИФА К.

1. На пересечении двух фантазмагорий

Сопоставление двух романов — "Процесса" Франца Кафки и "Приглашения на казнь" Владимира Набокова, — само по себе не новое, представляется одновременно и вполне законным, и парадоксальным.

Есть ли сходство между бабочкой, любимым существом Набокова, и бескрылым жуком, описанным Кафкой в рассказе "Превращение"? Энтомолог скажет, что сходство есть, и перечислит ряд общих признаков, по которым оба могут быть отнесены к классу насекомых.

Есть ли общие черты у этих двух столь непохожих романов?

Конечно. Например, можно заметить определенное сюжетное сходство: и там, и здесь рассказ идет о том, как человека осудили на гибель за неизвестную вину. И там, и тут герою противостоит бездушная судебно-карательная машина, которая внимательно следит за каждым его шагом, но не дает знать, что, как и когда она собирается с ним проделать. Есть сходство приема: и в том, и в другом романе художественная задача состоит в том, чтобы создать мир, в котором реальное переплетено с сюрреальным. Есть сходство и в психологической мотивировке драмы: герой противопоставлен миру в силу некоего исключительного свойства, которым он обладает ("непрозрачность" Цинцинната Ц., наличие Процесса у Иосифа К.). Мелькает даже совпавшая деталь: вертлявая, неуловимая, приставучая, любопытная дочка начальника тюрьмы в "Приглашении на казнь" похожа на тех девчонок, которые липнут к Иосифу К., когда он посещает художника, и вносит такую же тревожно-эротическую неопределенность.

Однако все эти сходные черты не составят набора признаков, достаточных для объяснения романов "родственными". Жанр "антиутопии", каким он сложился в произведениях Замятина, Хаксли, Орвелла, Брэдбери, Стругацких, если и перекликается с рассматриваемыми романами, то лишь внешними признаками — не сутью. Антиутопические писатели строили свои произведения, в известном приближении, по одному и тому же приему: они выбирали какие-то тенденции или сдвиги, наметившиеся в современной им социальной, политической, научно-интеллектуальной жизни, и начинали фантазировать о том, что произойдет, если эти тенденции разовьются с непомерной энергией до своего логического конца. Далее действие переносилось в абсурдно-гротескное общество, которое могло при этом получиться.

Другое дело Кафка и Набоков. Реалии общественного устройства мало занимали их. Они дают своему воображению поиграть с ними — но не больше. Набоков, например, сочиняет для города, где живет Цинциннат, традицию сообщать осужденному смертный приговор шепотом. Или, с мастерской иронией, разрабатывает правила поведения узника в темнице:

1. Безусловно воспрещается покидать здание тюрьмы.
2. Кротость узника есть украшение темницы...
6. Желательно, чтобы заключенный не видел вовсе, а в противном случае тотчас сам пресекал, ночные сны...

8. Дирекция ни в коем случае не отвечает за пропажу вещей, равно как и самого заключенного.

Причудливые ответвления мира Суда пронизывают мир Иосифа К. То он наткнется на сцену порки провинившихся стражников в помещении обычного банка, где он служит; то священник в храме представится ему как тюремный капеллан. Но при всем том герой остается внутри обстоятельств жизни заурядного пражского чиновника. Да и за пределами тюрьмы-крепости, в которой содержится Цинциннат Ц., очень многое напоминает жизнь русского провинциального городка, с пересохшей речкой, горбатыми улочками, садом, мелкими достопримечательностями, как например, "почтенный, дряхлый, с рыжими, в пестрых заплатах, крыльями, самолет..." на котором, по слухам, в незапамятные времена "кушцы летали в Китай".

Прием гротескного преувеличения если и используется Кафкой и Набоковым, то не в отношении социальных тенденций, как у писателей антиутопистов, а в отношении более глубоких, духовных конфликтов, коренящихся в самой сути человеческого бытия. Оба автора ощущали суть этих конфликтов по-разному. Только осознав принципиальное несходство их мироощущений, сможем мы извлечь важный урок из странного феномена: с перерывом в 10 лет два похожих романа были написаны двумя столь несхожими писателями (дата первой публикации "Процесса" – 1926, "Приглашения на казнь" – 1936).

2. По какому закону судят Иосифа К.?

Известный эмигрантский критик Георгий Адамович писал во вступлении к зарубежному изданию "Процесса" на русском языке:

... С человеком может произойти все, решительно все, без того, чтобы кто-либо оказался в состоянии оправдать или хотя бы только мотивировать происшедшее. Борьба бесполезна, бессмысленна, призрачна... Кто превратил его (Иосифа К.) из свободного, преуспевающего по службе человека в затравленное, ошеломленное существо? Иосиф К. этого не знает, Кафка этого не объясняет.

Было множество других критиков и исследователей, которые также подчеркивали внешнюю бессмысленность драмы Иосифа К. и представляли Кафку писателем абсурда. Ибо наше привычное представление: суд над человеком возможен лишь при наличии вины. Если судят без вины, значит, суд несправедлив, неправоделен, и настоящий преступник – судья.

Из-за страсти к поспешным и упрощающим суждениям мы стараемся не вспоминать, что несчастья, обрушившиеся на библейского Иова, были ниспосланы (как и в романе "Процесс") именно на невинного. Мы стараемся не вслушиваться в вопли праведника, обращенные к Богу: "Зачем Ты поставил меня противником Себе, так что я стал самому себе в тягость?" (Иов 5:20). Мы стараемся не вдумываться в жизненную драму Кафки, который, не совершив ничего дурного, жил с постоянным тягостным ощущением вины. Мы не понимаем людей, которые предъявляют себе требования столь непомерные, что они исключают любую возможность удовлетворения собой и своими делами, а значит и возможность – не счастья, нет, – но хотя бы краткого мига покоя, передышки.

А именно такова была жизнь Кафки, именно этот свой духовный опыт он и пытался отразить в романе "Процесс".

Я знаю только два чуда на свете, сказал Иммануил Кант. Звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас.

Именно этот закон – Закон с большой буквы – и является главным героем романа. И пусть нас не сбивает с толку, что слуги его представлены, в большинстве своем,

в столь непривлекательном, казенно-чиновничьем облике. Если бы Кафка попытался изобразить их всеведущими мудрецами в белых одеждах, исчезло бы главное: ощущение ужаса, чуждости, неумолимости, которое он стремился передать.

В романе Камю "Падение", во многом близком "Процессу", первоначальным толчком к бесконечному самообвинению служит конкретный проступок: герой прошел мимо бросившейся в воду девушки, не спас. Иосифа К. "арестовывают" и вызывают на "допрос" без всякого повода. "Виной" в сущности оказывается вся жизнь. Когда "обвиняемый" решает отстаивать себя и бороться, он пытается вспомнить и переосмыслить все прошлое.

Мысль о процессе уже не покидала его. Много раз он обдумывал, не лучше ли было бы составить оправдательную записку и подать ее в суд. В ней он хотел дать краткую автобиографию и сопроводить каждое сколько-нибудь выдающееся событие своей жизни пояснением — на каком основании он поступил именно так, а не иначе, одобряет ли он или осуждает этот поступок со своей теперешней точки зрения...

Хотя Суд изображен бесконечно могущественным, многократно подчеркивается, что герой мог бы и не являться на заседания и допросы, что каждый раз он приходит с а м.

Всю следующую неделю К. изо дня в день ожидал нового вызова..., а когда ожидаемый вызов так и не пришел, К. усмотрел в этом молчании приглашение в тот же дом на тот же час. Поэтому в воскресенье он снова отправился туда...

Суду ничего от тебя не нужно. Суд принимает тебя, когда ты приходишь, и отпускает, когда ты уходишь.

Какими-то таинственными нитями Закон связан с искусством и религией. Недаром наиболее подробные разъяснения о ходе судопроизводства Иосифу К. дают художник и священник. Художник, например, объясняет два способа, какими обвиняемый может оттягивать приговор: мнимое оправдание и "волокита". Священник же рассказывает притчу о стражнике у Врат Закона. Стражник не дает просителю войти, но и не гонит, позволяет сидеть у входа, время от времени задает вопросы, принимает дары, рассказывает о привратниках, караулящих следующие врата, в глубине. Прождав всю жизнь, в предсмертной тоске, проситель задает последний вопрос:

"Ведь все люди стремятся к Закону... как же случилось, что за все эти долгие годы никто, кроме меня, не требовал, чтобы его пропустили?" И привратник, видя, что поселянин уже совсем отходит, кричит изо всех сил, чтобы тот еще успел услышать ответ: "Никому сюда входа нет, эти врата были предназначены для тебя одного. Теперь пойду и запру их".

Языком притчи Кафка пытается передать нам выстраданную им правду: только на нижних ступенях может Закон удовлетвориться ценящимися среди людей простыми добродетелями — порядочностью, трудолюбием, отзывчивостью. На более высоких уровнях, на которые человек поднимается сам, увеличивая требования к себе, Закон может заставить тебя выбирать не только между эгоизмом и самопожертвованием, не только между добром и злом, но также между добром и Богом. Когда человек откажется от своих удовольствий ради помощи ближнему, он, по крайней мере, может надеяться возместить свои жертвы одобрением окружающих. Но пусть не ждет он людского одобрения, когда душа его отзывается на призыв Бога. Ведь когда Христос призывает последовать за Ним, оставив родных и близких и причинив им тем самым безмерную горе, никто из живущих не сможет сказать человеку, откликнувшемуся на этот призыв: "ты прав". Ибо в пугающем выборе между д о б р ы м и в ы с о к и м он всегда будет один.

Более того: он не смеет надеяться и на высшее оправдание. Он предчувствует, что его не пропустят даже через первые врата, если не будет в нем трепета и чувства вины.

И впадая в отчаянье от этой тупиковой дилеммы, Иосиф К., наподобие Иова, бросает вызов верховному Судье:

— Значит, ни одного оправдания, — повторил К., словно обращаясь к себе и своим надеждам. — Но это только подтверждает мнение, которое я составил себе об этом суде. Значит, и с этой стороны суд бесполезен. Один палач вполне мог бы его заменить.

Если у человека есть дар любви, он стремится реализовать его в браке, в семейных радостях, в детях. Если есть творческий дар, он стремится воплотить его в произведениях и радуется их успеху. Кафка обладал и тем, и другим. Но его требования и к любви, и к творчеству были так непомерны, что и то, и другое доставляло ему непрерывные страдания. В личной жизни он всегда ощущал пропасть, отделявшую безмерность его чувства от неизбежной земной ограниченности конкретной возлюбленной. Он так и не смог соединиться ни с Фелицей Бауэр, ни с Миленой Есенской, хотя страстно пытался, и его письма к обеим женщинам вылились в два ярких эпистолярных романа. Точно так же и в литературном творчестве, которое было для него главным смыслом жизни, он страшится пропасти, отделяющей живой творческий процесс от законченности-застылости-умерщвления, какие есть в отпечатанной и переплетенной книге: без конца переделывает свои произведения, не отдает их в печать, приказывает все сжечь после его смерти.

Похоже, что лишь одно слабое утешение имел он в течение своей горькой жизни. В одном месте романа "Процесс", стыдливо и мимоходом, нам дается понять, какими видятся автору "обвиняемые".

... Большинство обвиняемых кажутся Лени красавцами (говорит адвокат)... Если есть на это глаз, то во многих обвиняемых и в самом деле можно увидеть красоту. Конечно, это удивительное, можно сказать, феноменальное явление природы... Люди, искушенные в таких делах, могут среди любой толпы узнать каждого обвиняемого в лицо. По каким приметам? — спросите вы... Просто эти обвиняемые — самые красивые... Все кроется в поднятом против них деле, это оно так на них влияет. Разумеется, среди этих красивых людей есть особенно прекрасные. Но красивы они все, даже Блок, этот жалкий червяк.

3. Преступление Цинцинната Ц.

Набоков многократно утверждал, что он писал "Приглашение на казнь", не прочитав романа "Процесс". У нас нет никаких оснований сомневаться в его словах. И не только потому, что он был крайне щепетилен в вопросах вкуса и артистической чести. (Свою неповторимость и непохожесть он оберегал так, словно за утрату ее ему грозила судьба Цинцинната Ц.) Роман Кафки должен был быть бесконечно чужд ему. Написанный подчеркнуто простым, неброским стилем, он может расцениваться как вызов эстетическим идеалам Набокова. Кроме того, проникновение этической проблематики в художественное творчество, судя по всему, казалось Набокову чуть ли не кощунством. Традиции русской литературы XIX века, насыщенной моральными и социальными вопросами, вызывали у него убийственный сарказм. В романе "Дар", в университетских лекциях Набоков изобретательно издевался над ними. Среди студентов его персонажа, профессора Пнина, упоминается девица, которая пошла изучать русский язык лишь для того, чтобы иметь возможность прочесть в подлиннике "знаменитый роман писателя Толстоевского "Анна Карамазов".

В "Приглашении на казнь" тяжбе между героем и окружающим миром вообще не отведено места. Все начинается с приговора. Автор с первой и до последней страницы —

на стороне осужденного. То, что противостоит ему, — маскарадный мир судей, тюремщиков, палачей, — никаких прав судить Цинцинната Ц. не имеет. Даже права на существование автор не оставляет ему: в конце тюрьма, эшафот, трибуны рушатся, как обветшалые декорации.

Во всем написанном Набоковым вряд ли отыщется герой, который мучился бы проблемами добра и зла, греха и искушения. У него другие ориентиры в жизни, другие координаты: честь и бесчестье, любовь и измена, восторг художественного свершения и позор падения в пучину посредственности. У Гумберта Гумберта мелькает что-то похожее на самооправдание, когда он встречает Лолиту взрослой:

Но, слава Богу, я боготворил не только эхо. Грех, который я бывало лелеял в спутанных лозах сердца, сократился до своей сущности: до бесплодного и эгоистического порока; и его-то я вычеркивал и проклинал. Вы можете глумиться надо мной и грозить очистить зал суда, но пока мне не вставят клепа и не придушат меня, я буду вопить о своей бедной правде. Неистово хочу, чтобы весь свет узнал, как я люблю свою Лолиту... (разрядка моя — И.Е.)

Но эти несколько строк потому и запоминаются, что они — такая редкость посреди десятков страниц — до и после, — описывающих терзания ревнивца и упоение казни, совершаемой над соблазнителем Лолиты.

Я попытался попасть ему в висок. Он отступил в свою спальню с пурпурным месивом вместо уха.. Я увидел, как этот забрызганный кровью, но все еще подвижный человек влезает в постель и заворачивается в хаос простынь и одеял. Я выстрелил в него почти в упор...

В романе "Ада" герой уничтожает соперника, также безоружного и прикованного к кровати, с садистским сладострастием. И снова: ни тени сострадания, ни проблеска мысли о правоте-неправоте своей. Слово таких понятий вообще не существует на свете.

Между Цинциннатом Ц. и его губителями нет тягбы, потому что нет Закона, который соединял бы их под одним куполом. Противостояние здесь не моральное, не юридическое, а исключительно эстетическое. Мир губителей бесконечно бездарен и пошл. Адвокат, начальник тюрьмы, родня осужденного представляют из себя галерею персонажей, чем-то напоминающих героев Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Ничем не лучше их жена героя, Марфинька, которую он на свою беду нежно любит и которая не просто изменяет ему, а имеет для этого даже объяснение-оправдание:

"А Марфинька нынче опять это делала (говорит она про себя)... Я же, ты знаешь, добренькая: это такая маленькая вещь, а мужчине такое облегчение".

Незабываем палач, мсье Пьер, с его сентенциями о жизни, о женщинах, об искусстве, гастрономии и пр.

— Наслаждение любовное, — сказал мсье Пьер, — достигается путем одного из самых красивых и полезных физических упражнений... Речь идет именно о планомерной и упорной добыче наслаждения, заложенного в самых недрах обрабатываемого существа. В часы досуга работник любви сразу поражает наблюдателя соколиным выражением глаз, веселостью нрава и свежим цветом лица. Обратите также внимание на плавность моей походки.

Хотя нигде это не сказано прямо, ясно, что преступление Цинцинната — обладание художественным даром. Искусство — единственная реальность в мире, поэтому он единственный — реальный, "непрозрачный". До поры до времени, в детстве и юности, ему удавалось прятать это, но, в конце концов, он попался. (Сравните у Стругацких в романе "Обитаемый остров": "выродков" находят по чудовищной головной боли, которая начинается у них под действием излучения, вызывающего энтузиазм и ликование у большинства.)

Быть непрозрачным в мире теней — такое страшное преступление, что виновный не может быть просто физически уничтожен. Ритуальные мучения не исчерпываются обезглавливанием. Его томят неизвестностью, не сообщая дня и часа казни. В нем пробуждают надежду на спасение: по ночам он слышит стук за стеной и воображает, что кто-то роет к нему в камеру подкоп. Но и это оборачивается очередным издевательством, оформленным в виде дружеского розыгрыша. Накануне казни устраивается подобие пышного бракосочетания между осужденным и палачом, гости кричат "горько". Цинциннату дают иллюзорную возможность реализовать свой поэтический дар, но при этом он знает, что все, написанное им в камере, будет уничтожено, не уцелеет ни клочка бумаги, ни строчки.

Стоит внимательно вчитаться в эти предсмертные записки Цинцинната Ц. В них проступает настолько яркое художническое восприятие мира, что читателю становится ясно: у человека с такой открытостью, восприимчивостью души даже в нашем, "цивилизованном" мире шансов выжить было бы немного. Горячечные, пронзительные, бессвязные, они, возможно, являются самым ярким автобиографическим отрывком, в котором Набоков приоткрывает тайники собственного творчества.

С тех пор, как помню себя, — а помню себя с беззаконной зоркостью, — собственный сообщник, который слишком много знает о себе, а потому опасен, а потому... Я исхожу из такого жгучего мрака, таким вьюсь волчком, с такой толкающей силой, пылом... Я ценю всякую передышку, отсрочку... я имею в виду время мысли, — отпуск, который даю своей мысли для дарового путешествия от факта к фантазии — и обратно... Я еще многое имею в виду, но неумение писать, спешка, волнение, слабость... Я кое-что знаю. Я кое-что знаю. Но оно так трудно выразимо!...

Сохраните эти листы... — что вам от этого сделается? — а я так прошу... Мне необходима хотя бы теоретическая возможность иметь читателя, а то, право, лучше разорвать.

Но эта рвущаяся, на пределе искренности, боли, прозрения, интонация — что она напоминает нам? В памяти всплывают отрывки из дневников другого измученного человека — невымысленного, реального:

Какой чудовищный мир теснится в голове моей! Но как мне освободиться от него и освободить его самого, не разорвав. И все же лучше тысячу раз разорвать, чем хранить или похоронить его в себе.

У меня бывали состояния, очень близкие состояниям ясновиденья... Я всецело жил при этом каждой фантазией и каждую фантазию воплощал, и чувствовал себя не только на пределе своих сил, но и на пределе вообще человеческих сил.

Тому, кто живой не может справиться с жизнью, одна рука нужна для того, чтобы отводить немного в сторону отчаянье по поводу своей судьбы, — это делается очень неуклюже, — другой же рукой он может записывать то, что видит под развалинами.

Эти отрывки взяты из дневников Франца Кафки. Таким неожиданным образом всплывает и обнаруживает себя новая, более глубинная связь между двумя романами, двумя писателями. Ибо, сам того не ведая, в Цинциннате Ц. Набоков написал литературный портрет Франца Кафки. Предельная ранимость, отчаянное одиночество, но одиночество не гордое и самодовольное, а ненавидящее себя, рвущееся к людям, скромность житейской судьбы в соединении с огромностью таланта, нездешняя прозорли-

вость, влюбчивость, грустная ирония над самим собой и отзвук смертной тоски даже в короткие минуты радости — все эти черты одинаково проступают и в осужденном на смерть поэте Цинциннате Ц., и в осужденном на жизнь писателе Франце Кафке. Даже в их отношении к материалу творчества, к слову, мелькает поразительное сходство. Цинциннат Ц.: "У меня лучшая часть слов в бегах и не откликаются на трубу, а другие — калеки". Франц Кафка: "Когда я после некоторого перерыва начинаю писать, я словно вытягиваю каждое слово из пустоты. Заполучу одно слово — только оно одно и есть у меня, и опять все надо начинать сначала".

Здесь же, в записях Цинцинната Ц., находим мы строчки, которые могли бы послужить эпитафией на могиле Кафки:

Быть может гражданин столетия грядущего, поторопившийся гость (хозяйка еще и не вставала), быть может, просто так — ярмарочный монстр в глазающем, безнадежно-праздничном мире, — я прожил мучительную жизнь, и это мучение хочу изложить, — но все боюсь, что не успею.

4. Пророчество двадцатому веку

Набоков, писавший свой роман на 10 лет позже, успел увидеть наплыв на Европу сначала красной, а потом коричневой чумы. Может быть, поэтому в нарисованном им городе-государстве гуще мелькают приметы нового тоталитаризма. Так родственники должны публично отречься от осужденных: жена Цинцинната бросает вместе со всеми свою записку в шляпу судебного пристава; мать просит у невестки справку, что она никаких отношений с сыном-преступником не поддерживала. Слежка всех за всеми: "Безопасных мест становилось все меньше, всюду проникало ласковое солнце публичных забот". Бутафорский характер государственной символики: герб — доменная печь с крыльями, в театре идет опера-фарс "Сократись, Сократик".

У Кафки ничего этого нет. Неумолимость, непроницаемость Суда, противостоящего герою, изображена в виде восторжествовавшей, всемогущей канцелярщины. Если Набокову и видится какая-то бесконечность за внешней оболочкой враждебного герою мира-декорации, то это лишь бесконечность пошлости. Герой Кафки за внешней, доступной ему, порой жалкой и смехотворной суетой нижних инстанций Суда, провидит величественное зрелище уходящих чередой вглубь мироздания Врат Закона, предошущает грозную пирамиду судей, о вершине которой, о Верховном Судье, человеку дано лишь с трепетом и смутной душевной догадываться.

Выше были перечислены и другие, не менее важные различия в жизненной и художественной позиции двух писателей. О чем же, в этом случае, говорят черты сходства двух романов, столь странные и многозначительные приметы их сродства?

Думается, здесь мы имеем дело с тем непостижимым феноменом, когда оракул искусства разными голосами и на разный лад пророчесствует нам об одном и том же. И перевод этого пророчества на язык рационального мышления должен звучать примерно так: страшная напасть идет на тебя, о человек, возвышающийся над толпой; поднимается серость, чтобы стереть тебя, обкромсать до своего уровня или уничтожить. Не надейся, Иосиф К., что кто-то заинтересуется твоим процессом, захочет чему-то научиться у тебя или, наоборот, прорвется сквозь стену одиночества, чтобы научить или помочь: вас, живущих под гнетом постоянного самообвинения, всего лишь горстка, и каждый предоставлен самому себе, каждый один лицом к лицу с Законом. Не надейся, Цинциннат Ц., что кто-то пророет подземный ход в твою камеру, спасет или хотя бы унесет в безопасное место твои прерывистые строчки: прошли времена, когда в толпе могло возникнуть чувство благоговейной благодарности художнику, осталась лишь инстинктивная ненависть к его исключительности.

Литература XIX века уделяла большое внимание среднему человеку, "бедным людям", ощущая в попрании их человеческого достоинства главную угрозу божественной искре свободы, дарованной каждому из нас при рождении. В веке двадцатом мы ощущаем явный перелом. Но это не означает, что крупные писатели или поэты, будучи сами людьми исключительными, восстают на защиту себе подобных от посягательств посредственности. Их пророческие голоса говорят нам о более важном: о том, что разрушительные силы надвигаются не на отдельных людей, а на саму устремленность человеческой души к чему-то более высокому — к красоте, к правде, к Богу. Задавлена может быть не горстка одаренных (это бы еще ничего, народятся другие), а сам наш порыв вверх, которому эта горстка помогает гореть.

И пусть не обманывает нас поэтическая разноголосица, да не собьет с толку внешнее несходство. Да, на первый взгляд может возникнуть впечатление, что Набоков и Кафка — бесконечно далекие друг от друга писатели. Тем многозначительнее должны показаться нам совпадения в их творчестве, столь явно обнаруживающие себя в романах "Процесс" и "Приглашение на казнь".

Ведь можно представить себе, что двое дозорных, находящихся на разных башнях городской стены, станут выкрикивать противоречивые предупреждения: один — что враг подступает с севера, другой — что с юга. Но жители города, знающие честность и остроу взгляда своих дозорных, должны догадаться, что смысл предупреждения расшифровывается иначе. А именно:

Враг подступает со всех сторон.

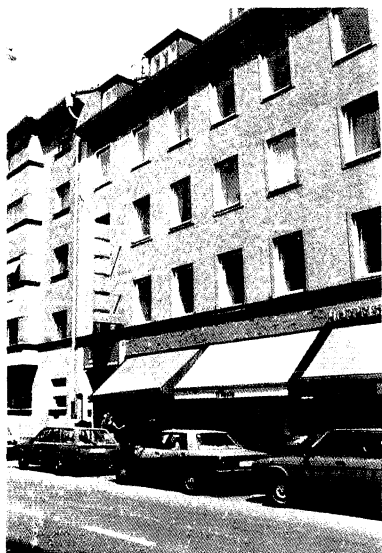
Весь вопрос в том, хватит ли у них — у нас — мужества, чтобы услышать. ●

МЕЖДУ ПРОЧИМ

"Марианну" иногда называют старшей сестрой Статуи Свободы: она стала официальным символом Франции на 36 лет раньше, в 1850 году. С тех пор легко одетая девушка во фригийском колпаке неизменно возбуждает патриотические чувства французов. В последние двадцать лет живым воплощением Марианны была Брижит Бардо. Именно она служила моделью для всех скульптурных изображений Марианны, украсивших городские ратуши. Однако французы решили, что пришла пора сменить облик Марианны. В результате проведенного опроса общественного мнения Б. Б. дали отставку и избрали на почетный пост живого национального символа киноактрису Катрин Денев. Ей 41 год. Денев приняла известие сдержанно, но с очевидным удовольствием — в соответствии со своим актерским амплуа. Теперь она возглавит комиссию по выбору скульптора, которому будет поручено создать по новой модели современное олицетворение французской свободы.

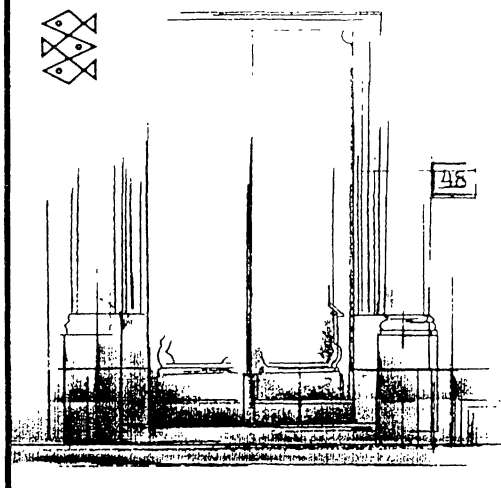

УЛИЦА ШЕЛЛИНГА, 48

Walter Kolbenhoff Schellingstraße 48

Erfahrungen mit Deutschland

Fischer

На исходе Второй мировой войны город Мюнхен на Изаре, обязанный своим возникновением ссоре Генриха Льва с епископом Фрейзингским из-за пошлин на соль, — император решил учредить собственную таможенную, — Мюнхен, превратившийся в XIX веке в один из красивейших городов Европы, колыбель русского славянофильства, город, который напоминал Ивану Киреевскому Москву, в котором Тютчев прожил, по его словам, "тысячу лет", Мюнхен, переживший в начале нашего века художественный расцвет, который обеспечил ему почетное место в истории европейского искусства, Мюнхен Кандинского и Явленского, югенд-стиля и Синего всадника, Мюнхен с его восьмисотлетней историей, с музеями, библиотеками, с изумительной церковью св. Иоанна-Непомука, с голубыми шапками Фрауэнкирхе и Английским садом, по которому бродил Андрей Белый, город Вагнера и Рихарда Штрауса, город Томаса Манна, где жили его герои, писатель Густав Ашенбах и композитор Андриан Леверкюн, — Мюнхен "пивного путча" 1923 года и национал-социалистической революции, осиное гнездо, откуда осатаивший мещанский национализм двинулся триумфальным маршем по Германии, пожрал Европу и ринулся на Россию, — этот Мюнхен в конце войны больше не существовал. Семьдесят четыре налета союзной авиации, с июня 1940 до конца апреля 1945 года, превратили исторический центр города в беспорядочное нагромождение кирпичей, щебня, битого стекла и изуродованной арматуры. На Мюнхен было сброшено шестьдесят тысяч фугасных и три с половиной миллиона зажигательных бомб. Половина горожан лишилась крова. Молот возмездия размозжил плоды труда и таланта двадцати поколений.

На улице Шеллинга, пересекающей Швабинг — старинный район наук и искусств, среди немногих более или менее уцелевших зданий сохранилось одно, хотя летчики осо-

бенно старались его разбомбить: дом № 39, где помещалась редакция газеты Геббельса "Фелькишер беобахтер". Первого мая 1945 года американская армия вошла в Мюнхен. В подвалах стояли целые и невредимые ротационные машины: "боевой листок национал-социалистической рабочей партии" выходил до конца апреля. Это оборудование было использовано для печатания "Новой Газеты", первой газеты на немецком языке, которая издавалась под контролем оккупационных властей с начала 1946 г.

Редакция "Новой Газеты" разместилась частью в этом доме, частью напротив, в доме № 48, пригодном для жилья. В газете сотрудничал бывший солдат вермахта, вернувшийся из американского лагеря военнопленных, начинающий журналист Вальтер Кольбенгоф. Сорок лет спустя он рассказал о доме, где он поселился, в книге воспоминаний "Улица Шеллинга, 48". В комнате у Кольбенгофа собирались литераторы. Здесь был основан сыгравший в те годы исключительную роль журнал "Дер Руф" — "Зов". Здесь в 1947 году возникло по инициативе Ганса-Вернера Рихтера и Альфреда Андерша неформальное объединение писателей, поэтов и литературных критиков, вошедшее в историю немецкой, да и всей послевоенной европейской литературы под названием "Группа 47". Ее участниками были Генрих Белль, Ильза Айхингер, Ингеборг Бахман, Гюнтер Грасс, Мартин Вальзер, Марсель Райх-Раницкий. Все они побывали здесь, на улице Шеллинга, напомилавшей длинное ущелье между двумя рядами руин.

Сегодня город Мюнхен насчитывает 1300 тысяч жителей. Он восстановлен и, как ни удивительно, сохранил в большой мере свой былой облик. Нынешняя Шеллингштрассе — шумная улица, полная магазинов, книжных лавок и кафе. За столиками на тротуаре сидят студенты, между машинами лавируют велосипедисты. Впереди, в просвете улицы, как и сто лет назад, высятся остроконечные башни церкви св. Людвига, направо площадь Одеона, налево — университет, старинная арка и каштаны Леопольдштрассе.

Этот маленький репортаж мы написали для собственного развлечения. В доме № 48 по улице Шеллинга находится редакция журнала, который читатель — с удовольствием или неудовольствием — держит сейчас в руках.

ПРОЩАНИЕ С АВАНГАРДОМ

Поводом для этой заметки послужила напечатанная в пятнадцатом номере журнала "Обзорение" статья Василия Аксенова "В авангарде — без тылов", точнее, та ее часть, где говорится собственно об авангарде. Я понимаю, что вырывать из текста отдельные мысли — опасное дело. Но я надеюсь, что большинство читателей согласится со мной, что во всей статье они наиболее интересны.

Пересказать их, не прибегая к цитатам, трудно, так как автор изъясняется не без некоторого кокетства. Не так легко понять, что говорится всерьез, а что — ради красного словца. Все же попробуем составить краткое резюме. Русский художественный авангард совпал по времени с Мировой войной, революцией и первыми годами советской власти. На этом основании авангард был объявлен искусством революции. Но это ошибка. На самом деле революция и ее детище — советское тоталитарное государство — были врагами авангардизма. "Авангард в России с самого начала революции был, разумеется, обречен на вытеснение тяжелым и все разрастающимся арьергардом, огромной прыщавой жопой социалистического реализма, столь любезной революционным обскурантам". Указанная часть тела оккупировала все посадочные места в салон-вагоне литературы, и так продолжалось вплоть до XXII съезда. В эту пору отпели и литературной юности автора "иронический сюрреализм авангарда" вновь заявил о себе. В дальнейшем лучшая часть русской литературы, перебравшись на Запад, окончательно оторвалась от советского тыла; она продолжает традиции авангарда и в этом качестве участвует в "мировой циркуляции веществ". К авангарду принадлежат наиболее значительные писатели эмиграции, не только те, кто, как Саша Соколов или сам автор, сознательно следуют его заветам, но и такие, которые не догадываются о том, что они авангардисты, — например, Г.Владимов и А.Солженицын.

Конечно, в таком голом изложении концепция автора, словно эстрадная дива, с которой сняли усыпанное блестками платье и смыли грим, теряет многое. На статью, главное достоинство которой то, что она написана весело, следовало бы и откликаться в таком же стиле. К сожалению, я не умею плясать вприсядку. Кроме того, я не думаю, что в этой пестрядине вся суть. Мысль Аксенова кажется мне серьезной, может быть даже — втайне выстраданной. Должно быть, поэтому за ней трудно следить.

Прежде всего, конечно, возникает вопрос: что здесь подразумевается под авангардизмом? Автор задает его сам. "Что прикажете считать авангардом: формальный ли только поиск, безудержное ли экспериментаторство или что-то еще такое, что толкает творцов "аванты", то есть вперед?" Далее говорится о том, что на конференции американских преподавателей, посвященной творчеству Саши Соколова, был выдвинут тезис: авангардно все, что живо. "Звучит это, — замечает автор, — может быть, не так уж и легковесно, судари мои".

Это очень важное добавление. Ответа на вопрос мы не получили, но зато нам ясно дают понять, что авангардизм есть живое и даже единственно живое искусство. Теперь, пожалуй, можно объяснить и странную оценку Владимова и Солженицына как писателей, якобы не чуждых авангарду. Пусть Владимов верен традиционной реалистической манере, зато содержание его книг противостоит мертвому социалистическому реализму, следовательно, он писатель живой. Пусть проповедь Солженицына призывает к тени обер-прокурора Победоносцева, зато он пишет, согласно "недавним изысканиям" профессора Лосева, как Андрей Белый, и, значит, тоже шагает в авангарде.

Но что же такое все-таки авангард? Понять это из довольно сумбурной статьи не так просто. По-видимому, только что упомянутые примеры приведены все же не совсем

всерьез, и говоря об авангарде не в расширительном, а в собственном смысле слова, автор имеет в виду нечто более определенное. Иначе оказалось бы, что вся советская литература, а может быть, и значительная часть советской, все, что так или иначе противоречит практике и теории социалистического реализма, все отмеченное хотя бы относительным новаторством или подражающее новаторам — все это авангард. Очевидно, что автор так не думает. Внимательное чтение статьи "В авангарде — без тылов" убеждает, что и в его понимании авангардизм примерно соответствует тому, о чем говорится в учебниках: это совокупность течений, возникших в русской литературе около 1913 года и провозгласивших радикальную ломку традиционных литературных форм. То, что расцвело ко времени революции, было ею задавлено, начало возрождаться после смерти Сталина и ныне составляет единственно жизнеспособную часть нашей литературы. Довольно простая мысль.

Можно ли с ней согласиться? Я думаю, что нет. Я думаю, что объявить революцию причиной угасания авангардизма — значит сильно упростить действительность, если не вовсе исказить ее. "Искусство, — напоминает Василий Аксенов, — лишь в малой степени соотносится с политикой". Совершенно справедливо; но революция Семнадцатого года, ее приближение и ее взрыв были чем-то гораздо большим, чем политическое событие. Другими словами, она не была делом рук какой-то одной политической группы, заговором бесов или аферой мошенников. Не хочется возвращаться к надоевшему спору, но слишком много обстоятельств дают основание видеть в русской революции именно то, что увидело в ней большинство современников, — грозовой разряд энергии, копившейся в толще народа десятилетия, если не века.

Художественный авангардизм, нравится нам это или нет, был слабым подобием социальной революции. Дух революции, дух свирепой и агрессивной молодости, — был и его духом. Это было восстание против культуры довоенного и дореволюционного общества внутри самой этой культуры. Совсем неслучайно вожди авангардизма и у нас, и на Западе были людьми радикальных убеждений. Все это, впрочем, хорошо известные вещи, и нет смысла их жевать.

Но революция привела к власти тоталитарную партию, и все краски начали линять. Новому режиму авангардистское искусство было ненужно, ибо оно было революционно. Новому режиму нужно было тоталитарное искусство: героически-сентиментальное, понятное народу, помпезное, натуралистическое и мещанское. И я совершенно согласен с Аксеновым, когда он говорит, что авангард погиб под натиском арьергарда. Можно назвать дату окончательной гибели авангардизма: 1930 год, смерть Маяковского.

Коварство всей этой истории, однако, в том, что у авангардизма были и другие причины сойти со сцены. Зададим себе вполне абстрактный вопрос: что стало бы с футуризмом, имажинизмом, обэриутами, ЛЕФом и т.д., если бы их постепенно не придушила партийная критика и партийная литература? Что стало с итальянским футуризмом, с французским сюрреализмом и дада? Что произошло — если воспользоваться более поздним примером — с парижским "новым романом" 50-х годов?

На это придется ответить вполне определенно. Авангардизм был и сплыл. Нет, он не исчез, как не исчез революционный дух; дух революции, какие бы эмоции сейчас ни вызывало у нас это слово, неистребим. Но если считать авангардизм, вслед за его адептами, одним из проявлений этого духа в литературе, то придется констатировать, что революционный азарт и натиск авангардизма стал беспредметен: та культура слова, на которую он ополчился, осталась в прошлом. Сама по себе установка авангардизма на сверхсовременность сделала его несовременным; самое слово "авангард" стало анахронизмом. Экспериментальная словесность давно перестала быть передовым отрядом литературы, если она вообще когда-нибудь им была.

Авангардизм основательно встряхнул буржуазное искусство. Можно изумляться превозданно свежему чувству слова у гениального дикаря Хлебникова; можно, открыв

рот, как смотрят на цирковой номер, читать стихи Тристиана Тцара. Заставить себя читать прозу автора "Палисандрии" значительно труднее. Время не то.

Я не антимодернист, хотя бы потому, что авангард и модернизм не синонимы. Однако и модерн перестал быть современным. Время, в которое нас угораздило жить, называется иначе. Что-то произошло в мире, побудившее многих в Европе и Америке обозначить эпоху искусства, литературы и науки после 1930 года новым термином, дать ей новое определение: *post-moderne*. Изменилось и отношение к художественному авангарду. В сегодняшнем западном обществе литератор-авангардист больше не аутсайдер, не импозантный бунтарь, не *enfant terrible* и не гадкий утенок, в котором не разглядели лебедя. Скорее он находится на содержании у этого общества. Но дело не только в этом.

Можно понять причины внутреннего кризиса экспериментальной литературы, понять, почему жонглирование словами выглядит достаточно убогой новацией рядом с достижениями настоящей литературы. Потому что авангардизм спасовал перед новой и неслыханной действительностью. Его корифеям, по крайней мере тем, кто не считал "формальный поиск" самоцелью, казалось, что хаосу жизни можно противопоставить лишь свой собственный душевный хаос, что невнятица и недисциплинированность — это наиболее адекватные формы, в которых можно выразить безумие мира. Но задача художника, как и задача ученого, — укротить хаос и вернуть ему смысл.

Незаметно сформировалось новое представление о новаторстве. Если хотите, это архаизирующее новаторство. Ему не нужна варварская татуировка и наряд из крашенных перьев. Оно не свистит в два пальца и не собирается сбрасывать с парохода современности классиков. Оно просто знает, что писать так, как писали Стендаль и Толстой, больше невозможно. Это новаторство, которое основано не на разрушении формы, а на ее усложнении.

Как и наука XX века, постклассическая литература оперирует новыми, неслыханными прежде моделями мышления. Переборки, наглухо отделявшие художественное творчество от философии и науки, разрушены, эта литература вообще немислима и непонятна вне общекультурного контекста эпохи. Происходит новый синтез идей и образов. Психология скрещивается с мифологией, прошлое живет в настоящем, действительность предстает неоднозначной. Литературному авангардизму, имеющему претензию отшвырнуть историю и культуру под предлогом борьбы с рутинной, до всего этого нет дела. Он даже не догадывается о подобных вещах, наивно полагая, что художнику мыслить необязательно.

Постклассическая литература — это литература четкой артикуляции. Она читит достоинство слова и умеет правильно его произносить. Слишком ответственно его содержание, чтобы позволить себе шепелявить. Повествование, рассказ о случившемся — остается ее стержнем. Литература поколений, переживших войны и лагеря, она не боится взглянуть в лицо жизни и хотела бы, по слову Ходасевича, даже предсмертный стон облечь в отчетливую оду. Все дряблое, нечесанное, бесформенное, утомительно-многословное, все расхристанное и претенциозно-неряшливое ей чуждо. Крупнейшие писатели нашего века прошли мимо авангардизма.

Для постклассической литературы колоссальное значение приобретает стиль. Можно сказать, что стиль в литературе — это то же, что метод в науке: инструмент реконструкции мира. Но авангард не знает, что такое стиль. Это приводит к комическому парадоксу: художник, превыше всего ставящий свою самобытность, оказывается неотличим от собрата по авангардистской артели.

Автору статьи "В авангарде — без тылов" хочется убедить себя и других, что единственной альтернативой лживой советской литературе является авангард. "Оторваться от тылов" — от воспитания, полученного в Союзе писателей, — значит для него очутиться в рядах авангарда. Эту иллюзию можно понять. Но он прав, говоря о том, что отличительное свойство авангардизма — его живучесть. Авангард действительно не умер,

как не умерли, к примеру, рядом с главными мировыми религиями религиозные секты. Сектанство — ценный материал для религиоведения. Сходную функцию, как я подозреваю, выполняет и современный литературный авангард. Не располагая ресурсами для того, чтобы поставлять духовную пищу читателю, он выполняет другую задачу. Современный авангард обслуживает литературоведение. Вся эта словесность как будто сознательно задалась целью поставлять консервы для доцентов литературы. Тема "панели", о которой упоминает В.Аксенов, — "Творчество Саши Соколова и традиции авангарда в современной русской литературе" — вот это для них в самый раз.

Помахаем ручкой авангардизму, этому состарившемуся подростку. Пошлем ему воздушный поцелуй и розу в стакане. Дай Бог ему здоровья, сил и способностей продолжать кувыряться в углу на своем коврикe.

Борис Хазанов

МОЖНО ЛИ СТАВИТЬ СОВЕТСКИЙ СТРОЙ НА ОДНУ ДОСКУ С НАЦИЗМОМ?

Письмо в редакцию и ответ

Уважаемый г-н редактор!

В последних номерах вашего журнала я несколько раз встретил сравнение Советской России с нацистской Германией, коммунизма с нацизмом и т. п. В сборнике "Страна и мир — 84" это сравнение пережевывается и излагается подробнейшим образом в вашей беседе с Симоном Визенталем, где говорится, что "не менее тяжкие преступления совершались и в Советском Союзе", и содержится призыв к Нюрнбергским процессам над виновными.

Стоит ли в сотый раз напоминать, что такие сравнения мало приятны, мало приемлемы и несправедливы, что они глубоко задевают русских, англичан, американцев, сражавшихся плечо к плечу против нацизма, что они, в некотором смысле, реабилитируют уникальное, ни с чем не сравнимое зверство нацизма, превращая его в одно из многих преступлений века?

Я понимаю, что, выпуская либеральный журнал эмиграции, вы находитесь под постоянным давлением со стороны людей, для которых и Милюков с Керенским — большевики. Возможно, сравнивая коммунизм с нацизмом, вы подсознательно стараетесь оправдаться в глазах тех, кто и вас считает "большевиком" и изменником России. Но эти сравнения могут потрафить только бывшим власовцам, которые — если принимать вашу позицию — просто избрали другое зло из двух сравнимых зол.

Люди, непосредственно столкнувшиеся с этой проблемой, — евреи в Израиле, — посадили в горах Иудеи лес Красной Армии неподалеку от леса Жертв нацизма, и там ежегодно собираются тысячи израильтян, спасенных Красной Армией, и их дети. Все мы — евреи Восточной Европы — уцелели только благодаря Советскому Союзу, впусившему еврейских беженцев в то время, когда прочие страны Европы и Америки установили санитарный кордон на своих границах.

В вашей беседе с Визенталем вы задаете теоретический вопрос, "можно ли было бы помогать нацистам в розыске советских преступников против человечности". Действительно, нацисты немало пробовали играть на дуде "советских преступлений против человечности", и в то время, когда в Освенциме сотни тысяч шли в душегубки и печи, немецкая кинохроника снимала эксгумацию могил Катыни, где были убиты пленные польские офицеры. Иными словами, вопрос принятия фактов, прошедших сквозь мельницу нацистской пропаганды, уже стоял во время войны.

Преступления сталинской поры были разоблачены еще покойным Хрущевым, и более правильным было бы сравнение не с нацистскими преступлениями, но с преступлениями франкистов. Ведь после победы Франко три миллиона испанцев оказались в фашистском Архипелаге Гулаг, тысячи были казнены без суда, политзаключенные использовались при строительстве, в частности, крупнейшей франкистской туристской аттракции — базилики в Долине Павших и т. п.

Это сравнение оказалось бы полезным и при ответе на вопрос о будущих Нюрнбергских процессах. Естественное желание покарать виновных иногда оказывается не соответствующим национальным интересам, иногда народ выбирает не путь контртеррора, но примирения. Так поступили испанцы, которые после победы демократии и смерти Франко не создали ни ЧК, ни Нюрнбергского трибунала, но дали палачам Герники и Гвадалахары дожить свою жизнь, полагаясь на Творца. Пока эта тактика оказалась плодотворной: Испании удалось относительно безболезненно совершить переход от фашизма к демократии.

Не исключено, что реформы, которые пережила Россия и которые ей еще суждены, более напомнят испанский образец, нежели немецкий. Призывы к возмездию, разговоры о Нюрнбергских трибуналах навряд ли приблизят момент полного торжества демократии в России, скорее они напугают миллионы советских людей, если когда-либо этот вопрос станет актуальным. "Россия, где на каждом столбе висит коммунист", — эта эмигрантская утопия так, видимо, и останется утопией. Напомним, что палачи 37-го и даже 52-го годов если и живы, то уже достигли преклонного возраста и стали дедами молодого поколения: так смешивается кровь жертв и палачей. Напомним, что немецкие и австрийские антифашисты, вроде Крайского и Брандта, не занимались охотой на преступников после победы, но также стремились к национальному примирению. Начиная разговоры о сходстве нацистов и коммунистов, ваш журнал отказывается от того преимущества вменяемости, которое было на стороне Третьей волны в сравнении с Первой эмиграцией и Второй волной.

С тех пор как практически приостановился выезд из Советского Союза, прекратилась и (кажущаяся?) близость эмиграции и внутренней оппозиции. Если в 70-х годах казалось, что литература и мысль по-русски едины по обе стороны шереметьевской взлетной полосы, сейчас это ощущение исчезает — в России продолжается жизнь, на Западе продолжается своя жизнь, но в эмиграции, оторванной от Запада и от России, продолжается тень жизни, и тень погонщика тенью кнута гонит тень мухи. Вам, г-н редактор, принадлежит блестящая мысль о том, что эмиграция, как и тюрьма, останавливает развитие человека, он остается таким, каким был в миг отъезда. И тут к этой естественной "реакционности" эмиграции примешивается еще дополнительная, вызванная общением с предыдущими волнами эмиграции, давно утратившими всякую связь с реальностью российской.

Короче говоря, даже в наш период упадка диссиданса можно говорить и спорить о том, что возникнет в России в случае реформ или общественных изменений, но идей Нюрнбергских процессов в Калуге тешиться не к лицу серьезному журналу.

Искренне ваш
Израэль Шамир (Иерусалим)

Уважаемый г-н Шамир!

Наш диалог с вами может быть плодотворным лишь при одном условии. Постарайтесь сделать над собою усилие и допустить, что люди могут высказывать мнения, не совпадающие с вашим, не потому, что они хотят кому-то "пографить" и "оправдаться", а просто потому, что действительно так думают.

Коснусь сначала тех исторических фактов, которыми вы оперируете. Не потому, что каждый из них по отдельности имеет решающее значение, а потому что позиция ваша, возможно, объясняется недостаточным знанием истории. Гернику бомбили не "франкистские палачи", а немецкая авиация (легион "Кондор"). Выражение "палачи Гвадалахары" вообще бессмысленно: в затрагиваемом вами контексте Гвадалахара вошла в историю лишь тем, что там произошло одно из самых крупных сражений гражданской войны, в котором, кстати, одержали победу республиканцы. Вы утверждаете, что в свой "Архипелаг ГУЛаг" Франко бросил "три миллиона", — Большая Советская Энциклопедия, явно склонная завышать, а не занижать цифры такого рода, говорит лишь о "десятиках тысяч".

Но это Испания. Ваше знание и своей собственной еврейской истории — по крайней мере того периода, о котором вы пишете, — тоже весьма приблизительно. Вы утверждаете, что "евреи Восточной Европы уцелели только благодаря Советскому Союзу, впустившему еврейских беженцев в то время, когда прочие страны Европы и Америки установили санитарный кордон на своих границах". "Санитарный кордон" (будем использовать этот термин, взятый вами из другой исторической эпохи) установила практически только одна Швейцария, боявшаяся за свой нейтралитет, и в какой-то степени Бельгия. Есть претензии и к Англии, полностью закрывшей въезд евреев в Палестину, но это, как вы понимаете, уже претензии иного рода — речь шла не о спасении от гибели, а о политическом вопросе, хотя и крайне важном.

Все прочие западные страны охотно принимали еврейских беженцев: одни в пределах квот (довольно значительных) — например, США, другие неограниченно — например, Латинская Америка и Япония. В 1939 г. — до оккупации Франции — в Эвиане состоялась специальная конференция 36 западных стран по проблеме еврейских беженцев. Советский Союз в ней участия не принимал.

Теперь о Советском Союзе. Известно лишь два эпизода еврейской эмиграции в Советский Союз в довоенный период. Один — в связи с основанием Биробиджана, когда в СССР была допущена группа австрийских штурмбундовцев, другой — въезд в СССР группы польских коммунистов-евреев после смерти Пилсудского, когда положение евреев в Польше резко ухудшилось. Оба раза речь шла лишь о нескольких десятках человек, оба раза все "беженцы" позднее сгинули в лагерях.

Наверное, вы имеете в виду другой исторический эпизод: открытие для беженцев советско-германской границы в сентябре 1939 г. Случайно или нет, вы не упомянули, что это была за "граница". А это была демаркационная линия раздела Польши, установленная пактом Молотов—Риббентроп. Германские и советские войска двигались к ней с двух сторон. Я понимаю, что упоминание этой подробности было бы губительно для вашей концепции.

Демаркационная линия — не на всем протяжении — была открыта для беженцев, причем не только еврейских, но сделано это было по инициативе местных военных властей. Во многих случаях после вмешательства более высоких инстанций беженцев возвращали назад. Тем не менее, многие действительно спаслись. Но можно ли это рассматривать, как спасение "всех евреев Восточной Европы"?

Не кажется ли вам, что для советского еврейства более судьбоносным оказался запрет антифашистской пропаганды в СССР во время расцвета нацистско-советской друж-

бы, наступившего после того, как Польша была растерзана? Любое упоминание в печати о нацистских зверствах было запрещено и почти приравнивалось к антисоветской пропаганде; а в это время уже был построен Дахау и строился Освенцим. Мне думается, что не будь этого, евреи Украины и Белоруссии лучше понимали бы, что их ждет, и не остались бы на насиженных местах, предпочтя эвакуироваться.

Впрочем, я, кажется, понимаю, какой образ владеет вашим сознанием: образ Красной Армии — освободительницы, спасшей Европу от нацизма, открывшей ворота нацистских концлагерей. Да, — это было. Но если речь об этом, то почему "евреи уцелели *только* благодаря Советскому Союзу"? Вы же сами упомянули англичан и американцев, "плечом к плечу с русскими сражавшихся против нацизма". Кстати, именно они освободили большинство лагерей, находившихся на территории самой Германии.

Мне нет, конечно, нужды говорить лишний раз о том, что спасение Красной Армией выживших в концлагерях евреев вовсе не было выражением особой любви к ним со стороны советского режима, — иначе пришлось бы считать Советский Союз лучшим другом Израиля на том основании, что он активно содействовал в ООН созданию этого государства. Время, как говорится, было такое. А когда наступило время иное, был разработан грандиозный план переселения евреев на Дальний Восток — план, не пущенный в ход лишь из-за смерти Вождя народов.

Это прекрасно, что в горах Иудеи есть лес Красной Армии. Но я хочу думать, что люди, приходящие в этот лес, благодарно думают о простых парнях с винтовками, прошедших до Берлина, а не о простых парнях с другими винтовками, стрелявших в сердце Льва Квитко или Ицика Фефера, или охранявших за колючей проволокой Осипа Мандельштама. Надеюсь, что они во всяком случае не вспоминают с благодарностью Генералиссимуса этой армии.

И еще: мне представляется большой несправедливостью, что в горах Иудеи нет леса Союзных армий.

Но хорошо, пусть даже вы правы и один только Советский Союз — спаситель евреев. Достаточное ли это основание, чтобы отрицать глубинное родство нацистского и советского режимов? Да, в Советском Союзе не было уничтожено, как в Германии, 6 миллионов евреев. Истребление целых категорий населения шло здесь по социальному, классовому, а не по национальному признаку (хотя и такое бывало, и примеры вы знаете). Сколько было уничтожено — никто в точности не знает, историки спорят до сих пор. Но спорят они лишь о количестве десятков миллионов: было ли это всего лишь 10 миллионов, как считают самые осторожные, или 20 (некоторые называют даже 60). Неужели и сейчас, вспомнив эти цифры (конечно же, вы их просто забыли!), вы считаете, что коммунизм и нацизм — несравнимы? Да, разумеется, из *тех* погибших — лишь малая часть евреев, но даже в пылу любого спора я не могу допустить и мысли, что для вас эта разница может быть решающей.

Какую еще разницу вы усматриваете? В методах уничтожения? Что эти люди гибли не в газовых камерах, а под очередями пулеметов, от непосильного труда, голода и холода? Как сказано в одной из песен:

"А за то, что не жгут, как в Освенциме,
Ты еще им спасибо скажи"...

Я не знаю, что "гуманнее" — смерть в газовой камере или медленное физическое и духовное уничтожение — если само слово "гуманность" не звучит кошунственно в этом кошмарном контексте.

Вспоминают об всем этом люди, приходящие в Лес Красной Армии? Или чужая боль не болит?

Нет, напоминая о десятках миллионов сгинувших без следа, мы не "реабилитируем" нацизма, не превращаем его "в одно из многих преступлений века". *Таких* режи-

мов в истории человечества было всего два. Впрочем, я добавил бы сюда еще коммунистическую Кампучию: 1,5 миллиона убитых за короткое время в стране с 7-миллионным населением — это "сравнимое" зверство или нет?

Поговорим теперь о возмездии. Конечно, приписывая нам мечту о "России, где на каждом столбе висит коммунист", вы позволяете себе передержку, и мне кажется, что вы об этом знаете. Простите, если я неправ. Но вопрос все равно остается: что же нам делать с палачами? Искать и судить? Простить и забыть?

Мне кажется, что вам уже давно ответил Александр Солженицын в "Архипелаге ГУЛАг":

"...В Западной Германии к 1966 году осуждено ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ преступных нацистов — и мы захлебываемся, мы страниц газетных и радиочасов на это не жалеем, мы и после работы останемся на митинг и проголосуем: МАЛО! и 86 тысяч — мало! и 20 лет — мало! продолжить!

А у нас осудили (по рассказам Военной Коллегии Верх-Суда) — около ДЕСЯТИ ЧЕЛОВЕК.

То, что за Одером, за Рейном, — это нас печет. А то, что в Подмоскowie и под Сочами за зелеными заборами, а то, что убийцы наших мужей и отцов ездят по нашим улицам и мы им дорогу уступаем, — это нас не печет, не трогает, это — "старое ворошить".

А между тем если 86 тысяч западно-германских перевести на нас по пропорции, это было бы для нашей страны ЧЕТВЕРТЬ МИЛЛИОНА!..

Страна, которая восемьдесят шесть тысяч раз с помоста судьи осудила порок (и бесповоротно осудила его в литературе и среди молодежи), — год за годом, ступенька за ступенькой очищается от него.

А что делать нам?.. Когда-нибудь наши потомки назовут несколько наших поколений — поколениями слюняев: сперва мы покорно позволяли избивать нас миллионами, потом мы заботливо хохотали убийц в их благополучной старости.

Что же делать, если великая традиция русского покаяния им непонятна и смешна? что же делать, если животный страх перенести даже сотую долю того, что они причиняли другим, перевешивает в них всякую склонность к справедливости? Если жадной охапкой они держатся за урожай благ, возвращенный на крови погибших?

Разумеется, те, кто крутил ручку мясорубки, ну хотя бы в тридцать седьмом году, уже немолды, им от пятидесяти до восьмидесяти лет, всю лучшую пору свою они прожили безбедно, сытно, в комфорте — и всякое РАВНОЕ возмездие опоздало, уже не может свершиться над ними.

Но пусть мы будем великодушны, мы не будем расстреливать их, мы не будем наливать их соленой водой, обсыпать клопами, взнуздывать в "ласточку", держать на бессонной выстойке по неделе, ни бить их сапогами, ни резиновыми дубинками, ни сжимать череп железным кольцом, ни втеснять их в камеру как багаж, чтоб лежали один на другом, — ничего из того, что делали они! Но перед страной нашей и перед нашими детьми мы обязаны ВСЕХ РАЗЫСКАТЬ и ВСЕХ СУДИТЬ! Судить уже не столько их, сколько их преступления. Добиться, чтоб каждый из них хотя бы сказал громко:

— Да, я был палач и убийца...

Мы должны осудить публично самую ИДЕЮ расправы одних людей над другими! Молча о пороке, вгоняя его в туловище, чтоб только не выпер наружу, — мы СЕЕМ его, и он еще тысячекратно взойдет в будущем... Молодые усваивают, что подлость никогда на земле не наказуется, но всегда приносит благополучие.

И неуютно же, и страшно будет в такой стране жить!"

Мне нечего добавить к этим великолепным словам.

С уважением
Кронид Любарский

Очутившись в плену, после кратковременного пребывания в Гейдельберге, Париже и в Бельгии, я был доставлен в поместье Фарм-Холл вместе с несколькими старыми друзьями и коллегами по "урановому клубу"; среди них были Отто Ган, Макс фон Лауэ, Вальтер Герлах, Карл Фридрих фон Вейцеккер, Карл Вирц. Фарм-Холл находится в 25 милях от старинного университетского города Кембриджа. В свое время я несколько раз посещал Кевендишскую лабораторию, места эти мне были знакомы. В маленьком кружке десяти интернированных немецких атомных физиков Отто Ган был, бесспорно, самой привлекательной личностью...

Шестого августа 1945 года, после обеда, ко мне внезапно пришел Вирц и сказал, что несколько минут назад радио сообщило, будто на японский город Хиросиму сброшена атомная бомба. Я не очень поверил этому сообщению. Я знал, что для производства атомных бомб требуется техническое оснащение, которое стоит, наверное, миллиарды долларов. Да и чисто психологически я не мог допустить, что американские физики, которых я хорошо знал лично, вложили все свои силы в подобный проект. Лишь вечером, слушая более подробную передачу, я осознал ужасный факт: успехи атомной физики, которым и я отдал двадцать пять лет своей жизни, привели к тому, что погибло неисчислимое множество людей.

Больше всех был потрясен Отто Ган. Это понятно: расщепление урана было его главным научным открытием. Оно, это открытие, стало решающим шагом в развитии атомной техники. Молча, в полной растерянности он ушел к себе, и мы даже боялись, не сделает ли он чего-нибудь над собой.

Имел ли он основания считать себя виноватым? Были ли виновны в случившемся мы все, и в чем состояла наша вина?.. Ган и все мы участвовали в развитии современного естествознания. Это развитие есть жизненный процесс, на который отважилось — или в который дало себя вовлечь — несколько веков назад европейское человечество. По опыту известно, что этот процесс может порождать и добро, и зло. Но мы верили, что с ростом знания добро в конце концов сумеет обуздать зло. До открытия Гана никто из нас не мог и помыслить о возможности такой вещи, как атомная бомба, ведь физика в то время развивалась совсем в другом направлении. Выходит, что мы должны были считать участие в жизненном процессе развития науки — преступлением?.. Радикальные умы скажут, что нужно вовремя отстраняться от такого развития науки, ибо оно ведет к катастрофе. Они скажут, что есть задачи — социальные, экономические и политические, которые важнее, чем прогресс науки. Быть может, это и так, однако в сегодняшнем мире жизнь людей в огромной степени зависит от развития науки...

Нельзя, разумеется, думать, что физики и технологи способны решать важные политические проблемы лучше, чем политики. Но научная деятельность приучает к ответственному и профессиональному мышлению и, что еще важнее, приучает мыслить в широком контексте. Думая так, трудно удержаться от упрека американским физикам, которые упустили из рук решение, надо ли применять бомбу. Ибо трудно допустить, что они не догадывались, к чему это приведет. Но вправе ли мы, здесь, в Европе, их упрекать? Быть может, нам просто повезло, — больше, чем нашим коллегам по ту сторону океана.

ОКАЯННЫЙ КОНТИНЕНТ —

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ